

Елена Бурунова

В омуте
Страстей

Annotation

Пять коротких современных любовных романа в одной книге " В омуте страстей". Пять абсолютно непохожих истории. Пять главных героинь: редактор журнала Марина, учительница лицея Виктория, девочка - подросток Полина, деревенская девушка Аглая и дочь кастеляна Туровца Янина. Что может их объединять? Любовь. Такая разная, непостоянная, страстная, запретная. Это всё любовь. «Десять лет и три дня» Я думала, что счастлива. Любимая семья. Любимый муж. Любимая работа. Но, три дня изменили мою жизнь. За три дня я узнала тайны, о которых предпочитают не рассказывать. В каждой семье есть свои скелеты в шкафу, но не каждый хочет с ними мириться. «Мой мальчик» Мне двадцать семь лет. Я не замужем и живу с котом. Вся моя жизнь сплошная рутина в школе. Так было, пока в мой класс не пришёл новенький. Я влюбилась в собственного ученика... «Детки» «Моё сердце в его руках...» Мой враг стал для меня самым родным человеком. Он пришёл завоевать мою родину, а сам сдался в плен моей любви. И пусть наша любовь под запретом, но она стоит того, чтобы рисковать. «Сердцу вопреки» 1563 год Литва. Царь Московии Иван Грозный собрал многотысячное войско и вторгся в Литовские земли. По воле случая кастелян Туровца приезжает накануне войны в Полоцк, чтобы вступить в наследство почившего дяди. Его сопровождает дочь Янина с падчерицей и пасынком. Гордая и своенравная пани никак не ожидала встретить среди войск захватчика своего любимого. Несколько лет разлуки не смогли заглушить порывы сердца. Но, как быть теперь? Она жена другого, а он на стороне врага.

- [Елена Бурунова](#)
 - [Десять лет и три дня](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)

- [ЭПИЛОГ](#)
 - [Мой мальчик](#)
 - [Детки](#)
 - [Моё сердце в его руках...](#)
 - [Сердцу вопреки](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Елена Бурунова
В омуте страстей

Десять лет и три дня

ГЛАВА 1

Понедельник. Сегодня у меня будет самый лучший день. Утро только начинается, а есть два повода для праздника.

Первое. Сегодня ровно десять лет со дня нашей свадьбы с Димой. Я счастливая жена и мама. Правда, наши отношения немного поостыли. Но, именно, сегодня я попытаюсь внести огонёк в нашу интимную жизнь. Приготовлю ужин со свечами и хорошим вином. Детей отвезу маме. Красивое сексуальное бельё я уже купила. Ещё неделю назад. Подготовилась основательно.

Второе. Моя новая должность. Я работаю в журнале «Твой мир». Точнее, я редактор в отделе геополитики. Пару дней назад я узнала, что наш главный редактор переводится в Москву на должность повыше. На своё место Игорь Вячеславович рекомендовал меня, как самую талантливую сотрудницу. Нареканий за время работы у меня никогда не было. Я идеальный работник! Я лучший журналист! Всегда такой была. И за мои труды меня вознаградят по заслугам креслом главного редактора. Совет директоров в главном офисе вроде бы одобрил. Это вообще дело решённое. На эту ответственную должность подходящих сотрудников нет. Наконец-то моя мечта осуществится. Чем не лучший день?

Как всегда — я по утрам на кухне. Готовлю завтрак для своих любимых — мужа и двойняшек Артёма и Миланы. Успеваю всё сочетать. Мешаю кашу, крашусь, составляю список продуктов на праздничный ужин.

Мой муж заходит на кухню, застёгивая пуговицы на рубашке.

— Я завтракать не буду, — говорит он, не отрывая глаз от петлиц, — не успеваю. Тёму и Милу я забрать сегодня не смогу.

Огорошил меня любимый. Детей из школы надо забрать в три. Совещание, где объявят о моём назначении, тоже в три.

— Что? — переспрашиваю я, вынимая ложку из кастрюли. — Как не сможешь? Мы же вчера договаривались, что ты заберёшь их. У меня сегодня важный день. И вечер тоже. Детей надо отвезти к маме.

— Насчёт вечера, Марина. Я не знаю, смогу ли справиться пораньше. И вообще, буду ли ночевать дома, — застегнул последнюю пуговицу Дима.

— Как не знаешь? У нас годовщина, — я уже возмущаюсь.

Он надевает фуражку и смотрит на меня с сожалением.

— Марина, мне звонил зам. Проверка из штаба округа приезжает. В части бардак. Подготовиться надо. Я постараюсь, но не обещаю.

Я расстроилась, а каша начала подгорать. Выключив плиту, снимаю кастрюлю. Муж обнимает за плечи, успокаивая.

— Ну, родная, не обижайся. Это не последняя наша годовщина. Будут ещё, — целует он меня в висок и отходит.

Не знаю почему, но в последнее время он только и целует, что в лобик да в височек. Часто пропадает на службе. Оправдывается не нормированным графиком работы военнослужащих. После присвоения ему звания полковника и целой части в придачу, моего супруга, как подменили. Он стал нервным и забывчивым. Особенно, если дело касается нас — его семьи.

— Как удобно, ссылаться на бесконечные проверки, когда надо быть дома, — я разозлилась, говоря ему вдогонку. — Именно сегодня, когда надо забрать детей в три, а я не могу. Именно сегодня, когда у нас годовщина у тебя опять проверка. Третья за этот месяц, Дима. И май ещё не закончился! Почему всё ложится на мои плечи! Я готовлю. Я отважу и забираю детей из школы! Я делаю с ним уроки! Укладываю их спать! Я работаю, как папа Карло! Я плачу ипотеку за квартиру! Я! Всё делаю Я! У меня вообще есть муж?!

Дима надевал ботинки, не обращая никого внимания на меня. Но только до тех пор, пока завязывал шнурки.

— Я служу! А ты замужняя жена! Это твои обязанности: дом, готовка, дети! если ты не можешь совмещать дом и работу, то бросай её. Займись семьёй, как все жёны офицеров! Жди мужа домой, а не бегай с папками и бумажками по офису! Тоже мне великий журналист! — уже кричал на меня он, стоя у дверей. — Мне жена нужна, а не бизнесвумен! Дома сиди!

Он вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Я даже вздрогнула. Дети прибежали ко мне.

— Мама, а папа опять разозлился? Вы снова поругались? — в один голос спрашивали двойняшки.

— Нет, милые, всё хорошо, — соврала я детям.

Покормив сына с дочерью, я отвезла их в школу. Сама по дороге до работы позвонила сестре. Хорошо хоть Аля всегда в таких ситуациях выручает. Сестра сразу подняла трубку.

— Ммм да! — слышу заспанный голос сестры. — Что в такую рань?

— Алечка, спасай меня! Ты не занята сегодня? — жду ответа.

Сестра, всегда отвечавшая быстро, как — то медленно соображала в это утро.

— Занята после шести, а что?

— Аля, заберёшь в три детей из школы и к маме отвезёшь? — умоляюще прошу я её.

— О.К. заберу.

— Спасибо, милая сестрёнка! Чтобы я без тебя делала?!

— Ничего! Сошла бы сума от забот и хлопот, — пошутила она. — Ладно, пока. А то мне ещё собирать на свидание надо. В салон красоты забежать и всё такое.

— О! у тебя поклонник? Кто? Врач с работы или так?

— Да так, обычный парень, — призналась она и положила трубку.

Интересовалась я, радуясь за сестру. Малой уже двадцать семь, а постоянного парня нет. И жизнь не самая лучшая. С работой вечно кавардак. За семь лет уже три клиники и две больницы сменила. Нигде сработаться не может. Алевтина, хоть и сестра моя любимая, а работать не особо старается. Ей бы дома сидеть и соц.сетях зависать.

Ну, что бы я без неё делала?! Действительно сошла бы сума. Какое счастье, что у тебя есть и такая сестра. Никогда не откажет и всегда поможет, сестричка моя. Пока детки были маленькие, Алечка с нами жила. Помогала. Гуляла с племяшками. А когда я в больницу попала с маститом, детям и года не было. Моя сестра заменила им мать на целых две недели. И Дима был накормлен и постиран. Не сестра, а помощница.

ГЛАВА 2

Не успела я переступить порог редакции, как секретарша Игоря Вячеславовича сообщила мне, что шеф желает пообщаться. Я бросила сумку на кресло и поспешила навстречу желанной судьбе. Старалась не бежать по коридору полному сотрудников. Здравовалась со всеми. Улыбалась. Я замечала, какие ехидные у них были улыбочки. На эту должность хотели присесть все, но заслужила только я. Так что дышите глубоко, дорогие коллеги. После трёх я ваш начальник.

Знала бы я в те минуты, когда шла по коридору, что их ехидство вызвано не завистью. Они упивались своим мелочным злорадством. Уже час, как было известно, кто займёт место главного редактора. Я, как всегда, из-за пробок и отвоза детей в школу — опоздала.

Шеф сидел на ещё своём кресле. На его лице было нескрываемое сожаление. Это меня насторожило.

Присаживаясь на кресло напротив, я даже не успела отдышаться, как Игорь Вячеславович сообщил:

— Марина, я очень сожалею, но твою кандидатуру пересмотрели в последнюю минуту. Мне звонил генеральный директор журнала. На пост главного редактора назначен их человек.

— Как не одобрили? Они же подписали бумаги.

Я выпала в осадок. В ушах зазвенело от скакнувшего давления. Я уже представляла себя на этом месте. И вот, я не главный директор. Как так?

— Подписали и переписали, — Игорь Вячеславович налил мне воды и подал. — Попей. Что ты побледнела, Марина.

Вместо водички я вскочила с кресла.

— Я пахала, как лошадь, на этот журнал самого его открытия! Я начинала самого низа от «подай-принеси» до редактора отдела. Я не заслужила этой должности?!

Шеф уже подходил ко мне. Пытаясь успокоить, обнял за плечи.

— Я понимаю тебя. Это твоя должность, но потерпи немножко. Ты так долго к этому шла. Несколько лет! Что тебе стоит подождать ещё один годик?

— Один годик? Один годик! Я посмешище сейчас в глазах сотрудников. Назначали и не назначили! Своего москвича прислали! — кричала, негодуя я.

Вот всегда так — потерпи. А сколько можно терпеть? Ты землю ешь,

добиваясь повышения. Идёшь по головам, ради заветной должности и тебе говорят: «потерпи». Сколько терпеть? Ещё год? Или два? А может три? Надоело!

Рвалась к власти и упала за пару часов до заветной мечты.

— Успокойся, Марина! Мне тоже неприятна вся эта ситуация. Я прочил тебя в главные редактора, как лучшую. Но, как видишь, в Москве решили по-другому, — успокаивал шеф. — Этот человек здесь ненадолго. Он должен показать себя, как руководитель и всё. Потом его ждёт перевод в Нью-Йорк. Марина, — Игорь Вячеславович по-отцовски поцеловал в щёку меня, — для него наш журнал, лишь трамплин к успеху, а не жизнь, как у тебя. Год быстро пролетит. Я в Москве постараюсь выбить для тебя эту должность.

Мне стало немного легче. Ладно, потерпим эту выскочку из первопрестольной.

— Кто этот новый главный редактор? — уже спокойней спросила я.

— Не знаю. Он будет к трём. Аккурат к совещанию.

Ну, вот мой день испорчен наполовину. Должность я не получила, но ничего. Годовщина впереди. Целый вечер и ночь наедине с любимым мужем.

За два с половиной часа до совещания меня и сестра обломала.

— Мариночка, я не могу забрать племяшек! — кричала она в трубку. — Меня вызвали на работу. Медсестёр не хватает. Я уже еду в больницу. Прости, сестричка.

И молчание. Оборвалась связь. Ну, что за день такой?

Пришлось ехать за детьми в школу. Потом отвозить к матери в другой конец города. На совещание я опоздала на полчаса.

Я тихонько открыла дверь в зал совещаний. Жаль, что не в универе учусь, а работаю. Моё опоздание в универе осталось бы не замеченным. Пробралась за парту и села. Никто бы и не увидел меня. Но, я уже не студентка и это не аудитория, а совещание. Как только открылась дверь, на меня устремились десятки глаз. Все редактора отделов и их помощники, а ещё Игорь Вячеславович. Нового главного редактора я пока не лицезрела. Он прятался за тучным телом моего шефа.

— Здравствуйте! — громко сказала я, направляясь к свободному стулу.

— А это наш редактор отдела геополитики — Марина Николаевна Вересова, — представил меня Игорь Вячеславович.

— А мы знакомы. Здравствуй, Марина!

Его голос! Нет! Не может быть! Тринадцать лет прошло после нашего внезапного расставания. И вот он здесь и мой начальник! Как изошрённа

жизнь в своих поворотах.

На мгновение в зале повисла тишина. Потом шушуканье коллег. Ну, как пчёлы в улье. Засуетились, обсуждая и додумывая интересную встречу московской выскочки и журнального тирана.

К слову, меня на работе не очень любили за требования к качеству и скорости. За спиной называли «Тираном в юбке». Я слишком требовательна к себе, так почему должна закрывать глаза на попустительство других.

Хоть я и прибывала в некоем замешательстве от неожиданной встречи, но недолго.

Заняв место за столом, тоже поздоровалась:

— Здравствуй, Кирилл. Давно не виделись.

Мой бывший подошёл ближе. Присаживаясь напротив меня, заметил:

— Да, Марина, больше десяти лет. Смею заметить, ты несколько не изменилась.

А вот этого не стоило говорить. Теперь сплетники додумают за нас нашу прошлую жизнь. Им только дай повод и фантастический рассказ о Марине и Кирилле готов. Фантазия у журналистов безграничная. Особенно в журнале «Твой мир». У нас даже рубрика непознанного есть. Ну, где всякие вурдалаки, оборотни, пришельцы, полтергейсты. Разговоров и домыслов на работе теперь не избежать.

Совещание закончилось. Впервые для меня оно тянулось, а не летело. Я всё время старалась не смотреть на Кирилла. Я не смотрела, а вот он поедал меня глазами. Бесстыдно бегая глазками по мне туда-сюда. Сегодня я была во все оружии. Всё-таки ждала повышения. Чёрненькое коротенькое платьице с приличным декольте. Золотая подвеска. Причёска. Макияж. Туфли на высоком каблуке. И самое главное мое достоинство — обручальное кольцо с маленьким, но всё же брильянтом. Смотри сбежавший жених, я замужем и счастлива.

Мой самоконтроль развеялся, как только я закрыла за собою дверь своего кабинета. Ноги подкашивались. Я села на кресло. Хотелось пить, но графинов с водой у меня, как у Игоря Вячеславовича не было.

«Надо отвлечься», — решила я.

Выкопав из груды статей пару листочков, я принялась читать. Читала и ничего не понимала, что читаю. Как говорится: «смотрю в книгу и вижу фигу». Это про меня в тот день.

Как не пыталась сосредоточиться, никак не получалось. Все мысли улетали на тринадцать лет назад. В то время, когда я была студенткой пятого курса. Красивая. Счастливая. Любимая.

Любимая Кириллом. Мы познакомились на первом курсе универа. Учились вместе. Если есть любовь с первого взгляда, то это про нас. Стоило нам встретиться глазами, и мы уже не расставались ни на минуту. В конце пятого курса даже решили подать заявление в загс. За день до такого события мой Кирюша исчез. Телефон не отвечал. На гос.экзамены не пришёл. Он растворился, словно, его и не было в моей жизни. Я тяжело переживала это расставание. Целый год депрессии. Килограммы успокоительных таблеток. Я так и не оправилась от постигшего меня разочарования. Спасибо сестре. Если бы не она, не знаю, чтобы я делала. Так близко я была к суициду. Её поддержка мне очень помогла. Через два года после побега моего женишка, я познакомилась с Димой. И жизнь наладилась.

До сегодняшнего дня мне, казалось, что от любви к Кириллу я излечилась. Но, нет! Что-то ещё теплится в моём сердце. Как работать с моим бывшим? Встречаться с ним каждый день в редакции и делать вид, что ничего не происходит? Вряд ли у меня это получится. Так хорошо скрывать свои чувства я не умею, но придётся ради призрачной должности главного редактора.

Ближе к концу рабочего дня Кирилл заглянул ко мне.

Без приглашения и разрешения уселся на стуле. Хотя, какое приглашение? Он теперь шеф. Его право.

— Что тебе надо? — спросила я его, не отрывая глаз от статьи.

Со статьёй Любочки, как всегда супер! Молодчина. Недавно пришла к нам в журнал, а уже отличилась. Статьи интересные, живые, затрагивающие. Это девочка напоминает меня в её годы.

— Как работать будем? — запоздало отвечал он вопросом на вопрос, не сводя с меня своих карих глаз. — Палки в колёса друг другу ставить не будем?

— О, Кирилл, это было бы мелочно с моей стороны, — не скрывая сарказма, сказала я.

— Между нами осталось много не досказанного. Расстались, не сказав друг другу ничего, — вытягивая с моих рук листок, говорил он.

Вот теперь мне пришлось поднять на Кирилла глаза. Ох, эти карие глазки... Такие же загадочные и дерзкие. Смотрят, проникая мне в самую душу. Только душа уже не так наивна, как тринадцать лет назад. Я не девушка двадцати двух лет влюблённая в самого желанного студента университета. Я замужняя женщина после тридцати. Взрослая и успешная. На одни и те же грабли не стать опыта хватает.

— Не помню, чтобы наше расставание, как-то задело меня. Ты просто

исчез из моей жизни, а я вышла замуж за другого. Вот и всё. Ничего существенного не произошло, — я вытянула из его рук тот же листок и принялась читать его дальше.

— Отлично. Значит, зла друг на друга не держим, — он опять вытащил листок и уже засунул его в стопку таких же статей на моём столе. — У меня есть пара вопросов к тебе.

— Задавай, — откинувшись на кресле, сказала я.

— Я знаю, что занял твоё место. Сожалею, — он скривил на лице, якобы сожаление, — но, у меня есть предложение. Мне нужна личная помощница. Мой, так сказать, зам. Ты займёшь эту должность. После того, как я улечу в Америку, кресло главного редактора твоё. Никто не сможет уже отказать и задвинуть твою кандидатуру. Согласна?

Я долго не думала. Предложение заманчивое.

— Да. А второй вопрос?

— Второй тоже интересен. Как моя помощница, ты летишь со мною в Женеву на саммит по климатическим изменениям. Билеты забронированы. Вылет завтра в семь вечера, — довольно сообщил мне Кирилл о командировке с ним.

— Это скорее не вопрос, а констатация факта, Кирилл Алексеевич, — заметила я. — Согласна, но с одним условием. У нас только профессиональные отношения. Ничего личного.

— Хорошо, — вставая, он вдруг спросил. — А муж не будет против, что ты летишь с шефом в командировку? Не хочу стать причиной вашей ссоры.

— У нас доверительные отношения, — соврала я, не моргнув глазом.

— Рад за вас, — как-то грустно он порадовался.

И так же с грустью в глазах посмотрел на меня, закрывая за собою дверь моего кабинета.

ГЛАВА 3

Я спешила домой после тяжёлого трудового дня. Ладно, день был испорчен, но вечер и ночь впереди. Я всё ещё надеялась, что Дима освободится пораньше со службы. Заехала по дороге в магазин. За два часа успела приготовить мясо по-французски. Нарезать салатиков. Сварить любимый Димин борщ. Накрыть стол в гостиной. Зажечь свечи. Привести себя в порядок после беготни на кухне. Села за стол и, как любящая жена, стала ждать мужа.

Наши антикварные часы пробили девять. Потом десять. Потом одиннадцать. Когда стрелки перевалили за полночь, я набрала номер мужа. Мне сообщила девушка: «Абонент отключён или находится вне зоны действия сети». Вот так вот! Мой муж вне действия сети. Я дозвониться до него не могу. Хотела оставить видео сообщение. Записала, но передумала отправлять. Зачем? У него служба. И когда он просмотрит мои сопливые упрёки?

В тот вечер я впервые подумала, а что если у него появилась любовница. В последний год наши отношения изменились. Нет больше любви, тепла, заботы. Одна бытовуха и придирки по поводу и без поводов. Посмотрев на себя в зеркало, я прогнала эту мысль. Я думала: мужья изменяют обабившимся жёнам в халатах и бигудях. Это не про меня. Мне тридцать пять. Ни кто не даёт мне больше двадцати. Красивая, стройная, ухоженная. Даже сослуживцы Димы пожирают меня глазами при встрече. Не говоря уже о мужчинах мгновенно пролетающих в моей жизни на работе, в магазине, в командировках. Меня хотят чужие мужья, но только не мой муж.

Так жалко себя стало. Захотелось кому-нибудь поплакаться. Я по привычке набрала номер сестры. А кому ещё открывать душу, как родному человечку?

Аля подняла не сразу. Я хотела уже положить трубку, но услышала её голос.

— Да.

— Как дежурство? — спросила я.

— Како... — осеклась она и тут же. — Какое дежурство? Я сплю.

— Ты вроде сегодня на работе. Тебя же вызвали.

Я засомневалась в своей уверенности. Может она уже отработала.

— Да в больнице я, — по голосу поняла, сестра раздражена. Разбудила

соню. — Больных мало. Вот и сплю на посту. Как твоё назначение? Отпраздновала?

— Нет. Меня опрокинули, Алечка. Прислали шишку из Москвы. Теперь он главный редактор, — пожаловалась наконец-то я.

— Ну, ничего. Ты всё равно самая лучшая. Если они этого не понимают, смени работу. Уволься, — советовала сестрица.

— И что я буду делать? Дома сидеть? Нет. Я буду работать. Эту должность мне обещают через год, — сама себя, чем сестру, убеждала я.

— Ха, — она засмеялась. — Я бы на твоём месте дома сидела и семьёй занималась. Работа — это рабский труд и неблагодарный.

— Ну, не скажи! — я возмутилась словами сестры. — У меня не плохой заработок. И работа у меня интересная. Завтра в командировку с новым начальником лечу в Женеву.

— Хвастаешься?

— Немного. А знаешь, кто начал...

Раздался оглушительный звонок в трубке сестры. Словно, кто-то звонил в дверь.

— Ой! Давай потом, — она, не дослушав, прервала меня, — я перезвоню.

Положила трубку. Я так и не сказала Але, что Кирилл вернулся. Не успела.

Выпив одна бутылку вина, я пошла спать. Мой муж так и не явился домой. Утро его тоже не принесло.

Так закончился день обещавший стать самым лучшим, а в итоге стал самым худшим.

ГЛАВА 4

Вторник. Новый день прошёл незаметно. Вернее его половина на работе. В коридоре редакции пересеклась с Кириллом. Он напомнил мне о поездке. Я заверила, что помню и уже собрала вещи. Моя маленькая сумка для поездок ждала моего возвращения в прихожей.

Встретиться с моим новым шефом мы должны были в аэропорту на регистрации. Детей я не забирала у матери. До Димы так и не дозвонилась. А звонила несколько раз утром и по пути домой. Телефон всё так же был отключен.

Какое было моё удивление, когда придя домой, я увидела мужа. Мой благоверный обедал на кухне. Доедал вчерашний праздничный ужин, запивая водкой.

— Ты не на службе? Так рано освободился? — спросила я, снимая туфли.

— А что тебя удивляет? Я не могу придти пораньше домой? — наливая рюмку, спрашивал он.

— Я звонила тебе со вчерашнего вечера.

— Телефон сел, — сказал он и залпом выпил водку.

— Я ждала всю ночь. Мог и позвонить из части, что не придешь. Не готовила бы.

— Не помню твоего номера, — признался он, закусывая мясом.

— У тебя проблемы на службе? — задала я вопрос.

Всё — таки пить днём не в его привычке. Он вообще не пьёт, а тут уже полбутылки нет. Что -то случилось. Я стала волноваться. Может, не ехать в командировку. Позвонить Диме и отказаться, сославшись на семейные обстоятельства.

— У меня проблемы не на службе, а в семье! — воскликнул он, поставив резко рюмку на стол. — Я служу Родине, а моя жена по командировкам разъезжает с начальником! Сказать мне ничего не хотела?! Почему я узнаю об этом от твоей сестры?

Я стояла, не зная на что больше реагировать. На обвинения мужа или на длинный язык сестры. Когда только она успела ляпнуть о командировке Диме.

— Я бы сообщила тебе, что еду в Женеву с начальником, но до тебя не дозвонилась. И когда ты видел Алю?

Он вскочил с места, словно, ошпаренный.

— Подвозил сегодня с работы. Вот и узнал, как моя жена работает. Трахаться летишь с новым шефом?!

Он начал сразу обвинять меня в измене. И откуда взялась эта ревность? Никогда не ревновал, а тут на тебе — ревнует. И сцены устраивает. С чего бы это вдруг?

Я не выдержала и закричала на него в ответ.

— Это моя работа! И я не трахаюсь на ней. Если бы я хотела трахаться с начальником, то в Женеву ради этого не летела.

— Я хочу, чтобы ты уволилась! Я устал так жить! У всех жёны, как жёны! Сидят дома, борщ готовят. Детей смотрят! Мужей встречают после тяжёлого рабочего дня! А ты работаешь! Я жену хочу, а не бизнесвумен, Марина!

— Я работала всегда! Ты не жаловался раньше на мою работу! Тебя всё утраивало. Моя работа! Моя зарплата! Даже я! Теперь тебе резко стало всё не так! Уволиться?! Ни за что! Если на это пошло! Милый мой, это тебя нет дома. Это ты пропадаешь на службе! Наши дети папу не видят днями! Утром папы нет. Он уже ушёл или не пришёл вообще. Вечером папа задерживается или не приходит. Да и я забыла, что такое муж! Когда ты в последний раз спал со мною?

Он нахмурился. Пытался вспомнить.

— Не утруждай себя. Не в этом месяце и не в прошлом. И, кстати, Дима, ты ел борщ. Так что обвинять меня в не хозяйственности не надо.

Он замолчал, но ненадолго. Увидев, что я всовываю ноги в туфли и беру багаж, подбежал ко мне.

— Если ты не уволишься, то пожалеешь. Ты будешь виновата, что наши дети останутся без отца. Я уйду от тебя!

Я посмотрела ещё раз на своего мужа. Он смел мне угрожать? Куда ты уйдёшь, любимый. В офицерское общежитие? На съёмную квартиру? Детей приплёл к разборкам и ссорам. Неужели это тот Дима, за которого я вышла замуж десять лет назад. Боже, как же он изменился. А был сильным и надёжным. С ним я была, как за каменной стеной. А теперь? Что стало теперь?

— Не уйдёшь, — спокойно сказала я, выходя из квартиры. — Ты слишком привык к уюту и борщу. Так что не пори горячку. Я приеду через два дня.

Я закрыла дверь перед ним. Продолжать этот разговор, у меня не было времени. Бессмысленно пытаться разобраться с возникшими семейными проблемами за полчаса. Для этого разговора надо больше времени. И я подумала отложить разборки полётов на два дня. Прилечу, потом мы сядем

и спокойно обсудим, что нам делать дальше. Я надеялась решить наши проблемы, как раньше. Сядем друг напротив друга и просто поговорим о наболевшем. Поговорим, не обвиняя и крича. Всё-таки мы не чужие люди. Нас связывают десять лет брака и наши дети. Компромиссу мы обязательно придём.

ГЛАВА 5

Выезжаю с парковки и пытаюсь не расплакаться. Что произошло с нами? Почему мы стали таким чужими друг другу? Десять лет пролетели, как один день. Когда-то Дима был всем для меня. Я благодарила его за моё спасение от одиночества. Он был таким настойчивым в своих ухаживаниях. Мы могли гулять и говорить часами. Говорили обо всём на свете. О жизни. О планах на будущее. О семье. Мы были так похожи. Мне, казалось, что я нашла свою тихую гавань. После эмоционального и весёлого Кирилла, Дима поражал меня стойкостью и серьёзностью. Где же теперь мой любимый супруг? Последний год сплошные скандалы и недомолвки. Мы чаще молчим по углам. А если удаётся поговорить, то обязательно ругаемся. После скандалов наступает такое опустошение внутри, словно, в теле больше нет души.

Я опять начинала проваливаться в депрессию, понимая, что мой брак под угрозой. Я теряю своего мужа. Теряю человека, когда-то любившего меня. После десяти лет брака мы, скорее, стали тихо ненавидеть друг друга, чем сильнее любить. Кризис отношений что ли? Если так, то переживём.

Входящий звонок по вайберу. Мама. Я вставляю айфон в подставку и включаю камеру.

— Мама! — опять в один голос кричат мои зайчата.

— Да, милые.

Вырывая друг у друга планшет, они перекрикивают себя.

— Я хочу смотреть мультик про принцессу Барби, а Тёма кун-фу панду. А у бабушки один планшет! — жалуется Мила.

— Мама, Мила, уже смотрела свою Барби сегодня три раза! Я мне не даёт посмотреть мой мультик! — жалуется на сестру Тёма. — Привези мой планшет.

— Зайка, я не могу. Позвони папе. Пусть привезёт ваши планшеты, — успокаиваю я их.

— Мы звонили, а папа не отвечает, — грустно сказала Мила.

— Тогда тёте Алевтине позвоните. Она ответит. И заедет за планшетами. Хорошо, зайки, — предлагаю своим альтернативу и вспоминаю, что сама хотела позвонить сестре. — Ладно, милые, я выезжаю на дорогу. Сейчас сама тёте позвоню.

— Хорошо, мама. Пока! — опять в один голос говорят двойняшки.

— До встречи. Я приеду через два дня, любимые мои.
Посылаю им воздушный поцелуй. Они мне. Всё-таки у меня самые лучшие дети. Ради них стоит наладить отношения с мужем.

Звоню сестре.

— Привет, родная! Зачем Диме про поездку наплела? И когда успеваешь? — сходу задаю ей волнующий меня вопрос.

Она нисколько не замешкалась с ответом.

— Ой, прости, сестричка. Я не знала, что он дома не ночевал. Думала, раз у вас годовщина, то он из дома за мною приехал. Ты же не собиралась таить от него командировку? Я спросила, не нужна ли помощь с детьми, пока тебя нет. На работе такой завал был. Капельницы, уколы, перевязки! Офигеть, как устала. Вот и позвонила Диме, чтобы домой подвёз. Ты не против же?

Завал на работе? Что-то не вяжется. Вроде вчера ничего не делала. Спала. Ну, да ладно. Может и завал. Это же больница. Хирургия. Мало кого привезли аппендиксы вырезать. Не буду цепляться к словам.

— Ясно. Я не против, что тебя подвёз мой муж. Я в аэропорт еду. Когда буду в Женеве, позвоню. Пока!

— Пока, сестричка! Не балуйся! — подшутила она.

— Сама не балуйся, я женщина замужняя и серьёзная, — так же шутя, ответила я. - А, подожди! Я совсем забыла! Аля, съезди к нам на квартиру. Забери планшеты Артёма и Милы. Они до Димы дозвониться не могут. Ну и что там ещё надо. Позвони, спроси у них.

— Ладно, лети уже в свою Женеву. Не парься! Заеду.

Мы попрощались.

ГЛАВА 6

С Кириллом мы встретились, как и договаривались на регистрации. Разговор никак не шёл. Слишком шумно было. Рейс на Женеву был забит до отказа. Только когда самолёт оторвался от взлётной полосы и набрал нужную высоту, мы заговорили. Он первый начал.

— Как муж? Не протестовал? — спросил Кирилл, не сводя с меня своих глаз.

— Нет. Это не первая моя командировка, — солгала я. — Тем более я лечу работать. Дима это понимает.

— Так мужа зовут Дима. Кем работает такой понятливый муж? — заулыбался Кирилл.

А глазки уже прищурил, как и раньше, когда чувствовал, что ему лгут. Мне стоит осторожно говорить с ним о семье.

— Он военный. Полковник.

— Ого! Настоящий полковник! — чуть не присвистнул шеф.

— Ты издеваешься? Или хочешь поругаться? — уже я смотрела на него, скорчив гримасу недовольства.

— Да, что ты! Какое поругаться? Не думал, что полковники так покладисты. Отпускают своих жён в командировки с бывшими женихами, — он склонил голову, и его улыбка стала ещё шире. — Только не говори, что он не знает обо мне? Ты не сказала?

— Ты мне не был женихом. Заявление в загс мы так и не подали.

— Да, — он немного погрустнел, но мимолётную грусть смыла новая улыбка. — А дети есть?

Не разговор, а допрос какой-то. Что ему до моих детей. Но, я ответила.

— Да, есть. Двое.

— Двое, а ты в такой превосходной форме. Даже стала ещё сексуальней, чем была.

Его красивая улыбка способна сразить любую женщину. На меня, даже по прошествии стольких лет она по-прежнему действовала. Я смутилась. Почувствовала, как забилося моё сердце. Надо было перевести этот уже фривольный разговор в другое русло. Я всё-таки замужняя женщина. И хоть и мне приятны такие комплименты, но они неуместны. Особенно сейчас.

— Может, поговорим о работе, а не о личной жизни. Ты, кстати, вопросы подготовил?

— Будем работать экспромтом. Нам ведь это не впервой? Помнишь? — признался он, подмигнув мне. — Как брали интервью на первом курсе по заданию препода?

Помню! О боже! Зачем он это напомнил мне. Мы не к интервью готовились, а переспали тогда впервые. Всю ночь занимались сексом, и забыли про вопросы. Чуть не провалили практическое занятие.

Мои щёки запылали, стоило мне вспомнить эту ночь.

— Тебе жарко? — спросил Кирилл, заметив яркий румянец.

— Да, душноовато, — отворачивая лицо, сказала я.

Бывший жених придвинулся ближе и наклонился вперёд. Словно, нарочно, желал соприкоснуться со мною.

— О, какой вид на закат сверху. Никогда смотрел, а летаю часто, — и тут же повернувшись ко мне, спросил. — А тебе нравится сверху?

Я чуть не задохнулась. Не то от его наглости. Не то от двусмысленности заданного вопроса. Его можно было трактовать по-разному. Нравится закат сверху, то есть вид с самолёта на садящееся солнце. Или нравится вообще сверху. Фу, или я просто сума схожу. Придираюсь к простым понятным вещам. Не было давно секса, вот и, кажется, везде подтекст. Но, всё равно, пора заканчивать этот разговор. Тем более, что его дыхание уже обжигает мне шею, а по телу пробегают мурашки. Всё начинаю плыть.

— Ты не мог бы сеть обратно. Не люблю, когда в моё личное пространство вторгаются чужие, — попросила я, стараясь сдерживать своё глубокое дыхание.

— Ну, вроде, не чужой, — сказал, почти прикасаясь своими губами к моей щеке Кирилл.

— Отсядь, пожалуйста, — настояла я на своём.

Он убрался восвояси. То есть сел на своё место. Я вздохнула с облегчением. Почти была на грани. Ещё немного и мой муж хвастался бы ветвистыми рогами, наставленными в туалете самолёта. Как я устала от такого соблазна?

— Почему не спрашиваешь, как я жил все эти годы? — вдруг задал совсем неожиданный вопрос Кирилл.

— Кирилл, мне всё равно, как ты жил все эти годы, — опять соврала я.

Не всё равно. Я часто о нём вспоминала. Вспоминала и хотела понять, почему он бросил меня. Бросил, ничего не объясняя. Просто исчез из моей жизни, как будто и не был в ней. А теперь у него хватает наглости, задавать мне такие вопросы. Это я должна их задавать, но не хочу. Не вижу смысла тревожить былые чувства. Пытаться разобрать в прошлых отношениях,

когда настоящее висят на волоске.

— Я не думаю, что мы настолько стали друг другу чужими, — обиделся Кирилл.

Его слова мне так легко не давались. Нельзя сбежать на несколько лет, а потом появиться и сказать: «Я не чужой». Нет, Кирилл! Ты уже чужой, а я чужая жена. Всё прошло!

Всё прошло? Или я успокаиваю себя этим сама, чтобы заглушить медленно пробивающиеся чувства к нему. Невозможно забыть любовь. Особенно, первую и такую сильную, какая была между нами. Можно пережить её. Заставить эти чувства немного притухнуть в сердце. Но, полностью избавиться от любви нельзя. Она обязательно даст о себе знать. Изрядно усложнит устоявшийся семейный быт. Нарушит душевный покой. Всё испортит. А может и нечего портить? И так давно всё испорчено, задолго до Кирилла.

ГЛАВА 7

Среда. Саммит по климату прошёл быстро. Так всегда происходит, когда занимаешься любимым делом. Кирилл экспромтом задавал самые каверзные вопросы. Не редко ставя в тупик участников саммита. Я только успевала помечать и записывать, в сотый раз благодаря прогресс за гаджеты. Не ручкой по бумажке строчить.

Когда саммит закончился, времени оставалась много. Самолёт с бронированными местами для нас вылетает завтра в час дня. А ещё только перевалило за два часа. Чем занять себя полдня сегодня и полдня завтра? Не знаю. Сегодня пообедаю и по магазинам, а завтра прогуляюсь утром. Женева восхитительна. Особенно, старинные улочки.

— Может, пообедаем? — подкрался незаметно Кирилл.

— Ой, ты напугал меня! — воскликнула я.

— Прости. Ну, что насчёт обеда?

— Я пообедаю, но не с тобой, — сообщила я ему о своих намерениях пообедать одной.

Он хитро улыбнулся.

— Хорошо.

Что это? Кирилл так просто согласился. На него это не похоже. Выяснить, почему он не настаивает, я не хотелось. Перекинув шлейку сумочки через плечо, я отправилась на поиски подходящего кафе.

Пройдя пару кварталов, я присмотрела одно милое кафе. Уютное и подальше от многолюдных улиц. Сев за столик заказала кофе и кусочек ягодного пирога. Только принялась наслаждаться своим сладким обедом, как некая тень закрыла меня от солнца. Поднимаю глаза и вздыхаю.

— Кирилл, ты следил за мною?

— Нет. Я тоже решил пообедать в этом кафе, — врал он, улыбаясь. — Ты не против?

Он отодвинул стул и сел. Я не успела запротестовать.

— Уже нет, — отпила я кофе.

— Мне тоже кофе, только чёрный без сахара. А к кофе, что взяла моя девушка. — Заказал он, подбежавшему официанту.

— Твоя девушка? — улыбнулась я, переспросив. — Ты ничего не путаешь?

— Нет.

— Ясно.

Спорить с Кириллом я не стала. Зачем? Настроение отличное. Выспалась. Вроде с мужем не плохо, вчера по телефону поговорили. Его девушка так девушка. Пусть помечтает. Мне не жалко.

— Вкусы не меняются. Чёрный горький кофе, — начала разговор я. — Что ещё осталось неизменным?

Он, как и тринадцать лет назад, наклонил голову набок. Щурясь от ярких лучей, улыбнулся.

— Так же люблю, когда ты злишься. Твои глаза так горят, что хочется поцеловать тебя, — признался он.

Я опустила так возбуждающие его мои глаза.

— И ещё люблю этот румянец на твоих щеках.

— Довольно, Кирилл, — прошептала я, смущаясь, — не надо.

— Хорошо. Тогда поговорим о другом общем у нас.

— О чём? — вскинув удивлённо брови, спросила я.

— Не о чём, а ком? О наших друзьях.

Кириллу принесли его заказ. Он взял чашку в руку, а я поймала себя на мысли: «Какая она миниатюрная по сравнению с его ладонью».

Кирилл почти не изменился. Те же ямочки на щеках, стоит ему улыбнуться. Те же карие хитрые глаза. И те же тонкие губы, которые я так любила целовать. Он так же смеётся. Единственное, что изменилось в нём это стиль. Джинсы и футболки он сменил на деловые костюмы и дорогие сорочки. Такой сексуально-неотразимый, что глаз не отвести. А отвести придётся. Я замужем. Опять напомнила я себе. Который раз за последние три дня? Сбилась со счёта.

Мы просидели в кафе больше часа. Время так скоротечно, когда вспоминаешь юность. Годы, разделяющие нас, растворились, словно, их и не было. Так легко и непринуждённо мы общались. Смеялись, улыбаясь друг другу.

— Почему ты не позвонила мне? — вдруг спросил он, глядя мне в глаза.

Я не поняла вопроса. Куда позвонить? Когда и зачем?

— О чём ты? — только и смогла я сказать.

Он взял мою ладонь в свою и сказал.

— Я должен был уехать, Марина. Мама попала в автомобильную аварию и была в тяжёлом состоянии. Отец сообщил мне за день до того, как мы собирались подать заявление в загс. Мне срочно нужно было уехать. Я не успел бы на рейс. Звонил тебе с аэропорта. Твоя сестра сказала мне, что передаст мои слова. Номер она записала, куда позвонить.

Он смотрел на меня, а в глаза такая боль. Я этого ничего не знала. Аля

мне не сказала о разговоре с Кириллом в тот день. Я пришла к загсу. Ждала. Ждала. Не дождалась. Какая запоздалая правда. Правда, которая ничего не в состоянии изменить теперь в моей жизни. И сестра. Неужели она забыла о просьбе Кирилла. Ей было четырнадцать лет тогда. Совсем ребёнок. Могла и забыть.

— А почему ты сам не позвонил? — мой голос уже дрожал.

— Звонил. И попадал на Алю. Она говорила, что тебя нет дома, а потом и вовсе сказала ты выходишь замуж. Полгода и ты вышла замуж, Марина, — в его глаза осуждение.

Я смотрела на Кирилла и не верила его словам. Не могла моя сестра так лгать мне. Не полгода, а через три года я вышла замуж. Год я сходила сума от горя. Два года после расставания пыталась начать жить заново. Жить без него. Кажется, это у меня получилось. Вроде счастлива. На первый взгляд, а копнёшь глубже, и счастья нет. Иллюзия для окружающих нас людей.

ГЛАВА 8

Придя в номер, я набрала почему-то мужу. Разговор с сестрой решила оставить на потом. Не по телефону. Да и поостыв, я подумала, а что ей скажу. Але было тогда четырнадцать лет. Вряд ли она понимала, что происходит в моей жизни. Она видела, как я расстроена и защищала меня от причины моего расстройства. От Кирилла. Защитила.

Мужу позвонила. Чувствовала себя виноватой. Хотя и не изменила, но позволила Кириллу взять меня за руку. И мысли некоторые тоже были. Сдержалась. Не девочка уже, а мужняя жена.

Дима поднял трубку, как не странно, быстро.

— Да.

И смех на втором плане. Женский смех... Моё сердце екнуло.

— Ты не один? — спросила я.

— Один, — как-то не уверенно отвечал он.

— Что за девушка там смеется?

Я имела права задать этот вопрос. Я его жена.

— Это телевизор! — уже уверенней и раздражённей звучал его голос. — Что за дурацкие вопросы? Это ты уехала в командировку с шефом! А я один и смотрю телевизор! — накричал он на меня и отключился.

Следующие два часа я расхаживала по номеру взад и вперёд. Всё не могла забыть этот женский смех.

«Он мне всё-таки изменяет», — почему-то вертелось у меня в голове.

Я сопоставляла факты и приходила к одному и тому же выводу. У него любовница уже около года. Задержки на службе. Не ночует дома. Раздражён. Вечно недоволен мной. Мы не спим вместе месяцами. Даже секс по быстрому без прелюдий, когда нет времени, тоже исчез из нашей интимной жизни. Живём, как два чужих человека. Соседи однофамильцы по квартире не больше. Неужели я что-то упустила? Что-то не досмотрела и не заметила? Когда всё так изменилось? Год назад или только сейчас? До встречи с Кириллом я ничего не замечала. А может, закрывала глаза, боясь перемен. Но от них никуда не убежишь. Если что-то надломилось в нашей жизни с Димой, я должна это узнать. Убедиться наверняка изменяет он мне или это просто мои домыслы. Моё недоверие к нему. Может, я сама хочу изменить мужу и ищу повода оправдать это желание.

Копаясь в себе, набрала по привычке номер своей сестры. А кому мне

ещё звонить, как не Алевтине. Подруга вышла замуж пару месяцев назад и уехала в Хабаровск. Ей сейчас не до меня. Муж и хлопотное ожидание малыша. А я тут со своими проблемами. Нет. Лучше сестре позвоню. Она роднее и ближе.

Мы знаем самые сокровенные тайны и желания друг друга. Я доверяю ей. Я люблю её. Аля мне в эти минуты нужна. Нужна её поддержка. Ей доброе слово, что успокоит меня. Ну, не маме же звонить по таким подозрениям. Смех женщины в телефоне ещё не измена. Тем более у мамы Дима любимый зять. И сердце у мамочки больное. Схватит, и нет моей мамы.

Сестра ответила, как всегда.

— Ну, что сестричка? — весело спросила она.

На сердце от её голоса сразу стало легче.

— Ничего, Аля. Сижу в номере и думаю, что у Димы есть любовница, — сходу начала я с подозрений.

— Ух, ты! У твоего полковника и любовница? Да не шути! Если у него и есть любовница, то Родина и служба в одном лице! — как всегда шутила сестра.

— Нет, есть, Алечка! Я позвонила ему сегодня, и слышала отчётливо женский смех.

— Ну и что? Это просто подозрения. Не больше. Ты слышала смех, и что? Не пойман — не вор, ты же знаешь, Марина, — говорила, несколько не расстроившись, сестра.

— Поймаю! Я вылетаю сегодня, и завтра рано утром буду дома. Конечно, он не дома с ней развлекается. Но, я устрою ему сюрприз. Он придёт домой, я возьму его на понт. Мол, милый, что такое? Я видела тебя с женщиной, пока ехала домой. Или мне звонила твоя любовница. По дороге что-нибудь ещё придумаю, — изложила я план действий.

— Ха, — засмеялась сестра. — Зачем тебе всё это? Может, не стоит трепать нервы, и искать других женщин. Если есть, он сам скажет рано или поздно, — отговаривала меня Аля.

Смысл в её словах был. Но, я не хотела жить в неведении. И, если честно, устала от подозрений. Пусть жестокая правда, но правда.

— Нет. Я решила. Лечу. До завтрашнего, — попрощалась я.

— Пока, сестричка! — сказала сестра и положила трубку.

Я не успела сказать Кириллу, что вылетаю раньше. Это всё-таки мои проблемы. Работу я свою выполнила. Больше моё присутствие в Женеве не требуется.

Я летела домой и мне, казалось, что самолёт слишком медленно летит.

Не летит, а ползёт, как черепаха по облакам. А ещё я боялась не успеть. Боялась придти домой позже Димы и устроить банальный скандал. Разбор полётов, как говорится, а не коварно вывести неверного мужа на чистую воду.

ГЛАВА 9

Четверг. Я прилетела в шесть утра. В семь была у дверей собственной квартиры. Захожу домой. Из спальни слышу голоса. Моего мужа и его любовницы. Он привёл ЕЁ сюда. В мой дом.

Я медленно подходила к дверям. И чем ближе была эта дверь, тем сильнее во мне был страх открыть её. Увидеть правду за этой дверью. Куда делась моя смелость и решительность? Разбились о восторженные крики любовницы моего мужа.

Я набралась смелости и повернула ручку двери. Она чуть приоткрылась. Я толкнула её немножко, что бы войти. Вошла. Сдавленный крик вырвался из моего горла. Но такой тихий, что прелюбодеи не слышали его.

Только не это! Только не она! Я не верю своим глазам. Я не верю самой себе. То, что испытала я, не пожелаешь испытать врагу. Одному богу известно насколько сильно было моё потрясение от увиденной картины.

Мой муж на супружеской кровати! На моём постельном белье, по-собачьи трахал мою сестру. Мою родную СЕСТРУ!!!

Будь это другая женщина, я бы устроила скандал. Я вцепилась бы ей в волосы! Я выцарапала бы ей глаза! Я выкинула бы их обоих с моей квартиры! Я орала! Кричала! Била посуду и всё что попало бы под руки! Но, это моя сестра! Самый родной мне человек. Моя сестричка его любовница.

Я стояла и смотрела на них. Не могла прийти в себя от правды. Лучше бы я её не знала. Наверное, так было бы легче. Или нет?

А они ещё несколько минут не замечали меня, продолжая тархаться, как кролики. Омерзительно.

Моя сестра увидела меня первой. Она довольно ухмыльнулась, нисколько не испугавшись разоблачения. Выпрямилась стоя на коленях. Дима обернулся. Вот он никак не ожидал меня увидеть. Я же в командировке. Удивление на его лице быстро сменил гнев. Нападение лучшая защита. Бравый военный.

Вскочив с нашей кровати, он заорал:

— А что ты хочешь?! Думаешь, я буду оправдываться?! Нет! Ты сама не лучше! Сама виновата, что так произошло!

Всё это время пока он кричал, моя сестра смотрела на меня. Смотрела, не пряча виноватых глаз. Каких виноватых? В ней не было даже

сожаления, что спит с мужем родной сестры. Она знала о моём приезде. Я сама ей говорила об этом. Знала и всё равно подстроила это. Аля хотела, чтобы я узнала кто его любовница. Так подло с её стороны. Мой муж и она. Будь у него другая женщина, мне не было бы так больно, как сейчас. Меня предали два родных мне человека. Неужели я это заслужила? И в чём моя вина?

Я ничего не ответила на обвинения своего мужа. Я просто закрыла дверь и ушла из квартиры. Я не помню, спускалась ли я на лифте или шла по ступенькам. Я шла, куда глаза глядят, и ничего не видела перед собой. Всё плыло. Всё было, как в тумане. Лица людей идущих мне навстречу. Плакаты. Рекламные вывески. Машины. Всё смешалось в одну чёрно-белую картину. Словно, я смотрю старое кино. С разницей, я в главной роли. Это драма о моей жизни, как близкие люди предали меня.

Хотелось кому-то поплакаться. Но кому? Маме? Нет. Не стоит. Что я ей скажу? Мамочка, мой муж мне изменяет с моей сестрой. Нашей Алей. Для мамы в её возрасте это будет убийственная правда. После смерти папы пару лет назад, она и так чуть оправилась. И ещё это. Нет. Я справлюсь как-нибудь сама. Хотела набрать сестре, но тут же вспомнила, сжав айфон, она же любовница Димы.

Я бродила по городу, пока ноги сами не принесли меня в наше любимое кафе. Мы раньше часто здесь отмечали семейные праздники и годовщины. Потом мужу стало резко некогда, и я уже год заезжаю сюда только с детьми.

Столиков свободных было много. Я заняла у витрины кафе. Вид на спешащих людей, которым нет дела до меня, успокаивал.

— Вам, как обычно? — знакомая официантка вернула меня в реальность.

— Да, — ответила я ей. — Как обычно.

Она принесла мне кофе, но я так и не притронулась к нему. Смотрела на людей за стеклом витрины. Ни одна мысль не лезла в мою голову. Не думалось. Я даже не знала, что буду делать через час или день после этой правды. Я была опустошена, разбита, опозорена мужем и своей сестрой. О чём в такой ситуации думать? О много и ни о чем?

— Я знала, что найду тебя здесь.

Его голос стал с некоторых пор мне противен. Я повернула голову в её сторону. Моя сестра усаживалась за столик.

— Зачем ты пришла? — спросила я.

Её довольное лицо меня поражало. Словно, она не гадость сделала сестре, а помощь оказала. Ну, или одолжение в чём-то очень важном.

Наглость или бесстыдство? Что ей движет сейчас?

— Не оправдываться, — выпрямившись на стуле и откинувшись назад, сказала она. — Я хотела, чтобы ты узнала о нас. Ты знаешь, устала прятаться и играть роль доброй сестры. Он всё не решался сказать тебе о нас. Всё откладывал и откладывал. А тут выпал такой удачный случай открыть все карты. Я им и воспользовалась. Ты, пойми, Марина, мне двадцать семь! Я не девочка уже. Я замуж хочу.

Я усмехнулась. Поднесла чашку с кофе к губам. Отпила. Остыл. Жаль, а то бы вылила ей прямо в лицо. Сестре своей родной.

— Ты смеёшься? Хорошо. Я думала без слёз и скандалов не обойдётся, — она вела себя, как будто мой злейший враг, а не сестра. — Меня всё устраивало. Правда, Мариночка. Секс с твоим мужем это что-то.

Когда-то было что-то. Теперь пресно и скучно. Вот значит, с кем он силы-то тратил. Понятно теперь, почему уставал на службе. Служил полкан в чужой постели. Ну, или в моей постели и с моей сестрой.

— В последний год только устраивать перестало. Я большего захотела, чем просто постель.

Продолжала свою мерзкую исповедь моя сестричка, а я даже открыла рот, услышав о последнем годе. Так сколько это длилось? Где год там и два. Или больше. Аля хорошо меня знала. Как не знать, когда выросли вместе сестрички родные. Вопрос, застывший на моём лице сестра сразу заметила.

— Да, Марина, я его любовница не один год, — она наклонилась вперёд и, смотря мне прямо в глаза, поведала тайну их первого предательства. — Первый раз у нас это было в день вашей свадьбы. Ты танцевала с папой под песню заказанную Димой, якобы для тебя. « Я люблю тебя до слёз», — она засмеялась. — А мы в это время трахались в туалете ресторана. И эта песня играла для меня.

Я с такой силой сжала чашку с кофе, что она треснула в моих руках. Сквозь трещинки чёрный напиток тонкими струйками полился по моим пальцам. Аля только улыбнулась. Она этого добивалась. Вывести меня из себя. Позлорадствовать надо мною.

Мой первый день супружеской жизни начался с измены. Как такое возможно? Я помню, после свадьбы мы улетели отдыхать на Кипр. Дима любил меня. Целовал, шепча, как он счастлив, что я его жена. Нет больше на свете таких красивых и желанных женщин. Только я. И я теперь его жена. Я ничего не заподозрила. Ни намёка на измену. Ничего. А выходит, он только надел на палец обручальное кольцо и тут же предал свою жену.

— Мы спали всегда. Он снял мне квартиру. Оплачивает эту квартиру

до сих пор. И берёт деньги из вашего семейного бюджета. Ты пашешь сестрица, что бы твой муж трахал меня в комфорте, — продолжала добивать меня Аля. — Самая долгая наша разлука была после твоих родов. Помнишь? Ты звонила сначала ему. Он отключил телефон. Потом начала трезвонить мне. Я отключила звук. Мы были заняты, и нам было не до тебя.

Вот сейчас мне захотелось расплакаться. Тот день стал настоящим испытанием для меня. Роды начались на месяц раньше. Дома отошли воды. Я испугалась. Звонила сначала Диме. Он не поднял. Я думала учения. Потом сестре. Она тоже не поднимала. Учёба — оправдала я её. Позвонила в скорую. Машины на выезде, ждите. В итоге я вызвала такси. Абсолютно чужой человек мне помог снести второпях собранную сумку. Таксист не только привёз меня в роддом, он ещё позвал врачей и опять помог с вещами. Написал свой номер телефона, если что понадобится, чтобы я звонила не стесняясь. Это чужой мужчина, которого я никогда не видела в своей жизни. И так добр был ко мне, чем мои родные.

Роды были тяжёлые. Тёма родился очень слабеньким. Мне нужна была их поддержка. И где были они? Трахались, а я им помешала.

— На восемь месяцев его только хватило. Муки совести прошли и он прибежал обратно ко мне. Ты не полетала с ним в Грецию, как планировала в прошлом году. Это не внезапные учения, это я так захотела. Я захотела в Грецию, но без тебя. На восьмое марта он тоже был со мной. На Новый Год мы ездили в Сочи. И на вашу десятую годовщину он тоже был со мной.

Я смотрела на свою сестру и не верила своим ушам и своим глазам. Я действительно её знаю? Это моя сестра? Где та улыбчивая девушка, с которой я секретничала? Которой доверяла. Где та девочка, которой я заплетала косички в школу? Оставляла всё самое вкусное ей. Жалела её. Оберегала её. Помогала ей. Бежала к ней на помощь. Я любила её. Где она? Или я не знала о ней ничего? Сейчас на меня смотрела злая коварная девка с лицом моей дорогой сестры. Передо мною сидит такой родной и такой чужой мне человек. Ухмыляется и хвастается мне, как будто совершила геройский поступок, а не разрушила семью собственной сестры.

Мне следовало ударить её пощёчину, но я не стала унижаться.

Звонок моего телефона заставил прервать мерзкую исповедь моей сестрички. На дисплеи высветился «Любимый». Муж. Я сбросила.

— Кто? — нагло спросила она.

— Начальник, — соврала впервые я сестре.

И теперь зазвонил её телефон.

— Спорим, Дима, — она достала телефон и ткнула мне в лицо. — Тебе только шеф звонит, а мне твой муж.

На её дисплеи тоже «Любимый». Я опять усмехнулась. Только в этот раз истерично. Дважды любимый у родных сестёр. Не смешно ли.

— Он никак не может решиться уйти от тебя, — сказала она, сбросив Димин вызов.

— Он не может решиться? — я уже злилась. — За десять лет лжи, он не может решиться? Аля, я решу за него. За нас всех! Тебе он нужен? Забирай, сестричка! Мне не нужен такой мужчина, который за десять лет не мог решиться. Забирай, милая! Тебе ведь не привыкать донашивать за мною вещи б/у. Он твой! Дарю!

Я вытащила из сумки купюру за кофе и бросила на стол. Мне больше не хотелось слушать о подвигах своего мужа из уст моей предательницы сестры. Резко встав, я направилась к выходу. Моя сестра отличилась и здесь. Преградив мне путь, громко закричала.

— Я ненавижу тебя! Всегда ненавидела! У тебя было всё! Университет! Богатые ухажёры! Потом муж! Квартира! Машина! Должность! Тебе всё легко давалось! Всё! Только я не в удел! У меня ничего нет! И это не ты отдаешь мне Диму! Это я у тебя его забираю! Я разрушила твою жизнь! Я! Ясно!

— Аля, — спокойно сказала я ей. — Мне ничего легко не давалось. Я всего добивалась сама. И ты не разрушила мою жизнь. Не надо такие подвиги приписывать себе. Мой муж разбил мне только сердце. Я переживу это. А ты поступила хуже в тысячу раз, чем он. Ты убила во мне веру в тебя, мою родную сестру. И я знаю, что ты виновата в нашей разлуке с Кириллом, — я смахнула слёзы с моих глаз. — Я сегодня потеряла не только мужа, но и сестру. Но, я, Аля, не ненавижу тебя. Я не могу заставить тебя ненавидеть. И простить не могу.

Всё кафе разразилось аплодисментами. Моя сестра привлекла к выяснению наших отношений и посетителей кафе. Не нужная слава. Я ушла, оставив сестру собирать заслуженные лавры.

ЭПИЛОГ

Я бродила по набережной. Ветер сгонял грозовые тучи. Горизонт уже разрывался молниями и раскатами грома. Народ разбежался от надвигающейся бушующей стихии. Только я никуда не спешила. Я оставалась и наблюдала, как белая стена из ливня быстро приближается ко мне.

Я не боюсь грозы. После неё природа, словно, обновляется. Моя жизнь похожа сейчас до грозы и после. Я черпаю силы в этом погодном безумии. Мне это необходимо.

Опять звонок. Как не вовремя. Я думала это муж или сестра. Не хотела поднимать, но вспомнив о детях, потянулась к сумке. Может это мама. Я не разговаривала мамой и детьми уже целые сутки.

На дисплеи «шеф». Я ответила.

— Да.

— Марина, ты улетела, ничего не сказав. С тобой всё в порядке? Может, что — то случилось? — взволнованно спрашивал он. — Где ты?

— Да, всё хорошо. Я гуляю по набережной.

— Гроза начинается, ты промокнешь.

— Я люблю грозу, ты же знаешь, — я положила трубку.

Хотела выбросить этот трезвонище в реку. Опять вспомнила по детей. И положила обратно в сумочку.

Холодные огромные капли дождя с шумом полись на мощёную набережную. Моё платье намокло и прилипло к телу. Дождь смыл причёску, как и макияж. Все бегут, а я счастлива. Стою и радуюсь, что свободна. Свободна от лживого брака. Свободна от мужа изменника. Свободна от предательницы сестры. Я должна плакать, как все женщины в моей ситуации. Только не плачу. Мои слёзы высохли, как только я оставила сестру и мужа позади. Это ещё не конец. Это только начало. Жизнь существует и после развода. Я готова к этому. Я переживу. Мне ведь только тридцать пять. Вся жизнь ещё впереди.

— Я нашёл тебя.

Голос Кирилла донёсся сквозь шум идущего дождя. Он стоял, сжимая огромный букет красных роз. Такой же промокший, как и я. Кирилл улыбался, протягивая мне цветы.

— Мы раньше здесь часто гуляли.

— Я помню, — сказала я, беря из его рук розы.

— Марина, мне, кажется, наша встреча не случайна. Я не могу тебя забыть. Всё время думаю о тебе. Позволь мне просто быть рядом с тобою. Я о большем не прошу. Пожалуйста.

Он так смотрел на меня, как никто никогда не смотрел. Даже Дима. Мой муж. Человек, с которым я прожила десять лет и три дня, не смотрел на меня с такой любовью.

— Поцелуй меня, — подходя ближе, попросила я.

Кирилл обнял меня. Я потянулась к нему, закрывая глаза. Его губы коснулись моих. Целуя Кирилла, я разжала руки, чтобы обнять его. Цветы рассыпались нам под ноги. Сильный порыв ветра, подхватил их, разнося по набережной. Красивый букет, но мне не жаль. Как и тринадцать лет назад я снова была счастлива. Я была свободна и была его. Я всегда была его. Наша встреча действительно не случайна. Мы заслужили ещё один шанс на счастье рядом друг с другом.

День, когда мой брак был разрушен, стал днём новой жизни. Жизни, где не было места лжи и предательствам.

Я развелась с Димой. Отдала ему и Алевтине квартиру. Им она так была нужна. Особенно Диме. Даже сильнее, чем наши дети. За права воспитывать их он так рьяно не боролся, как за квадратные метры. Но мне всё равно. Я счастлива с Кириллом. И он стал лучшим отцом мои детям, чем был их родной отец.

Мой мальчик

Меня зовут Виктория. Мне двадцать семь лет. Я не замужем и живу с котом Васькой в двухкомнатной квартире, оставшейся от бабушки. Уже пять лет я работаю в самой элитной школе города. Сразу после распределения и в лучшую школу. Контракт со мною подписали на пять лет, хотя со всеми молодыми специалистами подписывают только на два года.

Мне повезло, скажите вы. Нет. Не повезло. Моя мама учитель русского языка в гимназии, в очень близких отношениях с директором Петром Артуровичем. Он же в свою очередь, выпивает пиво по выходным с заведующим областного отдела образования. Так что после пед.института меня ждала самая лучшая школа. Лучшая потому, что в неё выстраиваются очереди. Все родители хотят устроить своё чадо в школу призёра областных и республиканских конкурсов по всем дисциплинам и не только. Уже несколько лет подряд наша школа занимает первые места в номинации «школа года» и «учитель года». Наши выпускники в 98% поступают в ведущие университеты и академии Республики. Как не крути мы самые лучшие. И я среди этой элиты работаю учителем истории.

Работа мне нравилась. Очень нравилась, но в последний год наша директриса Зинаида Сергеевна стала слишком часто придирается ко мне. То журнал не так заполнен. То мой класс по показателям прошлого года на пять процентов скатился. То Ларкина (ученица моя) пропускает часто или на школьной дискотеке выпившая была. Я смиренно терплю все эти нападки и придирки. А что ещё остаётся? Работа очень престижная. Даже отработав в Элитной школе два года и, получив хорошую характеристику, тебя в других школах с руками оторвут. Без дела, как говорится, не останешься. А я уже пять лет держусь. И если честно, зарплата в ней намного выше. Премии тоже радуют.

В этом году у меня первый выпуск. Первый! Осталось всего три месяца и мои ученики полетят во взрослую жизнь. Иногда смотрю на них и вспоминаю, каким они были маленькими, когда я пришла к ним. Их классная ушла в декретный и мне отдали шестиклашек. Думала, не справлюсь. Но год за годом и мы так сроднились, что уже и не представляю свою жизнь без них. Мой первый выпускной класс 11 «Б». 13 девочек и 14 мальчиков. Милые мои дети. Хотя, какие они уже дети! Мальчишки на голову выше меня и девочки некоторые тоже. Вон Анжелика Ларкина метр

восемьдесят. Смеюсь над ней.

- Вам, Анжелика, не на исторический факультет поступать, а модельный бизнес идти надо с такими данными.

Я ко всем своим ученикам обращаюсь на «вы». Ещё в универе решила, что каждый человек и даже маленький ребёнок личность и поэтому достоин уважительного отношения. Только с самыми близкими друзьями и родными я позволяю себе «ты».

Три месяца. Осталось три месяца, и мои ученики будут сидеть уже не за школьными партами. Думала я, расхаживая между рядами парт. Дала в начале урока небольшую проверочную работу. Так, смотрю, Антипкин не готовился. Списывает у Ларкиной. Ладно. Сделаю вид, что не заметила. Ляшкевич бросается записками. Я забрала телефоны, так они по старинке.

- Антон, дайте мне эту записку, - говорю я.

Антон кривит лицо.

- Виктория Павловна, а какую?

Вот, негодник! Я подхожу к парте и, подняв тетрадь, забираю обрывок тетрадного листка. Антон краснеет на глазах. Если честно, я не хотела её читать, но поникший Антоша, вызвал интерес к данному творению. А посмотрев ещё и на Ляшкевича, спрятавшегося за учебником биологии на уроке истории, меня ещё больше раззадорило. Раскрываю записку, читаю.

«Виктория Павловна секси. Я б ещё на год остался, чтоб на её ноги под партой зырить».

Будь я из учителей старой закалки и морали, то тащила бы Ляшкевича Ваню к директору, но я только усмехнулась. Комплемент всё-таки. Пусть и от юного, но мужчины. А чтобы неповадно было ещё такие записки писать, сказала:

- Ваня, я могу вас ещё на год оставить.

Он вскочил с места.

- Виктория Павловна, не надо! Извините, пожалуйста.

По классу пошло шушуканье, что там было в записке. Всем же интересно.

- Извиняю, Ваня. Садись. Так, что за гам? – уже разыгрывая недовольство, спрашиваю я. – А ну-ка пишем! Или мне собирать проверочную?

Никто не захотел раньше времени сдавать свою работу. Быстренько уткнулись носами в листки. Снова тишина и только мои каблуки, цокая по полу, нарушают её.

К концу урока к нам зашла директриса, а вместе с ней юноша.

- Так сидите! – сказала она, вставшему классу.

- Зинаида Сергеевна, - я махнула головой в знак приветствия.

Сегодня мы не виделись.

- Виктория Павловна, - она так же приветствует меня. – Вот привела вам нового ученика. Алексей Ольшанский.

Обычно в конце года в школу не переводятся. Тем более в выпускной класс. Но у Алексея отец военный и парнишка сменил за одиннадцать лет больше двадцати школ. Директриса его представляла и класс оживился. Особенно девочки. Да, новый одноклассник выгодно отличался от мальчишек. Высокий и красивый. Очень красивый. И выглядел он старше своего возраста. Может из-за развитой мускулатуры. Видно, мальчик с самого детства занимается спортом. А что ещё делать, когда отец военный. Муштрует, наверное. Я невольно улыбнулась, рассматривая его. Этот взгляд перехватил он. Стыдно признать, я резко отвернулась. Боже! Я только, что пялилась на ученика, как не на ученика. Так неловко стало.

Пока Зинаида Сергеевна представляла Ольшанского, прозвенел звонок. Урок окончен.

Я, пытаясь унять дрожь в руках, складываю самостоятельные работы в стопку. Не получается. Мне так стыдно. И, похоже, Алексей поймал мой совсем не педагогический взгляд.

Он подходит ко мне и спрашивает:

- Вам, помочь, Виктория Павловна?

Какой голос? Мне двадцать семь лет, а внутри меня всё обрывается от тембра голоса семнадцатилетнего мальчишки. И что я должна была сказать? Помощь мне нужна была очень, потому что пальцы не слушались, но я отказать. Скомкав кое-как тетрадки, я впихнула их в сумку и вышла из класса.

Всю ночь я не спала. Обычно сплю, как убитая. После разрыва со своим женихом шесть лет назад, год сидела на успокоительных таблетках. Подонок изменил мне перед самой нашей свадьбой. Как небанально звучит, он переспал со своей секретаршей. Я узнала случайно из переписки в телефоне. Мой жених обсуждал размер сисик Ланочки со своим замом. Так вот сплю, как убитая, выработав привычку ложиться в одно и то же время после одиннадцати ночи. Таблетки надо было принимать строго в определённое время.

Эту ночь я не спала. Ворочалась с боку на бок. Ещё Васька всё норовил залезть на меня. Впервые скидывая кота на пол с кровати, я подумала: «Эх, Васька, ну что, ты просто Васька? А?». Так устала от одиночества, что на малолеток заглядываюсь. Корила себя, корила и уснула под самое утро.

Замазав синяки под глазами от бессонной ночи, надев самый строгий

чёрный костюм, я пришла в школу. Думала, новый день немного притупит мои непонятные и аморальные чувства к Ольшанскому. Увижу его за партой и перестану мечтать о нём, как о мужчине. Не получилось. Стоило мне войти в класс, как я чуть не грохнулась на задницу. Первая парта перед учительским столом, пустовавшая несколько лет, занята. И кем занята! Алексеем Ольшанским. Весь урок я стояла возле доски. Как девочка! Чувствовала себя школьницей, которой нравится одноклассник, а признаться нет смелости. Я взрослая женщина и самой себе стыдно признаться, что мне нравится этот мальчик. Его карие глаза заставляют моё сердце колотиться, как бешеное. Ну, почему он так смотрит на меня. В его взгляде нет мальчишества. Он смотрит, как мужчина. Оценивающе. И даже не краснее от смущения, если наши глаза встречаются на мгновение. Краснею и смущаюсь я. Но только не он.

Весь урок я чувствовала себя, как на иголках. Никогда так долго не проходил урок. Мне, казалось, что сорок пять минут превратились в бесконечность. Стрелки классных часов замерли. Или может я слишком часто на них смотрела, молясь, закончить эту пытку.

Звонок с урока! Я, как мои ученики, чуть не закричала «ура» и не выбежала из класса. Вместо этого, я как подобает учителю, спокойно собрала вещи и заплетающими ногами вышла из класса. Почему заплетающимися? Потому я ощущала, как карие глаза Алёши, смотрят на мои ноги.

Что в голове этого мальчишки? Господи, а что в моей голове? Я запуталась. Год пролетел для меня не заметно, как один день. А два месяца тянулись, словно два года. Так медленно. Раньше я часто бегала к своим деткам. С появлением нового ученика, я старалась реже заходить к ним. Май. Последний месяц. Я планировала чаще общаться с моими выпускниками. Хотела устроить им экскурсию в исторический музей и даже на настоящие археологические раскопки. Пришлось отказаться от этих идей. Алёша не давал мне прохода в школе, а за её пределами и подавно. Я боялась не приставаний рослого юноши. Я боялась, что не смогу правильно повести себя в щекотливой ситуации. Боялась своей слабости.

Первый месяц Ольшанский только присматривался ко мне. В апреле уже начал проявлять активные попытки.

Я несла карты на урок. Выбежавшая неожиданно детвора, меня напугала. Я выронила карты на пол, а вместе с ним и всё учительское барахло. Ползаю на коленях, собираю. Рядом опускается тело. Я вздрагиваю. Медленно поднимаю глаза. Ольшанский.

- Вам, помочь? – улыбается он.

Я опять отказываюсь, но он игнорирует меня.

- Зря отказываетесь, Виктория Павловна, - он собирает распечатки контрольных работ и подаёт мне, - я же вижу, что вам нужна помощь.

- Раз видите, Алексей, почему спрашиваете?

Я протянула руку, чтобы взять листок. Наши кончики пальцев чуть соприкоснулись, а меня, словно ударило током. Ну, нельзя быть таким горячим в столь нежном возрасте. Я резко отдернула руку. Опять скомкивая бумаги, старалась побыстрее закончить эту пытку.

Дура! Какая я дура! Запасть на своего ученика, да ещё малолетку. Прижимая к себе бумажки и карты, я убежала от него быстрым шагом по школьному коридору, проклиная тот день, когда он пришёл в мой класс.

Это не все попытки заговорить со мною наедине. Вроде, что такого? Пришёл ученик в лаборантскую, посоветоваться или что спросить. Я всем легко и просто отвечала на вопросы по истории, школьных мероприятиях и дежурствах. Стоило Ольшанском переступить через порог лаборантской, как моя душа упала в пятки. Стою и немею, не зная, что сказать.

- Виктория Павловна, я посоветоваться, - улыбается, а глаза прищурив, рассматривает меня.

- Слушаю, - я старалась держаться естественно, даже методичку взяла с полки, будто она мне очень надо.

- Я хочу после школы поступать в академию МВД.

Боже! Это в нашем городе.

- А почему не военную? – не смотря на него, я копаясь в книгах на полке, создаю видимость занятости. - Не хотите идти по стопам родителя?

- Не хочу, как отец, ездить по частям. Вдруг женюсь, а жене надоест за мной мотаться, - шутил он.

- Маме твоей же не надоело? – я мельком посмотрела на визитёра.

- Мамы уже семь лет нет, - погрузился Алёша.

Мне стало ещё больше неловко. Я так и не заставила себя посмотреть личное дело Ольшанского. Чего-то боялась. Сама не знаю чего. Может себя?

- Прости, я не знала, - положив, наконец, книги, я повернулась к нему.

- Ничего, - тихо сказал Алёша.

- Так что ты там про академию говорил?

- Чтобы поступить в академию надо сдавать ЦТ по истории. Вы не могли бы со мной позаниматься?

Ну, как откажешь таким глазам? Я не отказала. Назначила на пятницу после уроков. Он, как штык сидел в классе. Ждал меня.

- И так, посмотрим для начала, что ты знаешь, - я дала ему тест.

Алёша быстро прошёл по тесту и отдал мне листок. 9/10! Отличный результат. Единственный вопрос, на который он не знал ответа это год подписания Люблинской унии.

- Алексей, вы прекрасно знаете историю, - хвалила я его, убирая книги в стол, - и ваши контрольные всегда на высшие балы. Ниже девяток нет. Думаю, в репетиторстве вы не нуждаетесь.

Мой ученик не отчаялся и через пару дней караулил меня у подъезда. Иду я с сумками. Тащу два пакета продуктов с магазина. Мне преграждает путь здоровая детина. Без разрешения берёт мои пакеты и говорит.

- Я помогу донести до дверей.

Ну не рвать же мне их обратно. Внимание лишнее привлекать. К тому же, бабки сидят у подъезда сплетни, потом пойдут. Я разжала ладони и гордо пошла вперёд. Хочешь помочь, значит? Помоги. Пакеты у меня тяжёлые были. На неделю затарилась. Времени после работы иногда не бывает в магазин заскочить.

Мы дошли до моих дверей.

Я тяну руки к пакетам:

- Ну, вот пришли к двери.

А он:

- Так до дверей холодильника, - усмехается.

Ничего себе! Мальчишка ещё и заигрывает со мною, как с ровесницей.

- В гости напрашиваешься? – пытаюсь быть спокойной.

Самоконтроль. Только самоконтроль. Ну, что такого? Зайдёт ученик к учительнице в гости. Это же ещё не преступление? Надеюсь, нет.

- Напрашиваюсь, Виктория Павловна, - закидывая кверху квадратный подбородок с ямочкой, говорит он, - отец уехал рано утром и ключи забрал. Так я под дверями уже несколько часов сижу. Свои потерял или оставил где-то.

- Вы живёте здесь? – мои глаза полезли вверх от неожиданной новости.

- Да, но не в этом доме, а напротив, - указывает он в сторону окон подъезда.

Надо же так близко.

- Ладно, голодающий с Поволжья, заходи, - открыв дверь, пригласила я его.

Я организовывала обед. Всё-таки когда живёшь одна с котом, перестаёшь готовить. Потребность вкусно поесть отпадает. И на полках в кухонных шкафах занимают место коробки с мюслиями, хлопьями, а в

холодильнике йогурты, творожки и фрукты. А я ещё забыла про кошачьи консервы. Их у меня в избытке. В моей маленькой семье разнообразно питался только кот. Не знаю, чем кормят матери детей, но у меня нашёлся в холодильнике борщ и котлеты. Мама привезла вчера вечером. Хорошо, что макароны ещё были. Сварила.

- Вы такая хозяйственная, Виктория Павловна, - хвалил меня Алёша, уплетая за обе щеки.

- Да, муж должен приехать. Вот и наготовила, - не знаю, зачем соврала, но соврала.

- Виктория Павловна, вы не замужем, - откусывая котлету, сказал Алёша.

Ничего себя заявочки! Откуда это он всё знает? Я не распространяюсь на личные темы. На работе и то не все в курсе, где я и с кем живу. А ученики и подавно. Ему точно надо в МВД.

- Интересно, а кто тебе сказал? Может у меня есть молодой человек или собираюсь замуж или на грани развода?

- Никто не сказал, я на вашей странице в контакте прочитал. И вы в активном поиске.

- Ты взломал мою станицу? – мне было не до смеха.

Моя стена на странице доступна только для друзей. Своих учеников я в друзья не добавляла. Хотя они пытались. Слали мне заявки. Подписывались на обновления. Заявки не подтверждала, а подписчиков в чёрный список. Не хватало мне ещё работу в досуг тянуть.

- Нет, зачем. Я у Ларкиной в компе попасса, пока она спала сегодня ночью, - честно признался будущий милиционер.

Анжелика! Точно! Я добавляла её в друзья, когда готовила к олимпиаде по истории. Так быстрее было материалы скидывать. Удалить забыла. Когда вопрос о моей личной жизни был закрыт, я придралась к ночи с Ларкиной.

- А что ты делал у Анжелики ночью? – наверно это глупо звучало.

Он пожал плечами.

- Трахал её.

Вот так просто и честно. Трахал. Да что я придираюсь к словам. Ревную что ли? И кого? Мальчишку. Ему только своих ровесниц и трахать. Я-то причём? И зачем он мне это сказал? Не мог солгать? Уроки делали или Нет, он мне заявил о своём половозрелом статусе. Чуть ли не крича, трахал её! Могу. Вырос. Совсем дети понаглели. Не стесняются ничего.

- Я этого не слышала, - вставая со стула, сказала я.

Начала быстро убирать со стола за гостем.

- А чая не будет?

Вот обнаглел, а!

- А Анжелика, тебя, что не накормила?

- А вы ревнуете?

Ну, всё! Это слишком. Я ревную?! Я ревную! Я ревную... Да! От этого мне стало худо. Я ревную своего ученика, к своей ученице. Что я за педагог? Ужас. Я извращенка. Он младше меня на десять лет и ещё до кучи несовершеннолетний.

Кое-как успокоив себя, я повернулась к нему. До чего же красивый мальчик. В лет, так тридцать, он будет мужчиной хоть куда! Сейчас лицо уже приобретает чисто мужские черты.

- С чего вдруг я должна тебя ревновать? – я собрала последнее самообладание в кулак. – Ты мой ученик не больше. И я прошу вести тебя уважительно ко мне.

- Вы ревнуете и злитесь, - настаивал он на своём и не сводил с меня глаз.

Я стою и пытаюсь унять дрожь. От чего же я дрожу? От его такого взрослого взгляда? Он смотрит и раздевает меня глазами. А может, от того, что он прав. Я ревную и злюсь.

- Ты не прав, - всё же говорю ему.

- Прав, - он встаёт из-за стола и направляется ко мне, - вы стали говорить мне «ты».

От его меня спасет пронзительный звонок в дверь. Я вздрагиваю, а мой ученик останавливается.

Пришла Надя. Учительница биологии в нашей школе и моя подруга. Увидев, стоящего в дверях Ольшанского, она всплеснула руками:

- Алёшка, а ты что здесь делаешь? Я за две недели тебя впервые вижу.

- Надежда Владимировна, я к ЦТ по истории готовлюсь, - быстро соврал он, уже берясь за ручку двери.

Я почувствовала, как краснею. Мои щёки зарделись, словно помидоры. Как хорошо, что в прихожей был полумрак. Свет я не включила, открывая двери Наде.

Алёша попрощался и ушёл.

- Это же надо! Не глупый парень, а учиться не хочет. Ты, как классная там ему мозги повставляй.

- Мгу, - промычала я, закрывая двери.

Наши глаза мельком встретились на площадке и по моему телу пробежали мурашки. Чтобы было бы, если Надя не пришла. Он поцеловал меня? А я? Как я бы отреагировала на это. Мне оставалось только гадать и

благодарить Надю, что пришла в гости без приглашения.

Ещё одна бессонная ночь. Я тысячи раз прокручивала сцену на кухне и хотела понять имею ли я право так хотеть своего ученика.

Я люблю свою работу. Может быть, я трудоголик и меня ждёт участь всех учителей?

Вот сижу в учительской. Проверяю тетради с контрольными тестированиями и пью кофе. Ночь же не спала. Жесть, если бы не новейшие ВВ-кремы и консильеры свежего личика я бы не увидела в зеркале. Пью кофе и думаю. До линейки осталось две недели. Так мало. В учительской шумно. Пятница.

Кто обсуждает планы на выходные. Хотя, знаю я их планы. Сама проваляюсь за телеком или компом, зависая в соц. сетях. А потом в воскресенье, кинусь писать планы или переписывать их из-за скуки.

Кто сплетничает. А сплетен, ох, как много! Физрук с поварихой из столовой спит! Это же надо, среди такого выбора интеллигентных и образованных женщин выбрал ПТУшницу из общепита. Обидно-то как. Особенно, Алевтине Яковлевне, нашему социальному педагогу. Пришла к нам в учительскую. От тоски и одиночества чуть не воеет в своём кабинете на четвёртом этаже. Стоит уже полчаса у зеркала и расчесывает три волосины, вставляя в каждый разговор своё привычное: «Ой, там такая сложная ситуация», или «Ой, жалко деток». Она не злая, просто до ужаса одинокая. Живёт с псом той-терьерчиком Фоней. А чем я лучше? Я живу с котом Васей. Через пятнадцать лет мне будет, как и ей за сорок. Буду такая же старая ворчливая дева.

Сотни раз прислушиваюсь к разговорам в учительской и ничего нового не слышу. Одна школа и жизнь в ней. Я поставила чашку и посмотрела на своих коллег. Счастливы ли они? Варятся из года в год в одних годовых планах, тетрадках, мероприятиях, бесконечных проверках и конкурсах, нескончаемых линейках. Они большую часть своей жизни проводят в школьных стенах. В этой одной учительской можно написать докторскую под названием «Психологический портрет учителя».

И так в школе лидируют разведёнки. Где-то процентов шестьдесят. А как не развестись с женой, которая все 24 часа в сутки думает и говорит о школе. Ещё и пропадает в ней. Планы, уроки, тетрадки – бесконечный круговорот. Совмещать семью и школу очень сложно и труд не благодарный ни там, ни там. Знаю по маме. Отец бросил нас, когда мне было семь лет. Мама от горя ушла полностью в работу. В семьях учителей часто вырастают неблагополучные дети. Тратя время и нервы на чужих, на своих у них уже ничего не остаётся. От нехватки родительской любви

учительское чадо бросается во все тяжкие. Наркомания, курение, алкоголизм, проституция, приводы в милицию и всё в таком духе. Наверно, и я бы пополнила их ряды, если бы мама не спланировала меня бабушке. Бабушка тоже была педагог, но на пенсии. Смешно, но моя бабушка была разведёнкой, как и мама. Прям династия разведёнок в нашей семье. Правда, на мне это династия прекратится. Я буду старой девой. На личную жизнь времени нет. Работа, мать твою! Работа, которую я люблю.

И вот мы дошли до второго места. Это старые девы. Ряды, которых пополню я. Уже пополнила. Замуж в институте не вышла, а теперь и некогда. В нашей школе старых дев десять. Я пока себя к ним не отношу. Рано ещё. Временные рамки для женщин в двадцать первом веке немного сдвинули, и я буду старой девой после тридцати пяти лет. А пока в соц. Сети стоит статус «в активном поиске». Смешно. Боже, как смешно. Я так активно ищу, лёжа на диване и ли качая попу в шейпенг клубе для девушек, то с таким темпом никогда не выйду замуж.

Третье место – это учителя замужем за учителями. Вот эти крепкие семьи. Им же есть о чём поговорить по ночам, проверяя тетрадки за одним столом. Иванов – тупица. Петров – идиот. Сидоров – прогульщик. Не жизнь, а идиллия. Они даже ругаются из-за школы и новых стандартов обучения. Скучота! Нет, за учителя я замуж не хочу. Да и мужчин – педагогов в нашей школе раз – два и обчёлся. В основном женский контингент. Физрук занят поварихой. Физик – старичок для меня. Ему сорок пять лет и его обхаживает (по слухам, уже десять лет), Мария Александровна – учительница русского языка и литературы. Дальше поцелуя в день учителя они не дошли. Вот и обхаживаются до сих пор. Мой коллега историк. Он похож вообще тронутый на танках. Виртуальный зависала. Ему ничего не надо, кроме компа. Каждую свободную минуту бежит в класс информатики к такому же дурачку. Информатик тоже сидит за монитором по двадцать четыре часа в сутки. Там у него целый город и империя выстроена. Он в другой реальности Император, а тут всего лишь учитель Валентин Дмитриевич Крошкин. О, как Крошкин! С таким каше не сварить.

Четвёртое место – молодые девчонки после института. Замужем или вот-вот замуж или с пузиками. Они долго не задерживаются. Счастливицы. Эх!

Пятое место – пенсионеры. Их и палкой из школы не выгонишь. Вся жизнь за стенами любимой работы прошла. Другой они не знают. Таких либо с уроков сразу вперёд ногами выносят, либо после года на пенсии. Не успел человек освободиться от засилья тетрадок, как профсоюз уже собирает деньги на похороны.

Вот они учителя. Какая-то особая каста населения.

- Нет, ну это уже наглость! – вбегая, кричит Аделаида Владимировна, учительница математики. – Девочки, наглость! Не прикрытая наглость!

Девочки. Хотя в учительской сидит физик. Но он давно не обижается. Девочек же больше, чем мальчиков. Привык.

- Что? Что? – понеслось ото всех углов.

- Наглость, говорю! – кидая журнал и тетради на стол, повторяет Аделаида Владимировна. – Леонтева, прогуливала всю четверть. Ни одной контрольной не написала. Я ей говорю, поставлю два бала за четверть и за год четыре. А она мне говорит! И знаете, так ехидно говорит: «Вы мне меньше четырёх за четверть поставить не имеете право. Вас за это на педсовете отчитают. И за четвёрку за год тоже получите. Не научили меня, значит. Вы плохой учитель!». Я плохой учитель! Я порчу статистику своим оценками школе, - она заплакала, грузно шлёпнувшись на стул.

Все кинулись успокаивать.

- Ой, у Леонтевой такая сложная ситуация, - свои пять вставила социальный педагог, не отрываясь от зеркала. – У Оленьки мать, укатила с любовником в санаторий. А отец из рейсов не вылезает. Девочку совсем забросили. Бедняжка.

- Да, что вы такое говорите, Алевтина Яковлевна! – это уже вступается наш физик. – Леонтева совсем от рук отбилась. Не жалеть её надо, а наказывать. Она только в девятом, а дальше что?

- Родителей в школу! – предложила Раиса Игнатьевна, учительница белорусского.

- А как их вызовешь, когда нет на месте и на телефонные звонки не отвечают? – плакала Аделаида Владимировна.

Ей уже пихали успокоительные капли.

- Ой, ну что вы мне даёте! За годы работы у меня на неё выработался иммунитет. Не помогает, - отнекивалась, а выпила залпом.

Потом высморкавшись, собрала разбросанные по столу тетрадки и ушла в свою лаборантскую. Там у Аделаиды Владимировны успокоительное покрепче. Коньяк. А что, конец рабочего дня. Можно себе и позволить.

Эти требования по оцениванию полный бред. Десятибалльная система, а ставить меньше четырёх нельзя. Четыре это три, на старый лад. Дети пронюхали эту фишку и стали ещё наглее. Могут ничего не делать, а просто сидеть в носу ковыряться и ты должен поставить ему четыре. А не поставишь, тебя на педсовете отчитают, как девочку за плохую работу. Пойдёшь на принципы и поставишь обнаглевшему ученику неуд, тебя не

только на педсовете оттянут, так ещё и на ковёр в отдел образования вызовут. Поимеют во всех позах. Работаешь плохо. Нас перестали уважать. И правило существовавшее десятилетиями «учитель всегда прав», сменило «учитель никто». Вот и получаем от начальства, гонящегося за галочками в статистике, и от родителей, забросивших своих детей, и от самих деток, обнаглевших от вседозволенности. Учи тех, кому знания совсем не нужны и заставить их не возможно. Права не имеешь. Нарушение прав ребёнка. В задницу только имеешь право целовать и по головке гладить. Хотя и за это тоже отчитают.

За Алевтиной Владимировной, зашла моя подруга. Только с урока она пришла на подъёме. С улыбкой на всё лицо.

- Я поражаюсь современным детям! – смеялась Надя. – Я урок в 8 «Б» никогда не забуду.

- А там, то что? – закидывая ногу на ногу, спросила я.

- Там?! О! – она поставила журнал на полку. – Дала контрольную годовую. Пашкевич Даша сидит на первой парте, за ней Юра Дмитриевский. Он тыкает, ей в спину ручкой и просит: «Даш, а Даш? Ты мне дашь или не дашь? Всем дала, а мне, что не хочешь?». Я сначала не обращала внимания. всё –таки, Дмитриевский с биологией не дружит. Пусть хоть на шесть спишет. Но, он уже в наглуую, громко спрашивает у Дашки «Дай, мне, а то всем скажу». Ну, я не выдержала и говорю: «Даша, ничего ему не давай! Пусть сам справляется!». Девчата, смех. Такой смех по классу прошёлся! Они все не просто смеются, а ржут! А я стою и ничего не понимаю, что такого смешного сказала. А тут Ильинский вот такой жест показывает, - она сложила в кулак ладонь и подвигала ею вверх вниз, - и говорит: «Слышь, Дмитриевский сам справляйся!». И это восьмой класс! Восьмой!

Мы все засмеялись. Особенно, молодое поколение учителей. Старшие жеста не поняли.

- Горазды они списывать, - проснулась пенсионерка Мария Казимировна, - у меня вот не спишешь. Я в оба гляжу, когда контрольную даю.

И тут засмеялись уже все. Мария Казимировна, учитель английского, любит поспать на солнышке. И дети у неё вообще могут по классу ходить. Работает на замене. Если кто из англичан заболел, Мария Казимировна тут, как тут. Не выгонишь и не откажешь заслуженному педагогу СССР.

Вот на такой весёлой нотке, я пошла, проверять, как убрали класс перед выходными дежурные. В школе в основном убирались уборщицы, но было принято решение приобщать учеников к общественному труду и

классы оставили за детьми. Исключение составили только младшеклассники.

Я открываю двери и вижу. Алексей сидит на учительском столе и копается в телефоне. Никого в классе больше нет. Моё сердце бешено заколотилось. Стараюсь, вести себя естественно и, закрывая двери, спрашиваю, оглядывая класс:

- А где дежурные?

Помнится, сегодня должны были дежурить Анжелика Ларкина и Милана Осипова.

Ольшанский убирает в рюкзак телефон и спрыгивает со стола.

- Уже ушли, я сказал, что дождусь вас и сдам класс, - улыбается.

Ах, хитрый мальчишка! Значит, девочек отпустил, а сам меня решил дожидаться.

- А вам, Алексей, не говорили, что на столе не прилично сидеть, - начала я с замечания, всё-таки учительница и это отвлекает от его играющих мышц под натянутой футболкой.

- Стулья все на партах стоят, Виктория Павловна, - он подходит ближе.

Я отступаю, как каракатица пачусь назад к дверям. О, только не подходи! Только не смотри на меня этими карими глазками!

Моя спина вжимается в закрытые двери. Я судорожно ищу рукою ручку, чтобы открыть дверь и убежать. Я могу поставить на место любого ученика. Не раз приходилось в старших классах корректно объяснять разницу между учительницей и учеником. Особенно, часто это было в первые два года.

И вот я стою вжата в двери и ничего не могу найти в своей голове, чтобы остановить наступающего на меня рослого мальчишку. Ну, почему они такие большие вырастают? Маленькие, бегают по классу, дерутся между собой, разбивая носы, дергают девочек за косички. Уходят на каникулы в восьмом классе. В девятый приходят на голову выше тебя, а в десятом уже смотрят, глазами мужчин. Так быстро взрослеют. Но мои мальчишки выросли на моих глазах незаметно, и я отношусь к ним, как моим детям. К Ольшанскому я почему-то так относиться не могу. Не получается.

- Вчера вы говорили мне «ты», - напоминает он, а ладонь тянется ко мне.

Я отвожу лицо в сторону, от его почти коснувшихся меня пальцев. Горячие. Они такие горячие, что их жар я ощущаю на расстоянии.

- Алексей, прекрати, - единственное, что смогла я выдать из себя.

- А если я не хочу? – спрашивает он и наклоняется.

Его рука поворачивает мое лицо, а губы касаются моих. Такие

нежные. Он даже ещё не бреется толком. Щетина, что пух не царапает мою кожу, а нежно щекочет. Я на мгновение забыла, кто я и кто он. Вот так забыла и всё. А когда мои губы сами открылись, впуская его язык внутрь, я ощутила лёгкое головокружение. Боже мой, такого со мной никогда не было. Те пять мужчин, до этого мальчика, не вызывали во мне столько эмоций. Я отдавалась семнадцатилетнему мальчику в классе. Его руки обняли меня и прижали к крепкому телу. Какое же у него тело. Я терялась в нём. Это не правильно! Господи, как это не правильно. Но я ничего не могу собой поделать. Я сама уже прильнула к Алёше, отвечая на поцелуй поцелуем. Его горячая ладонь, ползёт мне под кофточку. Я почти растворилась, во внезапно охватившем меня желании. Почти, но не совсем. То, что потом упёрлось мне в живот, привело в чувства. Я испугалась. Как же близко я была к падению. Ненавижу себя. Ненавижу и хочу. Хочу... очень хочу его. Хочу этого мальчика. И стыдно. До одурения стыдно за эти противоестественные желания. Он ещё мальчик. Господи! Какой мальчик?! У него в штанах точно не мальчик! И этот не мальчик уже знал девочек. Но, я же не девочка! Я женщина. Взрослая женщина. Я его классный руководитель. Я не имею на это право. Эти желания уголовно наказуемы. Я не извращенка! Не педофилка! Мне не привлекают дети! И он на ребёнка не тянет. Молодой и горячий. Он совращает меня. Он сам! Сам всё это затеял. Это он! А я пошла на поводу его и своих страстей. Я не должна так поступать. Ладно, он. Алёша юная не вполне сформировавшаяся личность. Семнадцать лет! Ну, я – то куда кидаюсь! Я взрослая женщина. Мужика давно не было! На ребёнка покусилась! Дура!

Резко отстранившись, я вlepила Алексею пощечину.

- Ведёшь себя, как взрослый, вот и получай, как взрослый! – чуть не плача, прошептала я и выскочила за двери.

Он за мною.

- Виктория Павловна! Подождите! Виктория Павловна! – кричит он.

На повороте я чуть не сношу директрису, проверяющую свои владения. Быстро извиняюсь и, не поднимая глаз, убегаю дальше.

Ещё одна бессонная ночь. Быстрее бы линейка, чтобы этот желанный мальчик ушёл из моей жизни. И снова наступили мои скучные школьные будни.

На работе меня вызвала к себе в кабинет Зинаида Сергеевна.

- Виктория Павловна, ваше поведение меня настораживает, - начинает она отчитывать меня. – У нас элитная школа, а вы не вполне адекватно себя ведёте в последнее время. Особенно в отношении к новенькому Алексею Ольшанскому.

- Простите, - скукожилась я в кресле, нервно дергая ногою, - я не понимаю, о чём идёт речь? Какое не адекватное поведение?

Лучше всё отрицать. Свидетелей не было.

- А как же вчерашний случай? Вы чуть не снесли меня, убегая от своего ученика. А он бежал за вами. Это всё походило на ссору. Я даже не знаю, как правильно это всё назвать, - она вздохнула, поправляя очки. – Я давно за вами наблюдаю. И мне кажется, что вас с Ольшанским связывают интимные отношения.

Вот так в лоб. Не уже ли мои чувства так бросаются в глаза. Я снова краснею. Отвожу взгляд.

- Меня оскорбляют ваши гнусные подозрения, - лучшая защита – это нападение. – Я вчера убегала от Ольшанского, потому что он меня оскорбил, и я не сдержалась, ударила его.

Зинаида Сергеевна покачала головой, будто понимает.

- Да, дети сейчас не самые послушные, но это не повод распускать руки. А если сегодня придёт его отец с жалобой на вас, что тогда? Это скандал, Виктория Павловна. У нас самая лучшая школа и мы не можем рисковать её репутацией. Вы понимаете, меня.

Конечно, понимаю! А как не понимать. Если, что пиши заявление на увольнение. В эту школу очередь из учителей. Место пустовать не будет.

- Не придёт, Зинаида Сергеевна, - заверила я её.

- Хорошо, вы свободны, Виктория Павловна.

И я ушла. Весь день был испорчен. После ковра у директора, мне словно в душу нагадили. Как же здесь быстро до всего додумываются. Я ещё сама не разобралась в своих чувствах к Алёше, а директриса уже нас в койку запихнула. Мерзко. Очень мерзко. И Алёша этот тоже хорош. Весь классный час, раздевал глазами. Я даже несколько раз запнулась. Забыла всё. В голове всплывали картины нашего поцелуя в классе. А когда глаза мои невольно падали в сторону дверей, у меня и вовсе давление скакало. Уши заложило, и сердце, замирая, останавливалось. Двадцать семь лет и уже тахикардию заработала на любовно-нервной почве.

Сажу в лаборантской. Сопли на кулак наматываю. Жалею себя и ненавижу за слабость к своему ученику. В мой мир покаяния врывается Надя. Увидев меня в слезах, присвистнула.

- Эка тебя наша злыдня отчитала! – вынимая из кармана пиджака пачку сигарет, говорит она.

- Да не особо и отчитала, - вытираюсь я платочком, - просто мерзко слушать было.

- Ага, мерзко, когда в трахе с учеником подозревают! – открывает она

форточку.

- Чего? Ты – то откуда знаешь? – слёзы высохли в раз от шокирующей новости.

- Как откуда? Вся учительская жужжит. Анна Тимофеевна сказала, - говорит Надя и закуривает сигарету, выдыхая в форточку.

Курить в школе нельзя, но все курят по лаборантским. Главное не попасться на глаза администрации в лице директора и завуча.

Ясно. Анна Гавриловна лучшая подруга Зинаиды Сергеевны. Они бухают вместе, обсерая мужиков. Причины у них на это есть. Завуч - разведёнка с двумя детьми от разных мужей. Директор – старая дева, с десятком не удачных романов в юности. Короче, жизнь у них не сложилась, а виноваты всё они – мужчины. Козлы, одним словом. Вчера побухали и посплетничали. И вот результат. Я теперь и в глазах школьной общественности аморальная извращенка педофилка. Глаз теперь с пола не подымешь, все заклюют.

Я ещё больше зарыдала.

- Да, ладно тебе, не реви! – успокаивала меня Надя.

- Как не реветь, - давилась я соплями, - я не сплю с Ольшанским. Это не правда!

- А я грешным делом подумала, что есть между вами огонёк, - затягиваясь, сказала Надя. – Он же у тебя был вечером.

- Дура! Тебе же ясно сказали, занимались историей! – врала я.

Даже подруге было стыдно рассказать о своих чувствах.

- Да хоть и трахались, и что?! Он парнишка ничего такой, - чуть не облизываясь, сказала учительница биологии. – И там, уже в четырнадцать всё работает о-го-го как! А ему не четырнадцать. Семнадцать, твою мать стукнуло. Эх, сама бы с молоденьким закрутила. Надоели эти мужики за тридцать. Пока не приласкаешь, ничего не встанет. А хочется горячего! Ух, как хочется! Чтоб он тебя, а не ты его, - закатила глазки, полувозбуждённая Надька.

Я даже заекала от такого откровения.

- Ты, что такое говоришь? Это не правильно, - платок мокрый, утираюсь, по - детски рукавом.

- Правильно - не правильно. Да ну эти границы! Секса хочу. Давно не было, - она выбрасывает окурок в форточку и подсаживается ко мне на соседний стул. – Слышишь, а давай сегодня в ночной клуб сгоняем. Мужиков снимем. Оторвёмся, как в универе, помнишь? Что разве старые? Всего – то двадцать семь!

Мы с Надей учились на разных курсах, но дружились ещё на

вступительных экзаменах.

- А если там наши ученики будут? – почти соглашаюсь я.

Чем чёрт не шутит! Может и кого встречу. И может и не на одну ночь. Надоело одиночество.

- А мы туда пойдём, где малолеток точно не пускают, - улыбается она.

- Где ты такие клубы видела? Сейчас пятнадцатилетняя девочка, такими формами обладает, что тебя с твоей двоечкой за пояс заткнёт.

Мы засмеялись. Легче стало. Всё-таки подруги это всё для нас.

- Вика, я вот, что тебя хотела сказать, - она взяла мою руку. – Мне тут по секрету Раиса Игнатьевна сказала. Племянница нашей директрисы универ в этом году заканчивает. И тоже по специальности история. Так Зинаида Сергеевна на тебя зубы точит. Хочет место освободить для родственницы, а тебя уволить не за что было. И тут такая новость. Ты и Ольшанский. Она за это дело всеми конечностями ухватилась. Выживет тебя из школы.

С этой правдой мне стало понятно, почему в последний год так много придинок по работе от директрисы в мой адрес прилетало. Место для племяшки готовит.

- Теперь точно выгонит! – я погрустнела.

- Ты об интимах с Алёшенькой? – подмигнула Надя. – Это не доказуемо. Но нервишки тебе попортят.

- Нет выгонит. Сплетни на престиже школы могут сказаться.

- Да какой престиж школы? Я тут с некоторыми учителями долгожилами общалась. Тут престижем и не пахнет. Та ещё школка. Тайн, как блох на бродячей собаке.

- Ты о чём? – впервые слышала подобные речи.

Я не особо общительная, в отличие от подруги.

- Помнишь физика Леонида Инокентича?

Я кивнула головой. Кто его не помнит. Когда мы пришли работать, он на пенсию среди учебного года ушёл. Милый такой старикашечка был.

- Этот старичок девочек любил за коленки лапать. Кто давал полапать, тому оценки хорошие. Кто не давал, того на пересдачу оставлял. Дети жаловались. Мимо ушей пропускали. Это престижная шкала! Такого здесь быть не может. Наша директриса покрывала его. Он же приносил школе каждый год грамоты по призовым местам в олимпиадах. И несколько раз был учителем года. И так бы ещё долго длилось, если бы не пришла одна мамаша с жалобой на физика-педофила и с угрозой в милицию с заявлением пойти. Долго тянулись переговоры с разгневанной мамашкой. Физика на пенсию, пострадавшей бесплатно по всем предметам репетиторство. И это

не все тайны. Здесь и учителя алкоголики, и наркоманы были. И ученицы от учителей беременели. Только такие тайны на публику не выносят. По-тихому решают или пока всех всё устраивает, предпочитают не замечать.

Я ужасалась. Пять лет работаю, и ничего не знала. Наверное, Надя права, пока всех всё устраивает - в глаза не бросается. Это мои метания бросились в глаза потому, что место понадобилось. Гадко стало. Я сижу себя корю за слабость, проявленную в классе с учеником. И я не сама к нему полезла! А тут такие дела творились. Жесть!

- Ладно! Пойдём в клуб, - согласилась я.

Надоело всё. Развлечься захотелось и напиться, если честно.

Не успели мы с Надюшкой за барную стойку сесть и наклюкаться для начала, как к нам подсели два видных мужчины. Слово за слово и мы уже за их столиком сидим. Продолжаем пить, смеяться. Потом вроде танцевать? А утром я просыпаюсь в своей постели, с головной болью, без одежды и без памяти. Рядом в постели никого нет. Вроде была не одна. Кто-то домой привёз. Ничего не помню.

В последний раз я так пила, когда жениха на чистую воду вывела. Отменила свадьбу и напилась до потери пульса с Надькой. Мы ещё тогда на лимузине, арендованном на свадьбу, ездили по городу. Надя шофёра совратила и напоила. Как тогда нас гайцы не остановили. Не знаю. Во общем весело было. А вчера как было? Не помню.

Лежу и прихожу в себя. На кухне кто-то есть. Гремит кастрюлями. Мама. Больше не кому. Будет читать нотации, как всегда.

- Мамуль! – зову я. – Мамуличка! Принеси своей непутёвой доченьке водички!

Сушняк.

Дверь открывается и в комнату входит «мамулечка» в лице Алёши Ольшанского. Я чуть сознание не потеряла. Как?! Я с ним! Как? Неужели я переспала по пьяни с ребёнком. Я дрянь! Натягиваю одеяло до подбородка. Дыхание сбивается, а сердечко, ой, сейчас остановится. И самое поскудное, я ничего не помню.

Он подаёт мне стакан с бурлящей жидкостью. Трясущимися руками беру. Немного расплескала на постель. Стараюсь пить глотками, а самой хочется, как лошадь, вёдрами. Пока я пью, мой ученик усаживается на кровать и, прищулив глазки, довольно улыбается. Молчит. Господи, лучше бы говорил. Легче было бы. Вот, что ему говорить? Что спрашивать?

Я ставлю пустой бокал на прикроватную тумбочку. Бегая глазами по чертовки соблазнительному мальчику, напрягаю память. Как это было? Голова начинает ещё больше раскалываться, и я падаю на подушки со

СТОНОМ.

- Ты пьяная такая прикольная, - наконец-то слышу я.

- Не «ты», а «вы», - вот дура после вчерашнего, это звучало неуместно.

- Ты вчера мне сама предложила перейти на «ты», - его рука ползёт под одеяло.

Я медленно подтягиваю ногу к себе.

- Мы вчера... Э ... между нами.... – я пытаюсь подобрать слова, - ты и я ...

- Ничего не было.

Я выдохнула. И тут же смотрю на него, недоумеваю.

- А почему я голая?

- Я раздел тебя. Тебе плохо было. Таксист, останавливался каждую минуту, пока довёз нас, - он загадочно улыбнулся.

- Я приставала к тебе? – прячу лицо в одеяло.

- Да. Чуть устоял. Ты, Вика, такое вытворяла, пока я раздевал тебя, - его рука продвинулась дальше и всё-таки добралась до моей лодыжки.

Оооо! Всё сейчас взорвусь. И не знаю от чего. От стыда или желания. Его пальцы такие нежные.

Вместо желания поближе придвинуть к нему ножку, я отпихнула его руку.

- Вчера не захотел, сегодня чего лезешь! – буркнула я.

- Хотел, но ты вчера такая пьяная была. А я хочу с тобой трезвой.

Вот это признание. Десять мальчику! Упустил ты, мальчик, свой джекпот в постели секси-учительницы. Домой собирайся! Я отрезвела.

На всю комнату раздаётся песня Любе «комбат-батяна». Я закрываю голову подушкой. Такой рёв музыки, разрывает мозги.

- Да, пап! – слышу сквозь подушку. – Нет, я дома не ночевал. У девушки. Да, ладно, бать! – смеётся. – Мы внуков тебя ещё не делали! Ну, пока не выгонит. Хорошо. Потом познакомлю. Пока.

Он отключает телефон. Я офигеваю. Ничего себе отношения у папы с сыном. Такие доверительно-дружественные. Сын дома не ночевал, а папа только посмеялся и подколол на счёт внуков. Мне двадцать семь, а моя мама до сих пор мне мозги полощет.

- Какая старомодная песенка, - мычу я под подушкой.

- Зато подходящая, - говорит Алёша, и стаскивает с меня подушку.

Его тело нависает надо мною. О, нет! Только не смей. Не смей. Ускользая, ужиком, в сторону, пытаюсь избежать так желанных мне поцелуев. Он тянет уже одеяло, и глаза мутнеют от состояния – стояния у него, а я отчаянно сопротивляюсь.

- Нет! – шепчу я, прикрывая уголком одеяла грудь. – Мне надо в ванную, а тебе домой.

- Никуда я не пойду, - заявляет твёрдо Лёша, - ты мне должна день за спасение.

- Чего? – насупила я брови.

Какое спасение? И тут память кувалдой бьёт по голове. Ай! Я вчера стала причиной драки. Один из мужчин, с которыми мы проводили весело вечер, полез ко мне под платье. Я была против, а он грубо настаивал. Алёша вырубил злого дядю. Благо силы у мальчика много. Началась потасовка, и мы убежали. Потом такси. Потом моя квартира. Потом... боже я говорила ему это. Мой милый мальчик. Я тебя хочу! Иди ко мне! Ну, что скромничаем! Лучше бы не вспоминала. Покраснев, как помидор, я закрыла глаза руками.

- Вспомнила? – целует он мою, открывшуюся грудь. – Назови меня ещё, милым мальчиком.

Издевается. Только не целуй меня там! Его губы ползут вниз. Я подскакиваю, отстраняя Ольшанского.

- Не надо! Прости меня, пожалуйста. Мне так стыдно, Алёша. Тебе ещё нет восемнадцать, я так не могу, - тяжело дыша, я выставила руку, упираясь ему в грудь.

Сквозь футболку, ощущаю, как бешено колотится его сердце. Моё не менее бешеной бьётся.

Он опускает голову.

- Только семнадцать причина?

- Да.

- Но, ты должна мне день, - поднимает карие глазки на меня, мой мальчик, - Собирайся.

- Куда? – укутываясь в одеяло, спрашиваю я.

- Увидишь.

Блин, ещё мальчишка, а ведёт себя, как мужчина. Как настоящий мужчина. Меньше слов, больше дела. Жаль, что нас разделяют целых десять лет. Будь он старше, я сама оседлала его, не спрашивая. Да и так не жеманничала.

- Выйди, - прошу я.

- Да, что я там не видел, - хитро ухмыляется, мой мальчик, но всё же выходит.

У меня ещё не было таких насыщенных выходных. Я отрывалась, как девочка, забыв, что мне двадцать семь лет. Никогда не играла в пейнтбол. Оказывается, Алёша, профессиональный игрок в мини – стрельбища.

Увлёкся ещё в седьмом кассе. Ездил с отцом, потом один. По мягкому месту я прилично шариками отхватила. Больно бьются заразы. Синяки выступили сразу, что сесть на попу было больно. А мой мальчик, смеялся, видя, как я усаживаюсь на скамейку в кафе в этом же загородном комплексе активного отдыха. Домой я вернулась уставшая. Возле дверей всё же позволила Ольшанскому поцеловать меня. Нас застучала соседка. Злая тётка. Поцокала языком, сказав: «распустились совсем, и вы туда же, а ещё учительница». Пофиг! Мне было пофиг. А что учительница, не человек? Простые женские радости ей не подвластны? Ольшанский рвался в мой будуар, но я отказала.

- Будет восемнадцать, жду! – пошутила я, закрывая перед ним двери.

Впервые за три месяца я спала, как убитая, и проснулась счастливая как – никогда. Жаль, что мой так хорошо начавшийся день испортили в школе.

Не успела я войти в учительскую, как от меня отвернули носы. Полный игнор весь день.

Потом Анжелика Ларкина подошла и всунула мне ключи.

- Отдайте, Алёшке! – сказала она, злобно сверля глазами.

- Анжелика, а вы, что отдать не можете? – держа в ладони когда-то потерявшееся ключи, спросила я.

- Вы теперь с ним, вот и отдавайте, - грубила мне ученица.

Мне стало не по себе. Я совсем забыла, что Алёша и Анжелика спят вместе. Ну, или спали. Двойные чувства поселились во мне. И ревность и жалость. Видно, девочка влюблена, а я влезла. Старая дева, разбила пару больше подходящую друг другу.

- Анжелика, я не знаю, о чём вы? – я попыталась с ней объяснить.

Но вместо, внимания, услышала:

- Я вас ненавижу, Виктория Павловна! – и она убежала.

Потом меня вызвала директриса. В кабинете сидел военный. Я так поняла отец Алёши. Я села на кресло рядом с ним. Боже, что я надела? Какой скандал!

Его отец пристально рассматривал меня, а я дрожала всем телом. Вот от кого у Алёши такие пронизывающие глаза. Сын очень похож на отца. Его копия в юности.

- Я вызвала вас, Максим Валерьевич, чтобы разрешить сложную и интимную проблему в нашей школе, - начала Зинаида Сергеевна. – Я понимаю, вы имеете право негодовать и злиться, но мы обещаем вам уладить все вопросы.

- Я пока ничего не понимаю, Зинаида Сергеевна, - чётко по –

военному говорил отец моего мальчика. – Мой сын, не успевает в школе?

Он ничего не знает. Значит, это директриса вызвала его, а не он пришёл с жалобой на растление несовершеннолетнего сына классным руководителем. Я выдохнула.

- Нет, ваш сын прекрасно учится. Это другая проблема. У него интимные отношения с нашим педагогом, - рубила с плеча директриса.

- С каким педагогом? – нервно воскликнул Максим Валерьевич.

- С Викторией Павловной, - сдала гадина.

Отец Алёши облегчённо выдохнул и посмотрел на меня. В глазах не было гнева.

- Фу, я подумал, что мой сын из этих! Не пугайте, меня больше так, Зинаида Сергеевна, - улыбаясь, он рассматривал меня уже с ног до головы.

Оценивал. И, похоже, я пришлась ему по вкусу. Наша директриса не знала, что у отца и сына не вполне родительские отношения. Отец не запрещает сыну ничего. Он доверяет ему и в личную жизнь давно не лезет.

- Вы не поняли, наверное? Вот смотрите! – она включила планшет и подала родителю.

Я краем глаза видела, свои художества в ночном клубе. Танцы и пляски. Потом драку. Кто же такой сам себе режиссер. Кто так постарался.

Максим Валерьевич посмотрел. Выключил и отдал обратно директрисе.

- Я вас совсем не понимаю, Зинаида Сергеевна. Что вы мне пытаетесь, показать этим видео? Мой сын заступился за честь дамы в клубе. Я рад, что всё-таки недаром прошло моё воспитание, и я вырастил настоящего мужчину.

Секретарша доложила, что Ольшанский младший ожидает в приёмной.

Заходит Алёша, директриса на него:

- Алексей, какие у вас отношения с Викторией Павловной?

Он пожимает плечами и честно говорит:

- Дружеские.

Она уже брызжет слюной от злости.

- Говори правду! Ты спишь с ней?

- Это моё личное дело, Зинаида Сергеевна.

Тут не выдерживает отец. Он встаёт с места. Окидывает директрису недобрый взглядом.

- Не смейте кричать на моего сына, - громким командным голосом, говорит Максим Валерьевич. – Он уже не мальчик и сам решает с кем ему спать или не спать. Если вы вызвали меня по этому поводу, то напрасно.

Отчитывать сына за любовь к женщине я не собираюсь, - он посмотрел на меня. – Я и сам за ней приударил бы, но конкуренцию сыну составлять не буду, - улыбнулся он.

Такой комплемент. Мне нравится этот мужчина. Сын весь в него.

Подходя к Алёше, похлопал его по плечу.

- Одобряю твой выбор, хороша! - и, повернувшись к пышущей злобой директрисе, сказал, - если вопрос решён, то мне здесь делать нечего. Увидимся на выпускном.

И ушёл. Но, я точно до выпускного здесь не дотяну. Зинаида Сергеевна выгнала нас с кабинета, крикнув вдогонку о внеплановом педсовете в 16.00.

В коридоре Алёша идёт со мной рядом и его пальцы то и дело пытаются коснуться моих. Мы так близко. И мне невыносимо от этой близости. Как-то отлегло от души, услышав слова одобрения из уст отца моего мальчика. Совет перестаёт мучить.

- У тебя проблемы из-за меня? – спрашивает Алёша.

- Нет. Ты здесь не причём, - говорю я, стараясь не смотреть по сторонам. – Эти проблемы начались за долго до тебя.

Отовсюду на нас летят осуждающие взгляды. Хочется спрятаться от них. Ну, что я сделала? Что? Я не сплю с ним! Держу себя в рамках приличия всегда, а тут, раз дала слабину и всё. Репутация погублена. Я иду по коридору и слышу смехи учеников, злорадство учителей. Я чувствую себя прокаженной, от меня шарахаются. Не здороваются. Нет больше того уважения, что я заслужила работая на износ в этой школе. Я больше не Виктория Павловна, а Вика-секси. Омерзительно.

- Я подожду тебя, - опять говорит Алёша и пытается войти за мною в лаборантскую.

- Нет, не стоит. Педсовет это долго, - вру я, выталкивая его за двери.

- Встретимся потом? – с надеждой спрашивает он.

- Да, - бегло отвечаю и закрываю двери.

Я хотела расплакаться от унижения в кабинете директрисы, но сдержалась. Сама хороша. Дала повод так думать. А с другой стороны, какой повод? Выбежала из класса. Влепила пощечину. Повеселилась в ночном клубе. Это поводы? Это ничто перед лапаньем коленок у девочек после уроков, или приделывания детей старшеклассницам.

Сижу и гоняю мысли в лаборантской, входит Надя.

- Ну, ты даёшь! Видео с твоими танцами по всем планшетах и телефоном гуляет в школе! – громко заявляет она. – Главное вместе в клубе пили и танцевали, а снимала эта маленькая дрянь только тебя.

- Кто снимал? – выпадая из своих мыслей, спрашиваю я.

- Кто? Ларкина твоя, кто же ещё. Она там не в лучшем виде была. Сама пьяная, на стойку барную лезла танцевать. Её Ольшанский снимал, а потом тебя увидал. Как Вадик пристаёт, и всё на тебя переключился, - полезла за сигаретами опять Надя. - Вот стерва ревнивая. Стоять не могла, а видео сняла! – возмущалась подруга, закуривая.

Я открыла форточку.

- Надоели все, Надя! Ох, как надоели, - беря у неё из рук сигарету, я затянулась.

- Ты же кинула! – удивилась подруга.

- Кинула, а сегодня хочу покурить.

Я скурила всю сигарету. Пробыло четыре вечера, и мы с Надей пошли на педсовет.

В актовом зале собрался весь коллектив. Повестка дня «аморальное и неподобающее поведение педагога Виктории Павловны Паволонской». Директор распиналась как – могла, рассказывая и демонстрируя мой субботний отрыв. По залу прокатилась волна недовольства.

- Милочка, мы такого от вас не ожидали!

- Я была лучшего о вас мнения.

- Вы опозорили нашу школу.

- Не дай бог, родители узнают о такой работнице, это же скандал.

- Нас ждёт проверка!

- Да из-за вас нам всем достанется.

- Из столицы приедут проверять!

И всё в таком духе. Пока они меня судили, изображая искреннее удивление от увиденного. Я спокойно писала заявление. Работать мне здесь не дадут, да и я не хочу больше.

- А ещё Виктория Павловна спит с Алёшей Ольшанским, - изюминку Зинаида Сергеевна оставила на десерт.

Похвально.

Все заохали и заохали, будто впервые слышат эти сплетни.

- Это возмутительно! – выкрикнула, вскочив Надя. – Это ещё доказать нужно! Сплетни! Гнусные сплетни!

Все накинулись теперь и на мою защитницу. Надя не оробела и ещё больше отбрехивалась. Успевая дать отпор словесно каждому.

- Сядь ты, - потянула я её за рукав. – Тебе ещё с ними работать.

- А тебе, что нет? – не унималась разгорячённая ругнёй подруга.

- Они задолго до педсовета решили. Нет смысла оправдываться и, если честно, не хочу.

Надя села.

Я дописывала заявление.

«Прошу уволить меня по собственному желанию, в связи с моей личной неприязнью к коллективу школы №н. Не хочу работать в этом гадюшнике. Число и подпись».

О! Вот он финал педсовета!

- И так, коллеги, ваши предложения. Что будем делать с Викторией Павловной? – чуть ли не потирая руки, торжествовала директриса.

Я не удостоила их такой возможности, как решать мою судьбу. Судьи должны быть чисты и не предвзяты. А судя потому, что я слышала, у самих рыльце в пушку. Даже не в пушку, а в щетине.

Я встала и подошла к столу в центре зала. Положила листок и развернулась, чтобы уйти.

- Это что? – останавливает меня голос Зинаиды Сергеевны.

- Заявление о моём увольнении, - спокойно говорю я.

Она пробежала глазами и возмущённо сказала:

- Перепишите!

- Довольствуйтесь этим! Прощайте, коллеги по грешкам! – сказав это, мне стало легко на душе.

Давно надо было уйти из этой школы. Меня проводили гробовым молчанием. А что они могли сказать? Ничего. Я оказалась не забитой овечкой. Всех собак на меня спустить не удалось. Я не опустилась до слёз и покаяний, вымаливая у них оставить за мною место историка. Я не оправдывалась, стоя с поникшей головой в центре актового зала. Я гордо ушла. И не жалею. Потом и Надька ушла следом за мною. И тоже не жалеет. Пусть и работает в школе по – проще, но там хоть коллектив – душа. Все друг за дружку горой.

Чем закончилась наша с Алёшей история любви? А вы как думаете? Да!

В день моего увольнения, он пришёл с цветами и с паспортом, где указывалось, что сегодня ему восемнадцать лет. Сама же сказала, что приходи, когда совершеннолетний будешь. Вот он и пришёл. Уже не отвертелась. Такого секса у меня ещё ни с кем не было!

Мой мальчик, сейчас учится на третьем курсе академии МВД, а я в декрете. Моя новая фамилия мне больше нравится. Виктория Павловна Ольшанская. И нам плевать, что между нами разница в десять лет. Главное, мы счастливы. И свёкор у меня самый лучший. Я благодарна ему, что вырастил из сына настоящего мужчину. Мужчину, на которого, не смотря на юный возраст, можно всегда положиться. Я по-настоящему замужем! В

полном смысле этого слова. Я за спиною у своего мужа. За спиною своего кареглазенького мальчика.

Детки

Вся компания была в сборе. Их связывало былое и настоящее. Друзья и любовники. Каждый кого-то любил. Каждый с кем-то дружил. Каждый кого-то ненавидел. Подростки старшекласники и студенты. Соседи по лестничной клетке или просто живущие на одной улице.

Олю и Славу держало то, что они встречались больше года, но всего месяц назад расстались. И так ужасно расстались, аж до ненависти друг к другу. Правда, эти чувства они умели очень хорошо скрывать. Сейчас Слава сходил сума по Тамаре. Новое увлечение бывшего Оли редкая красавица. Кареглазая брюнетка с шикарным четвёртым номером. Тома в отличие от Славика считала его только другом. Держала парня на приличном расстоянии от себя.

Оля тоже не печалилась расставанию и гуляла с парнишкой из соседней школы-соперницы. Из этой же компании в неё влюблён Дима. Он даже сел рядом, чтобы любоваться её курносый носиком. Они сидели настолько близко, что их плечи то и дело соприкасались от небрежных движений. Диму это приводило в возбуждение. Он желал курносую гордячку всем телом, а вот Олю эта близость бесила. Димон (как его называли друзья) – капитан школьной футбольной команды, мечта всех девочек, был ей безразличен. Куда лучше его соперник, выживший команду соседней школы в лидеры сезона.

Возле Оли примостилась Полина. Будущая выпускница вздыхала по Сергею. Он сидел за столом напротив неё. Студент первокурсник полтора года назад встречался с Полиной. По-матросил и бросил, как говорится, девчущку-мечтательницу. От его чувств и сладких речей не осталось ничего, кроме разбитого сердца Полины. Она старалась не показывать друзьям, как сильно переживала разрыв с ним. Да, и на самого виновника бессонных ночей не смотрела. При встрече отводила глаза или дела вид, что всё О.К. Было и прошло. «Никто никому ничем не обязан», - говорила она подругам. Сама же ревела в три ручья дома за закрытой дверью.

По местному сердцееду Сергею вздыхала и ещё одна девчонка из компании подростков – Катя. Эту красавицу блондинку все звали – Кэт. Уже пару месяцев Катя и Сергей коротали свободные ночи вместе на этой же даче. Его родители редко выезжали за город, поэтому ключи всегда были у Серенького. Так, что спальня на втором этаже никогда не пустовала. Сегодняшний вечер давал надежду Кэт на веселенькое

продолжение в мягкой кровати Сергея. Кэт облизала губы и многозначно улыбнулась хозяину дачи. Он ответил ей тем же, покосившись на окошко второго этажа.

Эти взгляды перехватили серые глаза Игоря. Младший брат Димы поехал на шашлыки только из-за Кэт. Бедный девятиклассник бредил легкомысленной красавицей. Смех Кати возвращал его в ночь, где среди мерцающей светомузыки, опьянённая ритмами танца и алкогольными коктейлями Катюша поманила его своим пальчиком. Та ночь стала самой чудесной в его жизни. Она была первой и пока единственной девушкой у него. Жаль, что в жизни Кэт Игорёк не первый и далеко не последний. Он жил воспоминаниями о ласке девочки на один вечер, а она плевала на все эти детские чувства. Кэт смеялась, рассказывала подружкам, как выиграла спор «слабо переспать с девственником». Кандидатов на роль счастливого выбирали подружки по коктейлю. Случайно указали на младшего брата лучшего друга, одиноко подпивавшего стенку ночного клуба.

Вот они лучшие друзья: Оля, Дима, Слава, Тома, Полина, Сергей, Кэт и Игорь. Друзья с детства. Они знают о друг друге самое сокровенное и тайное. Между ними было всё. Всегда вместе и, казалось, ничто не способно их разругать. Самые дружные. Самые верные. Самые... самые, но только для посторонних глаз. Вся же их настоящая дружба – фарс. Иллюзия, в которую детки привыкли играть с детского садика.

Сегодня эта весёлая компания приехала отдыхать на дачу к Сергею по случаю начала летних каникул и окончания сессии. Стол в беседке уже накрыли. Шашлыки готовы и холодные пиво с водкой ждут своего часа.

Дима взял бутылку водки в одну руку, а пива в другую. Бросая неловкие взгляды на Олю, спросил:

- Ну, что с чего будем начинать?

- Я пью только водку, - сказал Славик, подставляя одноразовый стаканчик.

- Я тоже буду водку, - последовал примеру малой Игорёк.

Димон вместо водки налил брату пива.

- Э! Я же сказал, мне водки! – запротестовал Игорь.

- Ага, будешь! Скажи спасибо, что пива наливаю, а то сейчас воды из-под крана налью, и будешь весь вечер цедить. Ясно! – осадил резко повзрослевшего братца Дима.

Тот насутился и отвернулся. Всё-таки при даме сердца ему указали на место.

Кэт хохотнула, подмигнув обиженному мальчику.

- Мне вот, пожалуйста, сок налей, - отличилась, как всегда Оля. – Послезавтра на сборы едем командой.

Она была исключением в этой компании. Много не пила. Вернее, вообще не пила. Занималась профессионально лёгкой атлетикой. Не до пьянок. Строгий тренер Зоя Павловна запрещала. И Оля сама не очень любила посиделки - пьянки. Особенно, когда по – близости её бывший. Если бы не девчонки со своими уговорами, то на этом празднике жизни её не было.

- А мне никуда не надо. Так что водку, - сказала Тамара.

- Я только пиво. Мама сказала, ещё раз домой приду с перегаром, мобильник с планшетом заберёт на месяц, - пожаловалась Полина, подставляя стакан. – И сегодня для мамы я у Тома ночую.

- Тебе, что Кэт? – спросила Дима.

Она пожалала печами, посматривая на Серенького. Водку – быстро напьётся. Пиво – эффект тот же, но не так стремительно. А сегодня хочется улететь из реальности. Из реальности? О, вроде у Серенького травка осталась в комнате. Тогда не докурили. Решено. Пиво! Потом догонится до нужной кондиции косячком.

- Пиво, Димочка! Сегодня только пиво и много не наливай, а то напьюсь и буду делать глупости, - хитро подмигнула Серенькому Кэт.

Её слова подтвердила лучшая подруга Тома.

- Да, слышь? Катюхе не наливай много.

Но вот Сергей просто желал снова увидеть эти самые глупости.

Когда стаканчик наполнился, Кэт соблазнительно облизала языком пенку. Игорь тяжело вздохнул, наблюдая за ней. Его серые глаза сверкнули в свете гирлянд беседки. Кэт заметила этот интерес. Равнодушно посмотрела на него впервые за этот вечер. В этом холодном взгляде младший брат Димы прочёл: «не мечтай!». А ему только и остаётся, что мечтать о такой девушке, как Катя.

Все парни, кроме замужнего Игорька, пили водку. Девчонки не отставали от парней, наполняя стаканы. Закуска не так быстро заканчивалась, как бухло. Когда допили последнюю бутылку пива, Кэт потянулась за водкой.

Томарка отставила водку подальше от изрядно накотившей подруги.

- Я ещё хочу! – воскликнула пискляво Кэт.

- Тебе уже хватит, - настаивала Тома и, кладя в тарелку кусок шашлыка, сказала, - на, лучше мясо пожуй.

- Не хочу я мяса! Ты, что мне мать? – возмущалась бухая Кэт.

На помощь любовнице пришёл Сергей.

- Да пусть пьёт, - давая в руку свой стакан с водкой, хитро прищурился он.

То, что друзья перепихиваются тайком от всех, Тома знала. Сама Катюха ей хвасталась. И эти отношения лучшую подругу настораживали. Сергей, конечно парень хоть куда. Красивый. Богатые родители. У него всё всегда есть и этой доступностью он избалован. Сколько девушек прошло через его похотливые руки, и не одна надолго не задержалась. А Полька до сих пор сопли на кулак наматывает, вспоминая зелёные наглые глазки. Теперь ему и Катюку подавай? Ну, уж нет!

- Убери свой стакан, Серый! – зло прошипела Тома. – Хочешь спoitть её и трахнуть? Не получится, сегодня. Я её домой увезу. Подальше от тебя. Мало тебе что ли чужих девок. Ты уже в нашей компании среди друзей своим членом машешь.

Громкая музыка приглушала слова Тамары. Со стороны казалось, что они просто шепчутся по-дружески. Даже присосавшаяся, как пиявка, к стакану Кэт не услышала их.

- Я и так имею твою подружку, когда и как хочу, - нахально говорил Сергей. – И уехать без меня вы не сможете. Права только у меня и машина тоже. А я выпившим за руль не сяду. Вот завтра и поедешь с Катюкой домой. А сегодня она моя.

- Не пугай, дружок, - ухмыльнулась Тома. – О такси что-нибудь слышал? Набираешь номерочек и ту-ту домой в свою кроватку.

Их шепчущуюся перебранку прервал тост Славика.

Все громко засмеялись и, подняв наполненные стаканы, выпили. Кэт вместе с ними. После Тома вырвала у Кэт стакан. Сняв его, выбросила. Пьяная подружка надула губки.

- Мамулечка! – разыгрывая обиду, отвернулась Катя.

Через пару минут последовал новый тост только уже от Димы. Пока он говорил, наблюдал за своими друзьями. До чего в последнее время они стали бесить его. Выпить, пожалуйста, готовы все. А выслушать и поддержать, никого нет! Когда его команда продула на играх, кто был рядом? Никого. Все заняты. Оля – сука! Пришла болеть за чужую школу. Потом сосалась с этим мудаком капитанишкой «Орлов», посматривая на него. Славик у отца в автосервисе машины ковырял. Томка с Палинкой по магазинам шатались. Сергей вообще мобилу отключил. А Катюка, мало того, что малому башку запудрила, так ещё и обманула. Сказала, что придёт на игру, а самой и близко не было. Это друзья? И сейчас Диму никто не слушал. Пропуская мимо ушей сказанное лучшим другом, каждый думал о своём. Вернее, о тех, кого хотел. Полина бросала взгляды на

Сергея. Сергей на Кэт. Она, кстати, отвечала ему такими же жаждущими призывными глазками. На Кэт смотрел Игорёк. Бедный братец. Эта потаскуха никого кроме себя не любит. Славик на Тамару не ровно дышит. А та? О, а Тамара походу тоже на Серёгу запала или Да и сам Дима не без грешка. Посматривал на Ольку. Она, как самая трезвая в компании, воротила свой курносый носик от каждого взгляда и слова Димы. Капитан футбольной команды не договорил до конца тост. Он залпом выпил водку и сел обратно за стол. Единственным человеком, кто заметил, что Дима больше не говорит, стала Кэт.

- За это я всегда готова выпить!

-А ты всегда готова и не только выпить, - выпалил раздраженно Дима. Она посмотрела на друга без единого намёка, что он задел за живое.

-Да, всегда. Ты прав, Димочка. Всегда готова, и с каждым. Даже с твоим младшим братом, но только не с тобой, - скрывая обиду, промурлыкала, как кошка Кэт.

Потом Катя вскочила и потребовала выпивки у Сергея. Бутылка стояла рядом с ним.

- Я бы тебе налил, но твой Цербер, мне яйца оторвёт, - отказал Сергей.

Красавица и так уже пьяна. Так что сегодня он ничего не теряет. А выпьет больше и всё ночка испорчена. Будет обнимать не Серёгина дружочка, а белого дружочка в туалете.

- А я хочу... - прошептала Кэт.

Пальчики её стройной ножки уже поднимались по джинсам Сергея. Добравшись до бугорка за ширинкой, она чуть надавила. Сергей задержал дыхание, не сводя глаз с лица развратной девочки. Зная, что на верном пути Кэт продолжала массировать его уже отвердевшую плоть. Ещё мгновение и он сдастся. Сделает всё, о чём она попросит. Не только водки нальёт, но и эти же ножки расцелует.

Среди своих подруг Кэт была самая опытная в плане плотских утех. Ей только исполнилось семнадцать лет, а список любовников перевалил за десятку. Её первому парню было тридцать пять. Очень взрослый для девочки четырнадцати лет. Всего каких-то три года и так сильно изменили Катю. Подумать только, как может жестокость надломить детскую душу. Катя – маленькая девочка, игравшая в куклы, за одну ночь стала взрослой. Когда её подруги спрашивали: «как это было?», она отводила глаза, грустно улыбалась и говорила: «никак». Эта была единственная тайна, о которой она никогда никому не рассказывала. Мало того не вспоминала. Хотела не вспоминать. Очень хотела. Только пара часов того надругательства невозможно выбросить из головы.

Они познакомились на пляже. Взрослый мужчина и маленькая хрупкая девочка. Как же красиво он ухаживал за Катюшей. Дарил подарки и цветы. Встречал со школы. Отвозил домой. Он был таким внимательным, добрым, милым. И она очень боялась потерять его. Боялась так сильно, что верила каждому слову. Их отношения надо держать втайне от строгих родителей. Мама будет ругаться, а папа – милиционер засадит возлюбленного далеко и надолго. Но, однажды её милый ухажер превратился в монстра. Ему надоело играть в невинную платоническую любовь. Он привёз Катю в загородный дом и связав, изнасиловал. Он насиловал, не обращая внимания на мольбы и плач девочки. А потом объяснил, что так всегда происходит. И она сама виновата. Не надо было вести себя так вызывающе. Не надо было ехать с ним. Она плохая девочка и дочка. А мама с папой будут разочарованны, если узнают, какая их дочь шлюха. В тот дом она приехала Катей, а уезжала на такси Кэт. Она, как сломанная кукла, которую забросили в чёрный чулан за ненадобностью. Ей никогда не выйти на свет. Кэт застряла в том ужасном дне.словно сама наказывает себя за то насилие, каждый раз отдаваясь новому любовнику.

- Идём, - прошептал, наклонившись, Сергей.

Он встал из-за стола и направился в дом. Кэт выбежала за ним. Не твёрдой походкой она догнала его у дверей. Кэт было плевать, что на них смотрят друзья. Сейчас она хотела одного. Она безумно жаждала секса. Алкоголь дал полную волю её инстинктам. Если трезвая Кэт ещё могла контролировать себя, то пьяная полная свобода от взрослой морали.

Прости, мамочка! Но твоя девочка выросла. И ты, мамуля, не права. Не только мальчикам нужен секс. Девочкам он не меньше нужен.

- Ты, маленькая распутница! – открывая двери, возбуждённо сказал Сергей.

- Да, - схватив между ног парня, Кэт потащила его за собою в полумрак дома.

Будучи частой гостьей, она хорошо знала, где ближайший диван. Всего несколько шагов и поворот направо. Гостиная. И вот большой кожаный диван уже под ними. Руки Кэт быстро расстегнули ширинку. Она не снимала, а срывала с него джинсы. Когда самый возделенный предмет, оттопыривая плотную ткань боксеров Сергея, упёрся Кэт в лицо, из её губ вырвалось:

- Я скучала Дружочек.

- А он – то, как скучал по твоему роту, - запуская руку в волосы Кэт, сказал Сергей. – Давай, детка порадуй моего Дружка.

Он прижал её лицо к своему паху. Кэт хорошо знала, что нравится её

любовнику. Она ухватила зубами за трусы и медленно стянула их. Потом кончиком языка пробежалась по Дружку.

Сергей простонал:

- Да, детка. Возьми его.

Тоненькие пальчики Кэт обхватили вздыбленный горячий член. Она открыла рот и ввела его туда. Она так глубоко заглотила немаленькое достоинство Сергея, что дрожь от возбуждения пробежала по его ногам током. Из всех девиц перебивавших у него, только Кэт умела искусно делать минет. Ей не нужно управлять, задавая рукою темп и глубину проникновения. Девочка сама справлялась. Ему оставалось только лежать и получать наивысшее наслаждение. Что он сейчас и делал, каждый раз, довольно постанывая, когда её горло сжимается, а язык касается яичек.

Лаская Дружочку ртом, Кэт сама возбудилась до точки кипения. Пора заканчивать, решила она. Сегодня оральный секс не входил в планы. Ей тоже хотелось получить, как минимум один оргазм. Почувствовав, что член Сергея уже, как камень, и вот – вот извергнется в неё, Кэт стала побыстрее работать ротиком. Рука до этого безучастно держащая, тоже присоединилась. Пальчики, двигаясь в унисон с губами вверх вниз, довели до победного конца. Дружок напрягся и судорожной пульсацией наполнил её рот своим соком.

- Ты супер, детка! – простонал Сергей, всё ещё тяжело дыша.

- Мугу... - и проглотив, добавила, - а теперь моя очередь.

Расстегивая пуговички, возбуждённо смотрела Кэт.

- Давай потом, - огорчил он, - ты высосала из меня все соки.

- Хорошо.

Разочарованность в её голосе резала слух Сергея. Он приоткрыл глаза. Так суперминетчица застёгивает кофточку.

- Что ты делаешь? – спросил, недоумевая он.

Он же не отказывается продолжить, но сейчас ему надо немного передохнуть.

- Одеваюсь, - Не отвлекаясь от застёжек, сказала Кэт.

- Зачем?

- Пока ты будешь отдыхать, я выпью водки. Не люблю вкус твоей спермы во рту, - призналась она, уже вставая с дивана.

- Я не понял, ты чего? Обиделась что ли?

- Да! – выпалила она, оборачиваясь. – Я может, тоже хочу чтобы, ты меня так же приласкал.

Сергей засмеялся. Усаживаясь на диване, посмотрела на Кэт. Неужели она на полном серьёзе говорит это? Вот дура.

- Кэт, тебя полрайона трахали, а буду тебя там лизать? Скажи, я похож на идиота?

Это было обидно. Обидно услышать подобные слова от человека такого же, как она. Чем он лучше её? Ничем. Он оттрахал другие полрайона. И ничего, она же делает ему минет. А он значит брезгует.

- Да пошёл, ты, козёл! – выругалась Кэт.

- А ты коза, - нисколько не обидевшись, ответил Сергей.

- Это почему же коза?

- Потому, детка, что только коза будет трахаться с козлом.

Ничего не сказав, Кэт выскочила во двор. Поправляя растрёпанные волосы на веранде, осматривалась по сторонам. М-да весело. Кто где. Малой напился, и клюкает носом в стол. Оля сидит, как всегда трезвая и делает вид, что слушает Славика. Вроде расстались, а он как выпьет, так по мозгам ей ездит. Они, кстати, из-за этого расстались. Ревновал ко всем и устаивал ей сцены. Избирательно, правда, колупал ей мозг. Оля не раз жаловалась на пристрастия Славика к групповушкам. А ещё хотел, чтобы она бросила атлетику и была только с ним, исполняя его желания. Сам же, загоня Олю эти рамки, вёл себя не лучше. Подкатывал к каждой красивой девочке. Мало того и к Тамаре педали вострил. Та, конечно, отворот поворот давала, вместо ожидаемых поцелуйчиков. Полина танцует. Димон вместе с ней. О, и Томка выползла откуда-то. Села пить дальше. Вот девка, а пьёт, как конь воду и не пьянеет. Не то, что Кэт. Рюмка в роте и кое - что потом в работе.

Эх! Танцевать просит оскорбленная душа.

Кэт пошла в центр дворика, медленно покачивая бёдрами под музыку. Она сняла кофточку и бросила в зануду Славика. Тот хотел уже прикрикнуть, но увидев, как хозяйка кофточки снимает бретельку топики, засвистел.

- Давай, Кэт! Покажи, как надо танцевать! – уже махая в воздухе кофтой, кричал Слава.

Пьяную подругу ему уже приходилось видеть. Стриптиз на столе был. В сауне голышом в бассейн она прыгала. С ним трахалась. Теперь порадует и здесь ещё раз, показав шикарное тело.

Оля на фортель подруги скупно улыбнулась. Совсем с катушек слетела Катя. Стыдно общаться с такой давалкой. Иногда Олю спрашивают: «что вас связывает? Вы такие разные. Ты отличница и скромная девушка, а Катя настоящая оторва». Подруга жмёт плечами и отвечает: «детство».

А Кэт давала жару, танцуя сама с собой. Она двигалась, словно сама музыка льётся из её тела. Кружилась, лаская себя. Медленно снимала

одежду, оголяя плоский животик и демонстрируя недавно сделанный пирсинг. Майка на бретельках поднималась вверх. Даже не поднималась, а ползла, словно змейка. Ползла, ползла и уползла, подброшенная в ночное небо. Одного движения хватило, чтобы юбка упала к ногам. Другим предстала татушка разноцветной бабочки на крестце, которая, казалось, машет крыльшками стоит Кэт покрутить задом. И вот она уже в одном лифчике и кружевных стрингах.

Раздались восхищённые вопли Славика и Димы.

Игорь, всего минуту назад дремавший лицом на столе, приободрился. Он даже поддался вперёд, чтобы лучше видеть первый стриптиз в свои пятнадцать лет.

Тома сложила руки на груди и стойко наблюдала за своей подругой. Пока желания прекратить всё это у неё не возникало. Если честно, то Томочке самой нравилась, как Кэт танцует. Помимо секса у неё есть и другие таланты. Природная грация и чувство ритма.

Полина тихонько ушла в дом. Хоть Кэт и подруга, но она её ненавидела. Особенно, эта ненависть стала становиться сильнее, после того, как Полина узнала о них с Сергеем. Вот и сейчас подлая Кэт готова на всё лишь бы её заметили. Быть в центре внимания - подружке жизненно необходимо. Только Поля не собирается быть среди толпы воздыхателей Кэт. Она на этот срам смотреть не собирается.

- Вау! – воскликнули все в один голос.

Кэт сняла лифчик. И сделала это так оригинально. Лифчик не просто упал к её стройным ногам, а сполз с начала с груди медленно... Чуть повисел на её сосках. Кэт трянула грудью, и он наконец-то слетел.

Она осталась танцевать в одних стрингах перед компанией друзей. Но не для них Кэт танцевала. Ей хотелось, чтобы Сергей заметил её. Чтобы понял, как она красива. Как её все жаждут заполучить. И только ему она готова отдаваться без остатка. Только с ним ей хорошо. Если с другими она чувствовала себя, как актриса. Играет роль страстной любовницы, изображая наслаждение от их рук и губ. Всё это обман. С ним ей не нужно играть эти роли. С одним Сереньким Кэт была естественна. Она с ним настоящая, такая как есть, без маски.

Танцуя, она то и дело посматривала на окна дома. Но юная стриптизерша не знала, Сергей был в душе всё её представление. Даже если бы он и увидел всё это, то ни на что, кроме секса, она всё равно для него не годилась. Сергей прекрасно разбирался, какие девушки достойны настоящего восхищения и чувств, а какие лишь мимо проходящие в его жизни. Кэт классная любовница. С ней легко и весело, но встречаться

девушкой, с мягко говоря, подпорченной репутацией он никогда не будет.

- Э! Отойди, Томка! – кричал, чуть не брызгая слюною, Славик. – Я снимаю на мобилу.

- Я завтра в ютуб скину, это же такой приколы! Самый клёвый стриптиз от Кэт! – вторил ему Дима.

Не снимал только Игорь. Он сидел, раззявив рот. Невинно, хлопая длинными ресницами.

Тамара бросилась прикрывать голую подругу, как – только увидела у парней телефоны в руках.

- Оля, помоги! – кричала Тамара.

Трезвая подруга не заставила себя ждать. Собрав разбросанную одежду, отдала её Томе. Та уже тянула пьяную Кэт в ближайшее строение, чтобы одеть.

Открыв двери сауны, Тома грубо втокнула подругу внутрь.

- Дура! – крикнула она на Кэт и бросила в неё одеждой. – Моли бога, чтобы Олька заставила их удалить видео. И наше счастье, что здесь плохо ловит сеть, а то бы уже сейчас твои сиськи красовались в виртуальном пространстве.

- Прости, – прошептала она, не поднимая глаз.

- Да что с тобой происходит, Катя? – обнимая подругу, спросила Тома.

Они обе сползли вниз на деревянные пол сауны.

- Что с тобой? – опять спросила Тома, убирая волосы с лица Кати.

- Я люблю его, наверное, - призналась Кэт и заплакала.

Тома обняла её сильнее. Они знают друг друга с детского сада, и Катя никогда не говорила ей подобные вещи. Иногда, Тамаре казалось, что её подруга и вовсе лишена чувств. С парнями у неё только одна ассоциация – секс. И тут на тебе «любит».

- У тебя есть курить? – отсаживаясь, спросила Кэт.

- Нет. У Славика есть. Принести?

- Не надо, - утирая беспрестанно катившиеся слёзы, сказала подруга.

- Что собираешься делать со своей любовью?

- Не знаю, - как всегда пожала плечами Кэт. – А что мне с ней делать?

Могу запихнуть себе в одно место свою любовь. Он же меня не любит. Я не дура, Тома. Я прекрасно понимаю, что такие девушки, как я никому не нужны. Мы, как общественный туалет. Приспичит, а терпеть сил больше нет. Придётся воспользоваться кабинкой. Противно, только что делать, когда очень хочется. И в эти минуты тебе все равно, сколько народу справляли сюда свою нужду. Это потом ты выскочишь оттуда и скажешь брезгливо: «фу!». Я никому не нужна, - вздохнула Кэт.

- Так перестань быть общественным туалетом, - посоветовала Тома.
- Уже поздно что-либо менять. Поможешь застегнуть лифчик, ладно?
- Да, - сказала подруга, поднимая рядом лежащий атрибут женского белья.

Кэт повернулась к подруге. Её тёплые руки прикоснулись к спине. Застёжки на бюстгальтере никак не застёгивались.

- Ты знаешь, Тома, можешь побыстрее это делать, а то у меня мурашки по коже от твоих прикосновений, - призналась, поёжившись Кэт.

- А так, что ты чувствуешь? – спросила Тома, уже целуя её спину.

Они и раньше так дурачились. Только это была шутка и в основном при свидетелях, чтобы шокировать окружающих. Сейчас что-то подсказывало Кэт – подруга не дурачится.

Её губы медленно ползли по спине к шеи. Это было приятно. Нет, даже не приятно, а возбуждающе. Сердце Кэт увеличивало темп от каждого прикосновения нежных губ подруги. Остановившись на затылке, Тамара укусила.

- Мне продолжать? – тяжело дыша, спросила она.

- Да, - поворачиваясь к ней лицом, ответила Кэт, - продолжай.

Губы Тамары коснулись приоткрытых губ Кэт. Её язык обрисовал сначала линию пухлых губок подруги и только потом проник внутрь. Та отвечала на этот поцелуй. Их языки, сплетались, как языки пламени между собой. Никогда так близко они не были друг к другу. Руки Кати сами потянулись раздевать подругу. Стащив толстовку и бюстгальтер с неё, Кэт нежно сжала ладонью грудь. Тома застонала, а Кэт уже двигалась кончиками пальцев к ширинке на джинсах подруги.

Руки Тамары продвинулись намного дальше в своих ласках, чем Кэт. Пока Катюша ласкала полные груди, а потом расстегивала молнию, палец Тамары проникал в неё. Эти движения тоненьким пальчиком во влагище, ни сколько не причиняли боль, как пальцы её парней. Она была нежна, а не настойчива и резка, как они. Тамара старалась, принесли Кэт удовольствие своей лаской. Опрокинув подругу на спину и раздвинув шире её ноги, Тома припала к влажному лону Кати. Кончик её языка прикоснулся к клитору. Резкая волна возбуждения пробежала по телу, заставив Кэт судорожно дёрнуть ноги. Поняв, что она на правильном пути и подруга уже окунается в море экстаза, Тамара обхватила губами её клитор. Её язык обрисовал круг, а зубы нежно прикусили его. Кэт поддалась навстречу жаждущим устами подруги. Тамара повторяла это вновь и вновь, пока Кэт со стоном не выгнулась всем телом. Палец подруги внутри её ощутил жар и трепет всего естества Кэт. Она горела внутри и

пульсировала, исходя соком экстаза. Кэт хотела сегодня улететь из реальности и это ей удалось. Язык лучшей подруги проложил ступеньки к неземному удовольствию. То, что она ощутила, не возможно ни с чем сравнить. Ни один парень не давал Кэт столько эмоций одновременно. Она тонула в море запретной и такой сладкой любви.

Приходя в себя от самого сильного оргазма в жизни, подружка прошептала:

- Зачем они нужны? – это она о парнях.

- Ну, если бы у меня был член, ты узнала, как сильно я тебя всегда хотела, - призналась давно возделевшая Тамара, ложась рядом с Кэт.

Она засмеялась.

- Фигня! Купим в сексшопе. И тебе не нужен член. Будь он у тебя, ты была бы не лучше их, - уже целуя подружку, сказала Кэт.

Какие парни? Какой Серенький? После секса с лучшей подругой Кэт вряд ли захочет парня. Подумать только они дружат с детского сада, а открыли для себя такой рай из ощущений годы спустя. Похоже, их отношения выходят на новый уровень. Больше в жизни Кэт грубых и ограниченных парней не будет. Они всё равно ничего не умеют. Без фантазии мужская половина человечества. Единственное на что они способны, это впихнуть и выпихнуть. И Кэт эти движения туда-сюда вовсе неприятны. Ну, как неприятны? Пока сама не постарается наверху, ни до чего не дойдёт.

- Хочешь продолжить? – игриво спросила Тома, играя соском Кэт.

- Да, - глядя ягодицу подруги, промурлыкала она.

Томара просунула своё колено между ног Кэт, а её между своих. Она начала медленно двигаться бёдрами. Катя повторяла за ней. Девочки настолько возбудились, что их бёдра легко скользили в естественной смазке. Они не останавливались ни на минуту, доводя друг друга до экстаза.

Громкая музыка скрывала их восторженные стоны в сауне. Наконец Тамара получила давно так желанную подружку. А Кэт открыла для себя, что с девушками ей намного больше нравится, чем парнями. И сейчас ей плевать на всё. Даже на видео со своим стриптизом. Пусть хоть весь мир пялится через монитор компа на её сиськи! Теперь Кэт всё равно...

Кэт всё рано, а вот Оле нет. Она стояла напротив ухмыляющихся друзей и просила стереть видео с подругой. Дима почти поддался на уговоры. Славик только ехидно угрожал.

- За это видео знаешь, сколько лайкнут мне на канале? Нееееа, не стеру.

- Она же наша подруга, Слава. Не надо так с ней.
- Я стеру, но только при одном условии, - Славик подмигнул уже всё понявшей Оле, - если трахнешься со мной.

- Нет, - отступая на шаг, сказала бывшая девушка.

Славик восторженно подскочил, поднимая руку вверх с мобильником.

- Ого! Сеть! Я поймал её! Всё загружаю!

Оля бросилась к нему. Хватая за руку, пытается вырвать телефон.

- Пожалуйста, не надо! Слава, перестань!

Он прижал её к себе, свободной рукой и сказал:

- Ты слышала моё условие.

Дима думал, что Слава просто дурачится. Ну, поиздевается над Олей и сотрёт запись. И только заметив, как загорелись глаза друга, он понял - Слава не шутит.

- Славик, хватит! – вмешался воздыхатель Оли.

Та же, чтобы принять его помощь, зло огрызнулась:

- Без тебя разберёмся! Сам не лучше!

- Да, я помочь хочу, - не понимая причину Олиной злости, сказал Дима.

- Чем помочь? Трахнуть меня вдвоём? Нет уж, мне и одного хватит!

Слава однажды уже делился ей с Сергеем. Этот страшный опыт заставлял Олю передёргиваться, каждый раз, как она слышала о помощи из уст парня. Тот тоже предложил помощь, и ревнивец Слава не отказался. Это же лучший друг. Как откажешь?

- Так ты согласна? Идём. – Слава потащил Олю к дому.

Она вырвалась и сама пошла вперёд.

- Иди, моя красавица. Тряхнем стариной, - хлопая по заду бывшую девушку, говорил Слава.

Тот же диван, на котором всего час назад развлекались Сергей и Кэт.

- Ну, чего стоишь? Ты знаешь, что мне нравится, - говорил, расстегивая ширинку, Слава.

Да, Оля действительно хорошо знала бывшего. И то, что ему не следует верить на слово, было вбито в неё, самим же Славой. Её нужны гарантии, что видео будет удалено из телефона.

Выпрямившись, Оля озвучила свои условия. Она не боялась, что Славик убежит не согласившись. Они вдвоём здесь. Штаны уже спущены до колен. И его возбуждённый член здраво мыслить бывшему не даёт.

- Сначала сотри видео, - потребовала Оля.

- Стираю, смотри, - Повернул к ней дисплей телефона и ткнул пальцем на значок корзины.

- Дай я сама проверю, удалил ли ты видео, - Протягивая руку, потребовала подруга.

Слава мог дублировать видео или удалить другое. Не раз она сама попадалась на эту уловку.

- Бери, - положил ей в раскрытую ладонь телефон.

- Если ты меня обманул, ничего не будет, - кинула угрозу Оля.

Сама же нервно начала копаться по всем папкам в телефоне. Она надеялась, что Слава её всё-таки обманывает. Поймай его на этом, то можно было избежать принудительного секса. Но, похоже, впервые за свою жизнь Слава сказал правду.

Оля разочарованно вздохнула. Положив телефон на журнальный стеклянный столик, принялась расстегивать молнию на платье. Слава нетерпеливо наблюдал за ней. Когда бывшая подруга уже стояла, в чём мать родила, он напомнил ей, как ему нравится.

- Ну, чего стоим? Повернулась и нагнулась, Оленька.

Она ненавидела Славу. Настолько сильно ненавидела, что была готова убить. Они встречались больше года. Всё это время Слава показывал себя не с лучшей стороны. За словами и маской настоящего брутала, как он себя называл, скрывался моральный урод и хам. До него у Оли не было парней. Он был первым. И нет ничего удивительного, что девушка понятия не имела, как выглядят нормальные отношения. Бросив после очередного рукоприкладства Славу, она назло ему переспала с парнем не из их района. И какое же было её удивление – мальчики бывают нежными и заботливыми. А секс – это не унижение и подчинение одного, а удовольствие для обоих.

Закрыв глаза, Оля подчинилась. Упёршись руками в спинку дивана, нагнулась. Слава не тратя время на прелюдия и ласку, как всегда раздвинул её губы там и резко вошёл. Оля вскрикнула, вся сжавшись. Эти крики возбуждали его ещё сильнее. Крепко ухватившись за бедра бывшей девушки, он начал активнее двигаться в ней. Чем глубже он входил в неё, тем громче она кричала. Стараясь убежать от рези внутри живота от толчков Славы, Оля вцепилась в кожаную обивку дивана и попыталась поддаться вперёд. Разгорячённый и возбуждённый до предела Слава, со всей силой рванул её на себе. Его член, так глубоко вошёл в лоно, что боль, как оргазм разлетелась по всему телу Оли. Она заплакала, а Слава обмяк, навалившись на неё.

- Только с тобой я так кончаю, - прохрипел Слава, ещё раз причинив ей боль.

Его ладонь шлёпнула по ягодице Олю. Звонкий щелчок разлетелся по

гостиной, заглушив музыку со двора.

- А говорила, не хочешь меня, - самоуверенно сказал он, скачиваясь с девушки. – Орала так, что тебя в городе слышали.

Оля ещё не могла прийти в себе после секса со Славой. Её тело ломило. Завтра на бёдрах опять будут синяки. И внутри все горит.

- Я тебя не хотела, - утирая слёзы, прошептала она, - и я кричала от боли. Ты всегда причиняешь мне боль.

- Да, ладно тебе. Не придумывай, - подтягивая штаны, сказал Слава. – Можно подумать, Ринат не так трахает тебя?

- Нет, - прошептала Оля, отворачиваясь от бывшего, - он не такой мудака, как ты.

- Чего? Что ты сказала?

Слава резко развернул её. Схватив за горло, сжал, но не сильно. Применил он всю свою силу, сломал бы её хрупкую шею.

- Пусти, - запросила она, бегая глазами по злому лицу Славы.

Но вместо жалости, он подмял Олю по себя и продолжил терзать её тело. Они расстались, но, похоже, Слава никогда не отпустит Олю.

Пока Кэт танцевала, Полина зашла в дом. Почти тишина, если не обращать внимания на музыку и льющуюся воду в ванной. Сергей – человек привычки. После секса сразу мыться.

Полина медленно поднималась по ступенькам в комнату бывшего любимого. Дверь была открыта. В приглушённом свете она рассмотрела, что кровать заправлена. Не здесь он трахал её подружку. Входя в спальню, на Полю нахлынули воспоминания. Как счастлива она была с ним здесь. И плевать было на предостережения подружек. Это других он использовал и бросал, с ней у него любовь. Настоящая любовь, а не просто плотское желание. Наивная. Какая же она тогда была наивная дурочка. Сергей, как и Кэт, не способен испытывать чувства. Одни желания тела – вот их стезя.

«Надеюсь, они затрахаются до смерти на этой кровати», - прошипела Поля. И хотела, была уже уйти, как в дверях завернувшись в полотенце, стоял Сергей. Его лицо исказилось насмешливой улыбкой, а в глазах танцевали чёртики.

- Настольджи, Полина? – спрашивал он, подходя ближе.

- Нет, я устала. Хотела отдохнуть, - соврала она, отступая назад.

- Так давай отдохнем вместе, - он уже возвышался над нею. - Помнишь, как нам было хорошо?

Ещё шаг назад и отступать не куда. За спиной преградой стоит огромная кровать. И он этим воспользовался, толкнув её небрежно на постель. Полина упала в объятия подушек и попятилась к изголовью

кровати. В глазах девушки можно было увидеть переплетения страха, обиды и страсти. С каждым её движением кофточка сползала с плеч, и это ещё больше возбуждало Сергея. Он наклонился над нею, чтобы удержать. Полина отчаянно, пыталась вырваться. Она желала убежать отсюда, но сильные нежные руки пресекали на корню, каждую её попытку. Крепко сжав тонкие запястья, он навалился на неё и тем самым отрезал все пути к спасению. Не своё тело она пыталась спасти от посягательств любимого Серенького, а уязвлённую гордость. Сотни раз обещая себе, больше не сдаваться наплыву эмоций.

Полина ощущала на своей коже его тяжёлое и горячее дыхание. Слышала стук его необузданного сердца. От нелепых попыток сбежать, она сама освободила от полотенца его жаждущую плоть. Его твёрдый вздыбленный член упирался Полине в живот.

Он только хотел её тела. Хотел и брал не думая, что она чувствует при этом. С трудом сдерживая слёзы, Полина опять попыталась выползти из-под Сергея. Но, как? Он слишком силен и пользуется этой силой. Что остаётся? Сдаться? Снова сдаться! Нет, она этого не хотела. Точнее не хотела гордость, а тело и сердце жаждали полной капитуляции. Страстно желая его ласки, тело не слушалось. Оно было уже готово принять Сергея в себя. Её сердце колотилось, выпрыгивая из груди, и каждом его ударе был крик: «отдайся!». Пусть это будет одна ночь, но его. Только его и не важно, что завтра они снова будут просто бывшие.

Она перестала сопротивляться. Слишком сильны были чувства Полины. Забыть такого парня, мало одного года. Надо тысячи лет и этого будет не достаточно.

Сергей начал целовать её губы ... шею... плечи...грудь. Целовал с такой страстью, словно, давно уже любил. Его рука медленно сползала, оставляя за собой пылающую тропинку. Она следовала к брюкам. Опираясь на локоть, Сергей приподнялся, чтобы посмотреть на Полину. То, что он увидел, придало ему ещё большей настойчивости. Девушка лежала, закрыв глаза, покусывая свои губы. Улыбнувшись, он продолжил. Его пальцы ловко развязали шнурок на спортивных брюках Полины. Стаскивает их со стройных бёдер маленькой любовницы. Всё! Препград больше нет. Она теперь полностью в его власти. Когда пальцы Сергея добрались до гладко выбритого холмика, Полина открыла глаза и тут же резко повернула голову на бок. Длинные волосы, каскадом прикрыли её лицо, от зелёных глаз Сергея. Он ласкал её и наблюдал за каждым оттенком эмоций на прекрасном личике Полины.

- Я не хочу, - чуть не молящим голосом просила она.

- Ты хочешь, - хрипло сказал Сергей.

В её желании он был уверен. Эту уверенность ему предавало её тело.

- Нет! – опять протестовала Поля.

- Точно, нет? – с этими словами его средний палец проникал в мокрое лоно девушки.

Да! Она его хотела. Но гордость не позволяла окунуться в буйство желаний. Полина сдвинула ноги, зажав руку Сергея. Это не заставило его прекратить. Он, напротив, ещё глубже вводил палец, имитируя движения мужской плоти.

Губами Серый переключился на груди Полины. Покусывая напряженный сосок, он оттаскивал его зубами, а язык играл им.

Она сама не заметила, как её руки уже бегали по его спине, спускаясь к голым и крепким ягодицам. Страсть в ней разгоралась до умопомрачения. Она расставила широко свои ноги, и призывно выгнулась.

- Иди наверх. Я хочу видеть, как качаются твои груди, когда ты двигаешься на мне, - он не просил, а приказывал.

Полина, забыв обо всём на свете, быстро оседлала его. В её поступках не было скромности. Обхватив его каменную плоть, вставил в себя и начала двигаться верх вниз. Наслаждаясь каждым его движением внутри. Руки Сергея сжимали две её мягкие половинки, плотнее прижимая их к своим чреслам. Это задавала особый темп их сумасшедшему танцу. Чем ближе её естество тёрлось о жёсткие волоски на лобке Сергея, тем слаще были её ощущения. Тело Полины сейчас подобно бильярдным шарам, собранным в кучу. Один меткий толчок кия и они разлетятся по всем углам. Ещё немножко. Ещё быстрее.... Всё! Шары разбиты. Её тело упало на тяжело дышащего любовника.

Теперь с ней можно делать всё что угодно. Всё, что взбредёт в голову Сергею. И он этим воспользовался.

Перевернул Полину на живот и вошёл сзади. Её глухой стон, был слабым сопротивлением. Она так расслаблена, что не сразу поняла, куда его член вошёл. А когда до полу отключенного сознания Полины дошло, Сергей уже кончил.

- Ты скотина, - протонала она.

- Да, - быстро ответил он, вытаскивая из Полины свой член. – Я во второй раз лишил тебя девственности, детка. И тебе это понравилось.

- Это было противно, - вставая с постели, опять соврала Полина.

- Я бы так не сказал.

Сергей развалился на кровати, раскинув ноги. Улыбаясь, он наблюдал за сборами Полины.

- Ты куда?

- Хочу проветриться, - соврала она, уже натягивая брюки

Полина собралась вызвать такси и уехать. Она даже не могла смотреть на Сергея. Ей было стыдно. Она стыдилась саму себя и того, что произошло пару минут назад. Казалось бы, что такого? Они когда-то были очень близки и это всего лишь секс. Ничего больше. Один голый животный секс под градусом.

- Останься, - впервые попросил он. – Поспи со мною. Я обниму тебя, как раньше. Пожалуйста, Поля, останься со мной.

- Не могу, - прошептала она.

Застегнув кофточку, вышла из спальни.

Ну, что за девка? Сама же бросила его. И как бросила? Не устраивала истерик и разборов полётов. Она просто сказала: «Я не хочу быть ещё одной из твоих девочек» и ушла. Так же, как сейчас. Видно же, что хочет его, но задирает нос и играет в недоступную недотрогу. Играет, пока Сергей сам не настоит на близости. Может, поэтому он так хочет Полю? Её не надо выпроваживать. Она уходит сама. Уходит и не возвращается, даже когда её присутствие необходимо Сергею.

- Дура, - выругался Серый.

Его рука потянулась к прикроватной тумбочке. Там за кипой презиков и всякого барахла ждал своей очереди косячок с марихуаной. Чиркнув зажигалкой, он глубоко затянулся. Потом ещё. И ещё. И ещё, пока башка не отлетела в другую реальность.

- Да, ну их всех! – шептал Серый, втягивая в свои лёгкие дымный дурман. – И эту суку – Польку...

Спускаясь по лестнице, до Полины доносились крики и стоны из гостиной. Похоже, не только они с Сергеем отдыхали телом. Прощмыгивая незаметно через гостиную, она даже на секунду задержалась. Её глаза привлекли копошащиеся в полумраке тела. Славик разодрал, как лягушку, Олю. Она лежала на диване, а он развёл широко её ноги и работал бёдрами со скоростью швейной машинки. Оле, похоже, это нравилось. Выбегая из комнаты, Полина усмехнулась. Вот, ябеда! Жаловалась, что Славик тиран и садист, а сама вопит от удовольствия под ним. Эти стоны точно не от боли. Они настолько были заняты собой, что громко ляпнувшая дверь их не остановила.

Во дворе музыка ревела напрасно. Никто не слушал. Все разбежались, как всегда, по парам или группкам. Сегодня, правда, Дима и его малой, безучастно сидели в беседке. Игорёк, обняв пустую бутылку и, свернувшись калачиком, спал на мягкой скамейке. Дима курил.

- Ты же не куришь? – подходя, спросила Поля.

- Курю иногда, - не оборачиваясь, ответил Дима.

Он смотрел в дисплей монитора. В десятый раз, прокручивая видео со стриптизом Кэт.

- Где все? – опять вопрос Поли.

- Кэт и Тома уже больше часа в сауне. Наверное, плачутся друг другу в жилетку. Малой, как видишь, спит. Оля раздвигает ноги перед Славой. Отрабатывает, чтобы он удалил видео с Кет, - зло усмехнулся Дима. – Я курю, а ты опять была с Сергеем. Ну, вроде, обо всех доложил.

Она присела рядом. Вытянув с его пальцев сигарету, затянулась.

- Ты же не куришь, – посмотрев на Полю, сказал Дима.

- Курю иногда, - повторила она его слова. – Что за видео?

Дима включил на повтор и отдал подруге телефон.

- И что ты будешь с ним делать? – спросила Поля, выдыхая дым.

- Удалю, - он вытянул с рук Полины телефон и стёр запись. – Я не Славик. Мне за это ничего давать не надо.

- А зря, Дима. Если ты про Олю, то Слава ей поделился бы. И она та ещё штучка. Ноет, а сама только и ждёт, чтобы её жёстко трахнули.

- Ты о чём? – якобы не понимая смысла сказанных слов Полины, спросил друг.

Она встала со скамейки. Затянувшись в последний раз, выбросила сигарету.

- Да знаешь ты всё, Дима. Не первый год дружим. Ненавижу нашу компанию, - чуть ли не срываясь на крик, говорила Полина. – Достали вы все меня. Оля – принцесса с синдромом вечной жертвы. Кэт – безмозглая давалка. Тома вечно бегущая с Кэт, как с последней моделью айфона. Давно бы отлизала ей и Кэт была бы счастлива и она. Славик – тупой качёк и моральный урод. Сергей – похотливое животное с завышенной самооценкой. И ты нерешительный, слабохарактерный Ванечка-Дурачок. Как ты вообще капитаном команды стал? А твоему брату среди нас не место. Ему ещё колыханку смотреть и баиньки в кроватку после девяти, - выговорила о наболевшем Поля. – Как же я счастлива, что всего пара месяцев, и я уезжаю на учёбу в другой город. Я постараюсь не видеть ваши рожи, как можно дольше.

Дима смотрел на подругу, нисколько не злясь на такие высказывания. Он сам так же считал. И только Полине хватило смелости сказать, что думает.

- Ты права, Поля, - его рука потянулась за пачкой сигарет на столе, - но об одном нашем друге забыла.

- О ком же?

- О себе, - уже закуривая, сказал Дима. - Ты не лучше всех нас. Королева без короны. Куда бы ты, не уехала, всё равно вернёшься к нам.

- Не вернусь, - отступая назад, заверила его Полина.

Достав из кармана кофточки телефон, она пошла к калитке. Нет, к ним она не вернётся. Нужно уметь оставлять прошлое в прошлом. Набрав номер такси, Полина снова ушла. В этот раз навсегда

Моё сердце в его руках...

Посвящается всем женщинам
Любивших, любящих и которые
Ещё будут любить не тех мужчин.

Нас никогда не спрашивают, чего мы хотим. Нам навязывают жизнь полную самопожертвования и терпения. Мы должны быть кротки, милы, уступчивы, хозяйственны, услужливы, выносливы и обязательно честны. Иначе в этом мире нам не выжить. В мире, где правит мужчина и его желания. С нас спросят по всей строгости морали, нравственности и закону, если мы хотя бы попытаемся пойти против общества или общины, в которых живём.

Мы? О, нас не так много, кто осмелился сказать самим себе и близким: «Я хочу быть счастливой здесь, сейчас и с ним!».

Я могу рассказать десятки историй о нас, женщинах с позорным клеймом «предательница». Я одна из них и моя история лишь капля в море, таких вот историй. Тысячи чужих судеб объединила в одну война.

Четыре года оккупации.

Четыре год страха за свою жизнь и жизнь близких.

Но, эти четыре года, показались мне раем, после того, что началось потом. Одно стало ясно, как божий день, всё изменилось. Ничего больше не будет, как прежде. Мы изменились. Мы стали другими. Самые жестокие преступления поставили на одну чашу весов с обычным бытом. Нет, не с бытом. Я его любила и не считаю эту любовь предательством. Я никого и ничего не предала. Я – женщина, отдавшаяся мужчине. Самому лучшему мужчине. Для меня лучшему мужчине на свете. И для меня он не был врагом.

Разве мужчина и женщина враги? Нас создал бог друг для друга. Мы можем говорить на разных языках, но при этом отлично понимать друг друга.

Я преступница только для тех, кто сам преступил все десять заповедей. А я любила и люблю. Лишь только в этом моя вина.

Товарищ капитан смотрит на меня с презрением и говорит:

- Имя. Фамилия. Год рождения. Происхождение.

Как будто он не знает кто я. Все документы у него на столе. И он если не изучал досконально, то перед допросом пробежал глазами.

Открыв портсигар, достал сигарету. Не наши папиросы. Трофейные. Я

сразу это заметила. Арн такие курил. И вот этот тоже закурил, чиркнув спичкой. Глубоко затянулся, словно устал ждать моего ответа, и выдохнул клуб дыма мне в лицо. Я зашлась кашлем, но не осмелилась попросить его не курить. Он меня пугал не только своим суровым видом, но и мерзкой ухмылочкой, когда его глаза падали на мой раздувшийся живот.

Приложив ладони к животу, я пыталась скрыть своё счастье от этих колких осуждающих глаз.

- Я слушаю, - теряя терпение, сказал капитан.

В горле пересохло. Уже сутки не пила и голова кружилась. На окне, позади офицера, стоял графин с водой.

- Можно мне воды? – осмелилась шёпотом, спросить я.

Он сощурил глаза, выдохнув снова мне в лицо. В этот раз меня уже не накрыл приступ кашля. Я задержала дыхание.

- Воды тебе, подстилка фашистская?! Обойдётся! Давай, рассказывай, кто ты и как предала свою родину? – громко кричал он.

Чуть дёрнувшись от испуга, я опустила глаза. Не хотела, чтобы этот офицер видел моих слёз. Не его слова меня задели. Я боялась за жизнь своего ещё не рождённого малыша. Больше трёх суток я сидела в камере. Нас, несколько таких же женщин, не кормили. То, что нам бросали, в железные миски трудно назвать едой. А воды не хватало и вовсе.

- Ну! – ещё громче крикнул он.

Тяжело дыша, я начала рассказывать свою жизнь.

- Я Аглая Николаевна Вершинская. 1917 года рождения. Деревня Оболянка Б... района В...области Беларусь.

Мой отец – кулак. Вы забрали у него всё. Но вам показалось этого мало, и вы забрали его самого в 1938 году. Больше о нём мы ничего не слышали. Моя мать умерла от воспаления лёгких в 1939. Два моих брата, призванных в Красную Армию в 1940, пропали на границе с Польшей в начале войны. Старший брат Илья погиб где-то на болотах. Он был в партизанском отряде.

- Брат, значит, жизнь отдал, а сестра с немцем скрутилась?- прервал он меня, покачивая головой.

Я ничего ему на это не ответила. Продолжила.

- Сестра умерла при родах в 1931 году. Её сын только появился на свет, а стал сиротой. Отец погиб днём раньше. Несчастный случай в лесу. Их мальчонку забрали родители. Сейчас у соседки Клавдии Архиповны, пока я у вас сижу.

- Ты мне зубы-то не заговаривай, тварь! Мне на твою семью плевать! Рассказывай, как родину предавала! – Затушив сигарету, кричал он.

Я закрыла глаза. Слюна долетала до меня через весь стол. Но, не смотря на это, я вздохнула с облегчением. Меня больше не травил едкий дым сигарет.

Арт курил. Только никогда не позволял себе этой вредной привычки при мне.

- Вы спрашивали, кто я и моё происхождение, - старалась я говорить спокойно.

- Ты, сука, мне про фашиста рассказывай! – рявкнул он.

- А что рассказывать, товарищ капитан? – спрашивала я, усаживаясь на неудобном табурете. Ноги затекли так долго сидеть в одном положении и спина разболелась. – Рассказывать, как пришла война и всё изменилось? Как мы, советские люди, стали друг другу врагами, вспомнив давние обиды? Только мне вспоминать ничего не хотелось. Я всех простила. Да и некогда было думать о прошлом. Настоящим надо было жить. А в настоящем была война. Вы ушли, оставив нас им.

Он подскочил и ударил мне оплеуху. Жгучая боль звоном отдалась в голове. Я не слетела с табурета на пол, но почувствовала, как по подбородку течет теплая кровь. От его удара лопнула губа.

- Думай, что говоришь, дура! – ревел он, замахиваясь снова рукой.

Я зажмурила глаза, ожидая нового удара. В голове пронеслось: «лишь бы с мальшом всё было хорошо». В эти мгновение я держала руки на своём животе. Мой ребёночек толкался не переставая. Он чувствовал страх матери.

Раньше я считала, что пока он во мне ему ничего не угрожает. Господи, как же я ошибалась. Я боялась не за себя. Пусть бьёт сколько ему угодно, но только не трогает жизнь под моим сердцем. Мой сын ни в чём не повинен. Он даже не знает, кто он сам. Кто его отец. Кто мать. Единственное, что он знает, это мои чувства к нему. Мою безграничную материнскую любовь.

Я не видела боёв. Я слышала только их эхо в красных сполохах за горизонтом. Я не видела, как взрываются бомбы. Но я видела самолёты, несущие их. Нашу деревню война обошла стороной. И только в середине июля по лесной дороге, въехали машины и мотоциклы немцев. Беларусь была полностью оккупирована. Не было больше советской власти. На смену ей пришла фашистская. Чужая и страшная.

Когда они въезжали в деревню, все разбежались по домам, закрыв ворота. Мы высовывали носы, чуть приоткрыв занавески на окнах. С опаской рассматривали врага.

Я прижимала к себе племянника Петрушу, молясь, чтобы эта колонна

проехала не останавливаясь. Мои мольбы были напрасны. Колонна прошла, но рота осталась охранять маленький железнодорожный узел в пять километрах от Оболянки и наводить новые порядки.

К немцам на службу пошли в тот день не только недоброжелатели бывшей власти. И среди обласканных сторонников советов нашлись активисты.

Лучший тракторист передовик дядя Силантий в старосты подался, а за ним и его брат, бухгалтер совхоза Инокентий Григорьевич, с сыновьями. Этих в полицаи записали. Повязки со свастикой выдали. Папани их так очень подфартило. Форму немецкую полицейскую черного цвета выдали, как главному.

Вот с них и началась наша «счастливая» жизнь под руководством фашистской власти. Не больно-то их служба от предыдущей отличалась. Сдавали своих, убирая с дороги всех, кто им когда-либо слово поперёк говорил.

Подхалимничали и простые люди. Марфа Матвеевна на воротах семьи Зеленских звезду Давида нарисовала мелом. Припомнила старая карга обиду бабе Софе за межу. Они ещё до революции, народ говорил, кусок земли поделить не могли. Пришла коллективизация и всё забрала в совхоз. Нет земли – нет спора. Но нет же, вспомнила, что соседка еврейка.

Господи, что там было. Детей малых жалко. Внучка бабы Софы на днях родила. Всю семью вытаскивали с дома не только немцы и наши полицаи помогали.

Я не вышла на улицу в тот день. Племянник прибежал, как только раздались крики и детский плач. Прижав к себе Петрушу, я рыдала. Это всё, что могла я сделать для Зеленских. Оплакивать их и молчать.

Первые месяцы было очень страшно. Мы с Петрушей вскакивали с постели каждую ночь, стоило нашему или соседскому псу залаять. И мне было чего бояться. Помимо малолетнего племянника, на моём попечении был раненый солдат. Я нашла его у самых дверей моего дома, выйдя на скулёж Дымка. До сих пор не могу понять, почему пёс не залаял на чужого. Дымка жалобно скулил, виляя хвостом, словно разбирался теперь кто свой, а кто нет.

Три месяца я прятала лейтенанта Гадаева на сеновале. Выходив, провела тёмной ночью к опушке леса. Мой старший брат Илья уже знал о моём подопечном и ждал нас. Больше я Гадаева не видела. Лишь слышала от редко навещающегося брата, что ушёл за линию фронта.

Время. Его течение не остановить. Первый год прошёл и забрал собою надежду на скорое освобождение. Надежду забрал, но оставил веру, что мы

всё равно победим. Пусть не сейчас. Потом. Не один советский человек не позволит сапогам врага топтать свою землю. Мы в это свято верили. И я верила. Верила, даже когда в мае 42 соседский мальчишка шепнул о смерти Ильи. Они уходили болотами от прочёсывающих лес немецких солдат. Мой брат остался с несколькими партизанами прикрывать отход отряда. И остался там навсегда.

Оплакивать брата у меня не было сил. Я только вошла в дом и сев за стол, бесцельно смотрела в окно. Даже не помню, что я видела. Окно выходило на главную улицу деревни. Там всегда многолюдно. И я не помню ничего. Потому что ничего не видела. Перед глазами был мой старший брат. Моя последняя опора в этом мире и надежда на защиту.

В том же месяце в Оболянку прислали новую роту для охраны и контроля. Тех отправили на фронт. Совсем расслабились немецкие солдатики в нашей тихой деревне. Пили, дебоширили, за девками бегали. Брали пример со своего командира. Тот у вдовы кузница квартировал. Она своего мужа споила и на тот свет отправила. Теперь и за немца принялась. Хорошо так принялась. Самогонки ему каждый вечер наливала и говорила:

- Это традиция.

Немец пил. Допился.

Приехал какой-то ихний майор, а он и лыко не вяжет. Вот их и сослали на фронт.

Командир новоприбывшего отряда у вдовы не поселился. Не советовали. Пройдя по всей деревне, остановился у моего дома.

Дом, конечно, большой и хороший. Единственное, что осталось от кулацкого добра у нашей семьи.

Я в тот день, задрвав юбку по самые ляжки, мыла пол. Дымок нарывно залаял, не успела я разогнуть спину, как в дверях уже стояли староста, учитель Богдан Леонидыч и немецкий офицер.

Староста ухмылялся, нагло смотря на мои ноги.

Богдан Леонидыч опустив глаза, ковырялся носком ботинка в полу, будто он не деревянный, а земляной.

Немецкий офицер чуть улыбнулся, посмотрев на меня.

Я быстро отвела глаза на «своих».

- Что надо? – спросила я, бросая тряпку в таз.

- Принимай постояльца, Аглая! – словно сватая, сказал староста. – Лейтенант Арн Шмид будет жить у тебя.

- Зачем мне он? – поправляя подол, я снова бросила взгляд на немца.

Красивый, но враг. Был бы нашим, ох, проходу бы ему девки не давали. А так сторониться будут. И глаза, как небо. Такие же ярко-голубые.

Светятся добротой. По глазам так и не скажешь, что фашист.

- Как зачем?! Тебя и не спрашивают. Сказали, будет жить, значит, будет. И обстирывать его будешь. И кормить. И...

- Спать укладывать, - закончила я требования старосты.

- И спать, если герр офицер захочет, - недвусмысленно намекнул прихвостень фашистов.

- А немного ли хочешь ты? – негодуя от наглости старосты, спросила я.

Мой вопрос привёл старосту в бешенство. Он мигом покраснел, как помидор. Чуть не скрежеща зубами от злости, поддался вперёд ко мне.

- Ты, Аглая, видно забыла, кто сейчас власть? Могу и напомнить, - пригрозил он.

Офицер что-то забормотал на своём и старый учитель тут же перевёл.

- Герр офицер спрашивает, хозяйка против, чтобы он жил у неё.

- Скажи ему, что нет. Рада баба, - за меня ответил староста.

Переводчик перевёл, а офицер улыбнулся и опять на своём что-то сказал. Но уже более весёлым тоном.

- Герр офицер сказал, что не будет вам обузой. И если вам понадобится помощь, по хозяйству он поможет, - быстро перевёл Богдан Леонидыч.

- Ага, уже надо. Пусть корову подоит, - махнув рукой в сторону дверей, предложила я.

Староста закрутил у виска пальцем.

- Ты дура! Офицер и корову доить! Аглая, о племяннике подумай, прежде чем нарываться на грубость! – сказал мне он, а переводчику посоветовал не переводить мои слова.

- Как не переводить? – растерянно говорил старик. – Он требует.

Староста вздохнул и, помахав кулаком мне, буркнул:

- Дура.

Офицер засмеялся. Мои слова его не обидели. Он снял китель. Засучил рукава и сказал:

- Давай подаю, - через переводчика.

Корову герр офицер подоил в тот день. Оказывается, немец вырос на ферме. Он умел не только коров доить, но и гвоздь в стенку заколачивать, пилить брёвна, колоть дрова, ремонтировать забор. Мастер на все руки и чужой солдат.

Я сама не заметила, как из фашиста он стал для меня человеком. Я называла его Арн. Он, улыбаясь мне самой доброй улыбкой, говорил два слова на русском языке «люблю Аглая». И этим словам я научила его. Наша

любовь стёрла границы. Всевозможные препятствия для самых чистых и светлых чувств на земле. Как же сильно я его любила. И он любил меня не меньше. Я была для Арна больше, чем просто местная девушка, греющая ему постель. Я стала ему родной душой. Он рассказывал мне об отце, матери, сестре. Рассказывал о доме в маленькой немецкой деревушке. Я, не зная немецкий, понимала, о чём он говорит.

Лёжа рядом с ним, я не переставала думать, что древняя легенда о Вавилонской башне правдива. Нас разделили, чтобы мы не понимали друг друга. Непонимание порождает ненависть. А ненависть делает нас глухими и слепыми. И только искренняя любовь способна снять пелену с наших глаз и даровать нам давно утраченный слух.

Когда немцы уходили, Арн звал меня собой. Я не пошла за ним. Не смогла. Во мне была уже жизнь. Та маленькая частичка нас обоих, связавшая наши души и сердца навеки вечные.

Да, я предательница! Для вас предательница. И сейчас этот капитан занёс руку, ударить меня за любовь к врагу. Мне не спрятаться от него. Не избежать удара. Я даже не могу позвать на помощь. Никто не заступится за меня.

Моя надежда на будущее...

Мое маленькое счастье под сердце....

Моя радость...

Мой невинный сын.

Для моего народа это маленькая ещё не родившаяся кроха самый страшный позор.

- Отставить! – незнакомый голос, приказывает где-то за моей спиной.

Капитан отлетает от меня. Выпрямившись, отдает честь.

- Товарищ полковник, это ... - пытается оправдаться он.

- Молчать, майор! Ты, что сволочь, на беременную бабу руку поднимаешь?! – отчитывает мой нежданный спаситель. – Да я тебя, в окопах сгною! Война ещё не окончена! Вот там, будешь с мужиками кулаками махать, а не здесь в тылу с бабами!

- Товарищ полковник, она же немецкая подстилка! Она с врагом крутилась, пока мы кровь проливали! Она – испуганно тараторил капитан.

- Молчи! Ты кровь не проливал! Ты в тылу сидел! А солдатики не для того проливали, чтобы такие скоты, как ты, баб избивали. Ты не лучше фашистов, раз на беременную руку поднимаешь! С немцем жила?! И что?! Их таких много. Всех в лагеря запрём, кто будет портки нам стирать? – разошёлся полковник.

- А дитё, то немца, - ехидно напомнил подчинённый.
- А вот капитан Гадаев, утверждает, что его, - полковник перевёл глаза с него на меня. – Аглая Николаевна Вершинская?
- Да, - подтвердила я, оторопев от неожиданных новостей.
- Вам имя Ринат Гадаев знакомо? – спрашивает спаситель.
- Да, - ели слышно отвечаю я.
- Ребёнок, стало быть, его? – наводящий вопрос от полковника, а в его глазах нетерпеливое ожидание нужного ответа.
- Да.

Моя голова уже кружится. Я ничего не понимаю. Причём здесь Гадаев? Я спасла ему жизнь, но это было ещё в 41 году. Больше мы не виделись. И дураку попятно, что по срокам не подходит. Но, похоже, капитан дурак. Или с полковником госбезопасности не хотел связываться.

Поник мой обидчик. Опустив плечи, тяжело вздохнул. Зашуршав бумажками на столе, выбрал папку с моим именем и отдал полковнику.

- Раз всё разрешилось, она свободна, - недовольно сказал капитан.
- Она свободна, а ты пересмотри свои дела. В следующий раз приеду и проверю, сколько таких вот девок, ты этапом отправил в места далёкие. Найду хотя бы одну, следом на Колыму поедешь. И не с погонами. Заключённым они ни к чему.

- Так я же... Так они же... Я только исполнял... - заикаясь шептал, тараща глаза от ужаса на страшного полковника.

- Они бабы. Какой с них спрос, - уже в дверях, выводя меня за руку, сказал он.

Идя по длинному коридору со своим спасителем, я спросила у него:

- Куда вы меня ведёте?

Я всё ещё не верила своему освобождению.

- К отцу ребёнка, Гадаеву, - ответил полковник.

- Он не ..., -но, не успела договорить, офицер перебил меня.

- Для всех будет лучше, если он будет отцом. Вам ясно?

- Да, - прошептала я.

Ринат не забыл меня. Ещё, будучи раненым, в бреду говорил мне: «Жив останусь, найду и женюсь, Аглая. На тебе женюсь. Пойдёшь за меня». Я, обтирая его спиртом, чтобы снять жар, отвечала: «Пойду, милый. Обязательно пойду». Мне было его жалко. Тогда ещё лейтенант Гадаев, стоял на самом краю жизни. Один шаг отделял племянника полковника госбезопасности от смерти, и я не позволила сделать ему этот шаг. Я не знала кто он. Да и разве спрашивают у нуждающегося в помощи человека: «Кто ты?».

В сорок первом я спасла его, а сорок четвёртом он протянул мне руку, не дав провалиться в бездну позора. Ринат разыскал меня и исполнил своё обещание, данное мне в бреду горячки.

P.S Бабушке повезло выйти замуж и спрятать своё прошлое за геройской фамилией мужа. Она прожила счастливую жизнь с мужчиной, любившим её, но которого она так и не смогла полюбить. Не любила, но уважала. Она часто говорила, печально улыбаясь мне: «У меня было только одно сердце и его забрал Арн, уходя на запад, а мне взамен оставил твоего отца...»

Сердцу вопреки

ГЛАВА 1

Кастелян Туровца стоял на городских стенах Полоцка. Солнечные лучи отблёскивали от снега, слепя глаза. Щурясь, пан Азинский всё же смог рассмотреть приближающуюся орду Москивии. Их было так много, что казалось, вся страна пришла завоевать Литву. Зачем он приехал в Полоцк именно в этом месяце. Надо было, как планировал приехать в конце весны. Нет, бросился на делёж дядькиного наследства в январе. Да ещё и дочку с её пасынками притащил. Знал же, на границах не спокойно. Речь Посполитая ввязалась в ливонскую войну. Поддержали магистра Ливонии, а теперь вот результат. Сам царь Московии в гости пожаловал. Жили, не тужили, на своей земле спокон веку. А теперь выходит, Иван Васильевич заявил, что это его вотчина. Права на неё потомки Рюрика имеют.

Поёжившись от ледяного ветра, что со стороны Двины дул, пан Азинский вздохнул. Ох, тяжело придётся. Город, может, и отобьют, но с потерями.

- Здравствуй, пан Гарислав! – поздоровался поднимающийся по каменной лестнице воевода Полоцка. – Не спится?

- А, это ты Станислав? – оборачиваясь, спросил пан Азинский. – Как спать, когда недруг пушки наставляет на стены?

Пан Давойна тоже бросил взгляд на войско московского царя. Только страха в этом взгляде не было. Воевода был слишком самоуверен. Ну, пришли и пришли. Городские стены крепкие выдержат. Пока по ним лупить будут, не заметят, как с тыла ударит гетман Радзивилл. Брату своей жены, Станислав ещё три дня назад восточку с гонцом отправил. Родственник на подмогу, уже гусар собирает. Скоро москвитам бороды-то по - отрывают. С гусарами на открытом поле стрельцам не сладить. И татары, что пришли с царём, тоже побегут. Стрелам азиатов не пробить железную броню всадников.

- Лошадей жалеет Иван, – подметил воевода, – пушки смерды тянут.

- Говорят, он людскую кровь пьёт и купается в ней, – передал народные сплетни кастелян Туровца.

- Слыхал! – равнодушно сказал воевода. – Я вот думаю крестьян за город отправить. Если осада продлится дольше, может и голод наступить. Меньше ртов будет.

- Людишек-то сколько выпроводишь? – насторожился Гарислав.

- Этак тысяч две насчитал, – задумчиво почесал голову воевода. – Я в Милане был, когда его осаживали французы. Чем меньше нахлебников у города шансов больше устоять. И схроны в лесу с запасами хлеба приказал сделать. Это тоже на случай не предвиденных обстоятельств.

- Я бы народ не отправлял, – не согласился кастелян. – Им оружие в руки и пусть помогают солдатам.

Воевода усмехнулся. Крестьяне и с оружием. Смех, да и только. Человеку всю жизнь ходившему за плугом, несподручно бердышом махать.

- Ох, насмешил Гарислав Давыдыч! От них одна морока, а не помощь будет. У нас две сотни наёмников со всей Европы. Один такой воин сотни крестьян стоит. И стрельцам с наёмником не совладать, – посмеиваясь, не соглашался пан Станислав.

- Наёмники это сила, не поспоришь. Один Андрес Гессе чего стоит, – согласился пан Азинский, вспомнив капитана отряда наёмников. Но, кастелян был не так самоуверен, как воевода. – Пан Давойна, войско Московского царя где-то тысяч двадцать. Нас в три раза меньше. Я женщин, детей и крестьян не считаю. На скорую подмогу Короны, тоже не рассчитываю. Конечно, стены наше преимущество, но всего лишь одна ошибка и всё. В город ворвутся враги. Я этого не хочу, – пан Гарислав лучше запахнул отделанную русскими соболями шубу и направился к лестнице.

Друг детства пан Давойна бросил уходящему вслед:

- А я, что хочу, по-твоему, Горислав? – в голосе звучала злость.

- Знаю, не хочешь. Нам обоим есть, кого терять. Своих жизней не жалко. За детей боюсь, – уже спускаясь по крутым ступенькам, ответил пан Азинский.

ГЛАВА 2

Кастелян Туровца медленно шёл домой. В городе паники не было. Только народ быстрее бегал по мощёным улицам. Бездомные псы и то казались спокойней, шныряя в поисках костей. Торгов тоже не было. Ни купцы, ни евреи не открыли свои лавки. Полочане сбившись в маленькие группки, шептались о грозном и страшном царе, пришедшем за их жизнями. Кто винил короля Жигимунта Августа в этой напасти. Не стоило помогать ордену. Сами с ними бились не так давно, а теперь дружим. Кто винил кровожадность самого царя московитов. Ему всё равно, чьей кровью упиваться. В своих землях народ погубил, теперь в Литву пришёл.

Так и дошёл Гарислав Давыдыч до дверей своего дома, слушая, о чём говорят свободолюбивые жители Полоцка. Не успел двери за собой запереть, а недовольная дочь, стоит перед ним. Зло смотрит своими серыми глазами и ещё прищурилась. Вот, в мамашу покойницу вся! И характером вздорная.

- Ну, что тебе свет моих очей? – спросил отец.

- Ты где был, папа? – глаза дочери ещё больше сузились. – Опять к Стешке бегал? Полюбовнице твоей!

О, дура! Как мать дура!

- Янина, какая Стешка? Под стенами войско московское! Не до любовниц! – возмутился отец.

К вдове купца Хицевича он забежал до того, как на стену отправился, но это знать дочке не к чему.

- Бегал. Знаю, бегал. Ижбета сказала. Видела тебя у её дверей! – не унималась дочь.

Ну, глазастая нянька! Её за Машей смотреть приставили, а не за паном. А, дочь что всполошилась. Гарислав взрослый свободный мужик. Лет десять, как вдовец. И ему по мужским надобностям к бабе нельзя. Ах, дочка злопамятная. Всё простить замужество не может. Так не он ей второго мужа выбирал. Сам король. Натешился красавицей молодой вдовой магната Жолевского и сбыл с рук. И кому сбыл! Беглому московскому князю. Зато, что беглец спас королю жизнь на охоте. Раненый тур сбил коня с Жигимунтом Августом. Быть бы в Короне новому королю, а нет, влез русский. Магнаты и польско-литовская шляхта опечалилась в одночасье. Это же своего родственника на престол, можно было посадить, если бы не князь Боголюб. За такое спасение король отдал свою

любовницу со связями и землями перебежчику. Теперь Алексею Платонычу Боголюбову бояться нечего в Польше и Литве. Считай, свой. Обрато с детишками не вернут в Московию

Зятем кастелян был доволен. Красив. Молод. Отважен. И самое главное неглупый человек. А, что родину сменил, так это на его месте любой сделал. Завистники на весь род Боголюбовых напраслину навели. Царь и приказал казнить. Так под пытками и на плахе отец с братьями богу душу отдали. Жёнам тоже не повезло. Опозорили опричники и поубивали женщин. Детишек не пожалели даже. Один князь Алексей остался. Пока расправа над его семьёй шла, он под Нарвой за царя кровь проливал. Как узнал, в какой немилости оказался, тайно в свои земли вернулся. Детишек спрятанных у мамушки – няньки забрал и в земли Короны подался. И был простым воякой в услужении короля, пока не отличился.

- Да, я твоей Ижбете ноги-то повыдёргиваю, чтоб по городу не шаталась, а с воспитанницей сидела, – разозлился хозяин дома.

Ну, теперь хозяин. По завещанию дом и треть земель на полотчине ему принадлежат. Прибавилось богатства у кастеляна Туровца. И больше бы было, если бы религиозный дядя остальное униятам не отписал за райские кущи. Ему за свою грешную жизнь никаких богатств не хватит от ада откупиться. Всё равно там уже прибывает.

- Мне, значит, дома сиди. К подругам не ходи! А ты по бабам бегаешь! – орала капризная дочь.

- А ты теперь замужем, доченька, – напомнил ей отец, – и я перед зятем в ответе за мужнюю честь. А твоих подружек я знаю. Анна Лисицкая – танцорка! На приёме у пана Дитко до скандала дотанцевалась. Мужу пришлось на дуэли честь жены отстаивать. Марьяна и вовсе отличилась. Третьего ребёнка пан Бельский не признаёт. А мальчишке лет шесть, как исполнилось. Да, и я не слепой вижу. Рыжий пацан от английского посланника.

- И что! Я к ним в гости зайти не могу. Я замужем, вот пусть мой муж за мной и смотрит! Ты теперь на меня прав не имеешь. Я мужняя жена! – не унималась Янина. – Даже Жолевский за мной не бегал!

- Твой покойный муж, был старым человеком. Ему не до тебя, было, – защитил зятя тесть.

Они с Ежи выгодно договаривались тогда по браку. Ежи – жена молодая и красивая, что на короля влиять. Гариславу – земли достанутся после смерти Жолевского. Ну, официально Янина наследница, а её отец пожизненный управляющий. Дочке такой брак был по душе. Свобода и блистательная жизнь королевского двора. Всё изменилось после смерти

многоуважаемого зятя. И милая хохотушка девчушка превратилась в фурию. Замуж за князя идти не хотела! За какого-то безродного щенка Богдана собралась. Мол, я богата и сама буду решать. Не позволили. Политика и благодарность короля встали на счастье Янины. Теперь и злиться.

- Да, я лучше бы за Фердинанда Сфорца вышла. Он старый и глухой. Уехала бы от вас в Италию и счастлива была, – надула пухлые губки Янина.

- Ага, вышла и своего Богдана собою забрала, – напомнил дочке о недостойном женихе. – Мне надо было приказать плетей всыпать этому казаку, а не просто выставить за двери. На дочку шляхтича безродный пёс позарился!

- Не смей! – закричала на отца непокорная дочь.

В покои вбежал пасынок Янины. Отрок был на десять лет младше собственной мачехи. Пятнадцатилетний статный не по своему возрасту, мальчик держал в руках саблю. И был надет, как на битву.

- Ты куда, собрался? – в один голос спросили мачеха и её отец.

Отрок гордо поднял чуть поросшую детским пухом, а не мужской щетиной, бороду.

- С царём биться! За мать и деда отомщу ему! – поставил в известность опекуна княжич.

Гарислав Давыдыч развёл руками. Ему своевольной дочери хватает. И приёмный внук туда же.

- Ишь, ты храбрый какой. С царём биться. Ты, Ярослав Алексееч, сабельку – то положи и послушай, – кастелян сделал шаг к отроку, но тот, сжав оружие сильнее, отступил. – Царям не мстят, мальчишка. Цари может и с нами по земле ходят. Только они под богом, а мы уже под ними. Царю мстить – на бога хулу возводить. Ясно?

Пасынок дочери замотал головой, не соглашаясь с дедом.

- Царь нас защищать поставлен, а не невинных карать, – твёрдо стоял на своём Ярослав.

Ну, настоящий сын своего отца. Пан Азинский хоть и мало общался с новым зятем, но хорошо разобрался в нем. Упёртый и справедливый. Дочери с мужем повезло. Жаль, только, что мужу с женой, ох, как не повезло. Корона и Литва, не Московия. Здесь женщины в теремах не сидят. Они свой нос всюду сунут. И в политику тоже стали пихать. Свой голос подают. Теперь каждый шляхтич о красавице дочке мечтает, а не о наследнике сыне. На дочери может взгляд короля остановиться. И поставляй шапку, золото с привилегиями не заставят себя ждать.

Гарислав Давыдыч посмотрел на мальчишку. Ну, почему у него дочка? Дал бы бог вот такого сына. А лучше двух. Вот счастье для отца. Было бы

кому фамилию и земли передать. Но, сына нет. Одна взбалмошная дочь. Всё ей останется. Хорошо, хоть в руки князя Боголюбова и его потомков. Бездарно труды кастеляна не погибнут. Всю жизнь сам аршин к аршину земельку собирал.

- Повоюешь ещё. Осада долго продлится, – обнадёжил парнишку кастелян.

- Я на стену пойду, – выпрямился горе воин.

- Пойдёшь. Пойдёшь... – посмеялся Гористав. – Только, потом, когда я разрешу. А сейчас, пошёл с глаз долой, неслух!

Разозлился пан Азинский. Его в Туровце уважают. Он за свою долгую жизнь не одно сражение прошёл, а дома ни во что не ставят. Дочка командует. Пасынок её перечит. Ещё прислуга шпионит. За своим паном! Уму непостижимо! Стар, что ли так. Страх перестал внушать домочадцам.

Ярослав опустил саблю. Ссутулившись, пошёл наверх, в свои покои. Дочь тоже не задержалась. Вертихвостка. Шмыгнув носом, якобы на папу обиделась, убежала. К Ижбете жаловаться. Точно, к ней. Ведьме старой. Ух, давно надо было выгнать её. Да, никак не получается. Жалко. Всю жизнь с семьёй кастеляна живёт. Янину нянчила. Как давно это было. Лет двадцать пять назад.

ГЛАВА 3

Янина забежала в свои покои. Как же она зла на отца? Привёз в Полоцк и к подругам не пускает. Лучше бы в имении под Новогрудком сидели. А сам в Полоцк ехал. Хоть надьшалась бы свободой. Без отца и мужа. О муже так совсем отдельный разговор. Три года женаты, а виделись четыре раза. Один перед свадьбой. Король похвастался, какую невесту выбрал новому фавориту. Из своих самых лучших фавориток выбирал. Красивая и богатая. Второй в церкви на венчании и пиру. Третий раз в прошлом году на святки приезжал. И четвёртый пару месяцев назад. К детям заехал. Радуйся. Муж, который есть, и нет. Не мешает. Не надоедает. Янина и радовалась бы, будь она, как и с первым мужем в Кракове. Не успела невеста опомниться от скоро брака, муж и бывший любовник к отцу сослали в Житницу. Детям среди природы лучше будет. Имение большое, но скучное. Милый папочка с Туровца каждые три дня навещался. Проводывал дочку с приёмными внуками. Как же проводывал? Контролировал. Не сбежала ли?

- Янина, девочка моя. Что опять не так? – взволнованно спросила нянька, держа на руках падчерицу.

- Ничего. Отец мне врёт. Сам живёт, как знает, а мне не даёт, – посетовала бывшая подопечная на нелёгкую жизнь.

Мальшка потянулась к мачехе. Янина взяла ребёнка к себе и улыбнулась.

- Ты, хоть меня Машенька не расстраиваешь и радуешь всегда, – поцеловала повеселевшая княгиня.

- Да, мамочка! – обвила ручонками пятилетняя девочка.

- Большуха, а всё на руки просишься, – пожурела воспитанницу нянька.

- Ничего, Ижбета, ей можно. Она маленькая ещё, – обнимая Машеньку, сказала Янина.

- Избалуете, пани. Уже избаловали, – предостерегла строгая нянька.

- А ты меня не баловала? – засмеялась Янина.

- Баловала и избаловала, – подхватила её смех Ижбета.

К девочке сироте молодая жена князя Боголюбова сразу привязалась. Маше были чуть больше полутора лет, когда они поженились. Мальшке необходима была мать, а Янине бог никак не давал детей. В её возрасте уже имели по три-четыре ребёнка. Пани Жолевской прожитые годы в браке

принесли материальные богатства. Завидовала она подружкам. Ох, как завидовала. Те не только от мужей рожали и от любовников тоже. Ей только никак не удавалась забеременеть. Ладно, муж был немощный старик. Их союз скрепляла только печать. Брак не был консумирован. Жаль не родила от короля. Тогда бы он от неё не отвертелся. За магната или за гетмана выдал, а не за москвитя. Да, и молодой любовник не осчастливил. И князь хорош. Одной ночи с такой красавицей литвинкой ему хватило. Больше не настаивал. Подтвердил права на жену и сплавил подальше. Скучай. Горюй от одиночества. Вот, её одиночества и скрашивала маленькая падчерица. Чужая, но уже такая родная дочь. А ещё пасынок! О, этот мальчишка. Будь её воля, выпорола на конюшне наглеца неблагодарного.

Вспомни лихо, вот и оно. В покои мачехи вошёл Ярослав. Уже без сабли. Не ожидая приглашения присесть, сам примостился на итальянском кресле.

- Ну, и что тебе сынок? – ехидно спросила Янина, опуская падчерицу на пол.

Девочка разделяла отношение приёмной матери к брату. Тот её вечно задирает. А должен был холить и лелеять. Всё-таки такие ужасы вместе пережили. Только в брате любви к сестре особо не было. Маша, копируя мачеху, задрала гордо нос. Взирая на княжича снизу вверх.

- У тебя, мамочка, – таким же тоном говорил пасынок, – мушкет есть. Одолжишь?

Глаза Янины округлись от удивления. Это ему ещё, откуда известно. Есть мушкет, работы испанского оружейного мастера. Дамасская сталь облегчённый вариант. Калибр маловат всего 22, но человека без железного панциря насквозь пробивает. Король презентовал, как яркой охотнице.

- Тебе зачем? – уже зная ответ пасынка всё равно, спросила.

- На стену пойду. Атаки отбивать буду, – решительно сказал Ярослав.

- Ага, значит сабли тебе уже мало. Мой мушкет подавай! Нет! – отказала злая мачеха и отвернулась.

- А, я тогда сам возьму!

- По рукам получишь! От меня достанется и от отца моего, что ослушался. Тебе, что сказано было? Дома сидеть! – ругала княгиня, даже не смотря на наглеца.

- Я взрослый уже! Я – мужчина! Я воевать буду! – пытался перекричать мачеху княжич.

Их ссору заглушил невероятной силы грохот. Гром среди ясного неба. И это в январе! Стены дома задрожали. Не успели понять, что происходит,

как ещё один грохот. Потом ещё. Янина закричала, бросившись закрывать собою Машу. Нянька закрыла собою уже пани и воспитанницу. Только один Ярослав стоял, как вкопанный. Пока в покои не вбежал пан Азинский.

- Московиты с пушек по городу палят! – схватив остолбеневшего княжича, оттащил его от окна. – Ты, что стоишь?! Стекло в любую минуту лопнуть может. Осколками посечёт! А ну живо вниз!

Впервые дочка не стала спорить с отцом. Прижимая падчерицу, бежала по лестнице за кастеляном Туровца. Ахая и охая, за ними неслась, закрыв уши старая нянька. Таких осад на её веку ещё не было. Храбро держался только сын князя.

Осада Полоцка началась.

ГЛАВА 4

Несколько казаков отправили в разъезд. Посмотреть чего и как в округе. Полоцк уже осадили. Пушки палят часа два не меньше. Стены крепкие, как и люди, защищающие город. Богдан сильнее натянул поводья. Конь попался ретивый. Никак слушаться не хотел. Молодой. Под седлом всего полгода. Сам казак объезжал. Купил на ярмарке в Сечи. Задарма отдавал купец. Мазью жеребец не вышел. Серый, как грязь. И норовом непокладистый. А Богдану, как раз конь нужен был. Денег маловато на хорошего скакуна, а купец в сердцах на коня сказал: «Объездишь, так отдам и упряжь за чешуйку». Ну, за язык купца никто не тянул, и свидетелей много было. Богдан совладал с конём. С тех пор у него под седлом Грязь. Такое и имя дал жеребцу. Имя на норов никак не повлияло. Рвётся вперёд и всё шельмец!

- А ну, погодь! – ещё сильнее натянул поводья Богдан. – Погодь, говорю!

Ехавший рядом Остап, усмехнулся:

- Не ты конём владеешь, а он тобой. Нагайкой его по бокам, чтоб знал, кто хозяин.

Нет, коня молодой казак бить не хотел. И за что бить за усердие вырваться вперёд. Богдан такой же, как и его конь. Всегда спешит. Быстрый. Резкий. Непокорный. Ему среди вольного казачества самое место. Там один господин - атаман. И не господин, а батька. В любимчиках Богдан у атамана ходил. Что сын Петру Буйносову. Своих сыновей у атамана войны с крымским ханом забрали. Вот чужого и приметил.

- Зачем, бить красоту такую, – не согласился молодой казак и потрепал серую гриву коня.

- Красавца нашёл! – загоготал друг. – Вот Ветер, красавец.

Да, конь друга красив. Чёрный, как смоль. Длинноногий и быстрый. Трофей с последнего набега на крымских татар. На нём говорят, сам ханский сын Бейкбулат ездил.

- Ты ж в Полоцке жил? – спросил Остап, оглянувшись на залп пушки.

- Жил давно... – подтвердил бывший полочанин. – Я у пана Азинского, Франциска Семеоныча на воспитании находился.

- Пряма, у пана? – не поверил друг. - Ты простой сирота в палатах панских, да воспитанником?

Богдан опять натянул поводья. Конь приутих, сбавив шаг.

- Старый Азинский меня с похода притащил. Мне тогда лет десять было. На окраине казачки заволновались, свободы захотели. Отец мой с ними заодно. Пана прислали силу Короны и Великого Литовского Княжества показать. Показали. Всё пожгли. Всех порубили. А меня пан пожалел. К себе забрал.

- Так тебе в первых рядах стоять. Пану припомнить надо бы, – советовал Остап.

Только молодой казак нахмурился. К старому пану у него должков не имелось. А вот, к его племяннику Гариславу Давыдычу не только должок. Хитрый кастелян Туровца забрал у Богдана самое дорогое сокровище. Янину. Дочку свою за простолюдина отдавать не захотел. Оболгал перед опекуном. Так оболгал, что ноги пришлось, как шелудивому псу уносить с Литвы. Бежать и оборачиваться. Старый пан Азинский скор на расправу, как царь московитов. Казнит, не думая.

- Что приуныл, пана вспомнил? – спросил Остап. – Поквитаешься с ним. Наши в город войдут, вдоволь кровушки сабли изопьют.

- Да, не старого пана. Он добрый ко мне был. Даже всё имущество на меня переписал, как приёмному сыну. Я племянника его хочу увидеть. Вот к нему у меня вопросы имеются, – сказал Богдан.

- Ого, так ты паном был бы! Оте-на! Это сегодня бы ты оборонял свои сундуки от нас! Ха, ха, ха, – засмеялся друг. – Я бы тебя врагом видеть не хотел. Жаль было бы убивать.

- Это ещё кто, кого убил бы! – воскликнул Богдан, прищпорив коня.

Жеребец почувствовал, как ослабли поводья, и рванулся вперёд. Конь Остапа не так резво бросился, догонять Грязь.

Возле самого устья Двину, куда в неё впадала речушка поменьше, до казаков донеслась людская речь. Притаившись в зарослях, принялись ждать. Дождались. На них вышло около сотни крестьян. Вооруженные до зубов, казаки с гиканьем окружили перепуганных людишек. Бабы, прижимая детишек, заголосили. Мужики запросили:

- Люди добрые не губите. Мы простые селяне. С города нас выгнали, чтоб хлеб панам с нами не делить. А нам, что? Идите, как говорится, лесом. Авось и живы останетесь. Пожалейте, казачки.

Объезжая кучку людей по кругу, Остап спросил у друга:

- Ну, что с ними делать? Отпустить или к нам в лагерь?

Богдан, как старший разъезда, приказал казакам:

- В лагерь их. Пусть там поспрошают у них, что, да как в городе.

Окружив, крестьян казаки погнали пленных в лагерь. Атаман

обрадовался такому подарку судьбы. Крестьяне оказались сведущие в делах воеводы Полоцка. К князю Шуйскому Пётр Буйносов пришёл не с пустыми, как говорится руками. Перепуганный простой люд рассказал о схронах хлеба в лесу. И показать даже готовы, только жизни не решайте. Ещё о стенах, где толще или тоньше. А где и кладка новая, совсем хлюпенькая. Пальцем ткни провалиться. Шуйский обрадовался. Приказал найти оставшихся крестьян, пригнать в лагерь. Будут подкоп копать к стенам собственного города. Первая и самая грубая ошибка воеводы Полоцка, была на руку врагу.

Атаман отправил ловить разбежавшиеся две тысячи крестьян своего любимчика Богдана. Молодой подающий большие надежды казак с энтузиазмом взялся за дело. С пятью десятками казаков прочесал близлежащие земли к Полоцку. Нашёл всех!

Для старого атамана пришлый казачок перестал быть, перекасти поле. Это раньше у Богдана ничего не было. Теперь его семья вольное казачество. И для этой семьи он думал, что готов на всё.

ГЛАВА 5

Осада длилась уже больше недели. Пушки московитов не переставали палить по городским стенам. На самих стенах польские рыцари – гусары и наёмники отбивали по несколько попыток завладеть городом. Откуда у царя так много людей? Не уж-то и вправду всю Московию привёл, раз людишек служивых не жалеет. Думали защитники Полоцка. Хуже стала, когда неприятель подкопался под стены и взорвал бочки с порохом. Часть стены выгорела, открыв врагу, считай двери в город. Этот участок пришлось защищать неистово от полчищ стрельцов и татар. Гетман Радзивилл всё никак не приходил на подмогу. Неужели, посланные к нему гонцы были перехвачены казаками.

Под неутихающий ни на минуту бой воевода собрал совет. Чуть одаль от стен города в городской ратуше. Там хоть и слышны залпы пушек, но их ядра сюда не долетают.

- Что делать будем, паны? – с поникшей головой сидел воевода Полоцка.

Он только что узнал о пленении двух его гонцов. Третьему удалось бежать от татар, но в другую сторону. Обратное, в Полоцк.

- Помощи ждать, уже нет сил. Людей жалко. Милости у московского царя просить надо, – предложил епископ Арсений.

- Тебе, как человеку божьему только о милости и думать! – воскликнул, вставая Андрус Гессе. – От дьявола милости не жди! Мы до последнего битья будем.

- А, толку битья? Я упрошу царя пожалеть полочан. Он же христианин! – не унимался полоцкий епископ.

- У магометанина больше сострадания, чем у царя Московии, – вмешался в спор Гарислав Давыдыч. – Город сдавать не будем. Пока есть шанс выстоять, надо сражаться.

Не все разделяли мнение кастеляна Туравца. Виленский воеводич Ян Глебович, встал на сторону епископа.

- Ещё несколько дней и от города камня на камне не останется. Не будем злить зверя. Показали норы и бугры.

- Запасы тают, – наконец-то поднял голову воевода. – Наши схроны с хлебом наши. Не войско царя захватит город, раньше голод придёт. Сами к нему бросимся. Хлеба просить.

Станислав Давойна корил себя за оплошность с крестьянами. Надо

было друга послушать. Не отправлять людишек напрямиком в лапы царю. Они не только запасы хлеба сдали, так и подкоп помогли копать.

- Нам держаться надо! – опять закричал капитан наёмников.

- Что же ты пан Андрес так за чужой город радеешь? Погибнешь, денег не заплатят, – позлорадствовал воеводич Ян Глебович.

- Я этому городу присягал. И не в золоте дело, а в чести! – гордо выпрямился пан Гессе, посмотрев на пана Глебовича.

И понеслось. Заругались. Заспорили. Чуть в волосы себе не вцепились паны, выясняя, кто прав и смел. Их крики уже стали заглушать грохот орудий. Не участвовали в брани только два старинных друга Гарислав и Станислав. Они безучастно наблюдали за вознею благородной шляхты, забывшей в одночасье о своём происхождении. Как базарные бабы вели себя. Первым не выдержал пан Давойна. Стукнув с размаху кулаком по дубовому столу, крикнул:

- А ну, молчать!

И все, оглянувшись, уставились на воеводу.

- Как псы за кость схватились и лаете! Я вас позвал, думая советы дельные услышать. Ничего не услышал. Споры только! Я сам буду решать, что с городом делать. Сдавать или оборонять! – Станислав Давойна, глубоко дыша, перевёл взгляд с панов на друга. – А, ты, что скажешь, пан Азинский? Тебя хочу послушать, прежде, чем решу.

Верный друг Гарислав встал и отошёл к окну. Задумчиво посмотрел на город. Всё в дыму и гари. Люди с ушатами бегают пожары тушат, чтобы не перекинулись на другие дома. Несколько дней и ночей полочане не спят толком. Все в обороне участвуют от мала до велика. Даже всегда, стоящие в стороне евреи с помощью бегают. Им, царь Москвы, что семь бед библейских. Не понаслышке знают о кровожадности Ивана Грозного. С московских земель целыми общинами бежали, когда сын Василия третьего на престол взошел. Ну, да ладно. Не спят, так не спят. Не страшно. А вот, есть скоро нечего будет. Это проблема. Народа много. Очень много. И бестолкового. Раньше численность имела значение. Теперь же, в таком тяжёлом положении от лишних ртов надо избавляться. За городскими оборонительными стенами одиннадцать тысяч крестьян. Одиннадцать тысяч! С округи прибежали прятаться от разгула царёва войска. А те гуляют, что по кровавой реке плавают. Земли плодородные опустошили. Деревни пожгли. Людишек вырезали. Не щадят никого. Кем-то надо жертвовать. Вот одиннадцать тысяч в жертву и принесём. Всех рубить, устанут. Кого-нибудь и помилуют.

- Надо к замку отходить. Там стены покрепче, – посоветовал кастелян

Туровца. – И защищать его легче будет. Не так обширен. Дай бог, дождёмся твоего родственничка.

- А люди? – нерешительно спросил воевода. – Всем в замке места не хватит.

- А ты не обо всех думай, Станислав. О городе. Кто успеет, тот и выживет, – хладнокровно подписался под чужими жизнями кастелян.

Так совет и закончился. Воевода приказал оставить острог с посадами и отойти к замку. Но, опять отличился, совершив вторую самую роковую ошибку. По его приказу подожгли острог. Весь город окутал густой чёрный дым. Вражеское войско быстренько воспользовалось таким дармовым шансом. Перетащили пушки за городскую стену и принялись вплотную палить по замку.

ГЛАВА 6

Кастелян Туровца уже знал, что город не устоит. Ошибок было сделано много. Теперь ещё и пушки в самые ворота стучатся. Вот-вот и непрошенные гости войдут. О своей дочери суровый пан не забывал не на миг. Её с пасынками одну из первых в замок отправил. Перечила дочка. Не хотела уходить из дома без платьев и украшений. Хорошо, что старая ведьма Ижбета поддержала его. Вот от кого, а от неё помощи он не ожидал.

Сейчас спускаясь в подземелье с факелом в руках, любящий отец вёл за собою дочь. Лабиринты городского подземелья последний шанс спастись Янине.

- Вот пришли, – сообщил отец и открыл ржавую от времени дверь. – Идём.

Янина спокойно проследовала за отцом в темноту. Этот туннель она хорошо помнила. Ещё детьми с Богданом играли здесь. А дальше, налево, будет галерея из кирпичной старинной кладки с высокими сводами. Ещё немного и ниша в стене. В ней один кирпич выпал. Они с Богданом спрятали там два серебряных колечка. Наивные дети, мечтали надеть эти кольца в день своей свадьбы.

Подземная река разлилась в этом году. Хоть, и февраль, а воды много. Пришлось идти на носочках, поднимая подол платья. Один отец, не глядя под ноги, шлёпал по воде. Дойдя до маленькой уже знакомой ниши, кастелян остановился.

- Вот, здесь переждёте пиры Валтасара, – сказал Гарислав Давыдыч. – Ты, дорогу запомнила?

- Я её и раньше знала, – оглядываясь по сторонам, призналась пани. – С Богданом здесь бегала.

Вот отругать сейчас за побегушки по подвалам и подземельям непослушную дочь. Ай, да ладно! Прошрое уже.

- Полоцк падёт, милая, – вздыхая, сказал отец. - Они ворвутся в город, и храни тебя господь, не попадаться им на пути. Бегите сюда. Двери закройте за собою и тихо сидите. Дней пять не меньше. Потом переоденься в мужское. Бабой нынче опасно быть, – Гарислав посмотрел на дочку. Ну, и на мужика не похожа. В платье мужском и то возжелают. – Идите вдоль подземной реки. Она выводит ...

- Я знаю, куда речка приведёт, – перебила отца Янина. – К западной стене города.

Смышленная. Видно, с этим щенком безродным всё оббегала. Жаль, не прибил наглеца тогда. Чем ещё они в этих подземельях занимались?

- В бочке еда и вода, – Станислав указал, факелом в дальний угол. – На бочке одежда для тебя. Как уходить будите, переоденешься.

- Я поняла папа, – молодая княгиня, обняла отца. – А ты когда к нам присоединишься?

- Если жив останусь. В лагере Радзивилла найду тебя, – отец обнял дочь сильнее и поцеловал русые волосы. – Найду. Только сами дойдите. Не по дорогам идите, а троп держитесь лесных. Старая нянька твоя тропки знает. Всё по ним за травками бегала. Строго на запад, запоминай, доченька. Там лагерем стал наш гетман.

Что Радзивилл лагерем стоит и на врага не решается напасть, кастелян Туровца вчера узнал. К ним в руки попался стрелец. Залез на стену, но не убили в пылу сражения. Допросить решили. Лучше бы не знали правды. Такая, правда убила надежду на спасение. Гетман свои три тысячи на закляние Московскому царю не приведёт.

ГЛАВА 7

Бежать к спасительному подземелью пани с домочадцами пришлось в полной суматохе. Вражеские солдаты ворвались в город и такое началось. Боже, за что на наши головы наслал кару свою в лице тирана – азиата. Для Литвинов, считавших себя частью европейской культуры, грозный восточный сосед был азиатом. Почти, что магометанин.

Сбегая по ступенькам, Янине пришлось самой выстрелить в преследующего их татарина. Размахивая саблей, он ринулся в узкий коридор замкового подвала. Дочь кастеляна впервые сама испытала подаренный мушкет. Отлично стреляет! Наповал! Восхищаться оружием не пришлось долго, в любую минуту за этим могут прибежать и другие. Пани втолкала в открытые двери воющую няньку с Машей на руках. Слава богу, пасынка не пришлось заставлять в темноту идти. Сам побежал.

Ржавые двери закрыли на засов. Ярослав Алексеевич, хоть и мальчишка ещё, но посильнее своей мачехи оказался. Только добравшись до ниши, Янина вздохнула с облегчением. Можно, сказать спасены. Она села на бочку, а мушкет положила к себе на колени. От греха подальше. Пасынок всё косился на оружие. Возьмёт ещё и бросится мстить царю. А там, в городе, уже не бой, а резня настоящая. Московиты гуляют.

- Страшно, ой, как страшно, – усаживаясь в углу возле бочки, сказала Ижбета.

На колени к ней забралась Маша. Воспитанница тряслась всем телом. На её короткую жизнь такого ещё не было. Когда опричники в их имение ворвались, мать успела дочку с сыном спрятать у крестьян. Всю осаду падчерица не слезила с рук. То у няньки сидела, то к мачехе бежала, ища защиты от страшного грохота. Вот сейчас, видя, как мачеха расстроена Маша, решила поискать успокоения у Ижбеты.

- Ничего не страшно! – подал голос храбрец пасынок. – Если пани Янина, мне мушкет даст, я заставлю их восвояси удалиться.

- Да, ты что! – всплеснула руками мачеха. - От тебя побегут, что ли?

- Да! – похвастался Ярослав.

- А мушкет пустой. Ни пороха, ни пуль, – разочаровала его Янина.

- Ты собою не взяла? Как? – разозлился мститель. – Зачем теперь мушкет! Какой с него прок. Рогатиной и то больше поубиваешь, чем им.

Расстроился княжич. Отвернулся от глупой незапасливой пани. Ну, вот женщина и всё. Что с неё возьмёшь? А если найдут их в подземельях, как

обороняться. Мушкетом махать. Хорошо, что он об этом подумал. На поясе Ярослава Алексеевича висела сабля. Как все мальчишки того времени к пятнадцати годам, он сносно фехтовал. Сам кастелян учил. Отец мачехи хороший мужик. Жаль, дочка у него умом слабовата. Пасынок стоял у самого края с подземной рекою и водил носом сапожка по воде. Там войны за Полоцк бьются, а он, как трус отсиживается в укрытии. Ну, и кто он теперь? Дед Гарислав кровь проливает. Старый мужчина саблей без устали машет, а сын князя с бабами сидит. Вот позорище! Как отцу в глаза смотреть будет Ярослав. Пнул со злости камень княжич. Булыжник с эхом покотился по мощеному подземелью. Сам от неожиданности вздрогнул Ярослав.

- Ты, что делаешь? – прошипела злая мачеха. – Над нами город. Знаешь, как из сливных ям тебя слышно.

- Да, я тихонько, – зашептал в ответ, испугавшись, отрок.

Янина хотела ещё поругать пасынка, как по коридору, словно ветер, летели стоны и вопли. Они сливались в один страшный гул. Прислушавшись в этот предсмертный зов полочан, у дочери кастеляна замерло сердца. Маша захныкала, уткнувшись в няньку.

- Тише, милая. Это ветер гуляет, – попыталась успокоить воспитанницу, не меньше напуганная Ижбета. – Ветер... это ветер.

Только это был не ветер. Войско царя Ивана Грозного разоряло город. Их сабли кромсали людей без разбору, кто под руку попался. Насиловали, убивали, жгли. Полочане пытались спастись от неистовой жестокости московитов в домах. Даже крепкие двери каменных домов были для завоевателей не преградой. Разбивая дубовые толстые доски, стрельцы врывались. Вытаскивая хозяев на улицу, резали. Кровь, как дождевая река, текла по сливам в подземелье. Вскоре вода в подземной реке окрасилась в цвет войны.

Княжич стоял не подвижно, смотря на медленное течение. Ему, как и женщинам, было страшно от звуков, доносившихся с города. Желание мстить больше не посещало Ярослава Алексеевича. Идти к женщинам в нишу, он не хотел. Вдруг мачеха заметит побледневшее лицо и посмеётся над ним. Он не трус. Просто страшно. Очень страшно. Если один звук внушал такой дикий ужас, то во что повергнет вид.

Что-то холодное и липкое капнуло княжичу на лоб. Потом на нос. Он стёр с лица липкие капли и посмотрел. В тусклом свете факела, сын князя увидел красные пальцы. Мгновение он не мог сообразить что, это такое. И только, когда на него упало ещё несколько капель, он понял. Это кровь. Она просачивается сквозь мощёные улицы Полоцка, и каплями дождя

падает со сводчатого потолка.

Янина сразу заметила неладное с пасынком. Мальчишка резко стал растирать что-то по лицу. Отступился и упал в реку. От его крика, будто зазвенели многовековые стены. Эхо тысячами слов пролетело по всем галереям подземелья. Мачеха бросилась к пасынку.

- Замочи! – шёпотом кричала она.

Мальчика заткнулся, но эхо, порождённое им, ещё долго гуляло по подземелью. Ухватившись за барахтающегося в реке княжича, дочь кастеляна потянула его на себя. Мгновение и Ярослав сидел на каменном полу. Скрючился от холода. У недавнего храбреца зуб на зуб не попадал. Янина взяла мужскую одежду, предназначенную для её маскарада, и подала мальчишке.

- На. Переоденься, замерзнешь.

- Нннеееттт, – заикаясь, он отвернулся от мачехи.

- Я сказала, переодевайся! – уже приказала мачеха, бросив на него вещи.

Гордый княжич собрал брошенные в лицо одежды.

- А ты отвернись, – пропищал пасынок, уставившейся на него жене отца.

- Тоже мне скромный, – фыркнула Янина и отвернулась.

Недолго она пялилась на угол, где сидели нянька с Дашей. Когда возле её упал камзол пасынка, пани обернулась. Ярослав стоял спиной и не видел, что за ним наблюдают. Стаскивая одну вещь за другой, отрок предстал абсолютно голый перед голодными очами мачехи. Как же давно у неё не было мужчины, что она мальчишкой любит. Сама себя пристыдила пани Янина, но взора от юного тела не отвела. А её пасынок подаёт надежды в будущем быть красивым мужчиной. Вытянется ещё и возмужает. По-детски гладкую спину сегодня, лет через пять украсят шрамы не только от сабель врагов. Да и лицом он тоже удался. Кареглазенький, чёрнобровенький, губастенький. Ну, жуть красивый будет. Ах, вздохнула пани, жаль, что он её пасынок. С ним согрешишь и сразу в Ад. Не отмолишься.

Княжич оделся. Когда повернулся, его глаза встретились с серыми глазами мачехи. Такой интерес женщины к нему, заставил невинного юношу покраснеть. Да, не точно покраснеть. Его всего бросило в жар. Согрелся. А всего минуту назад стучал зубами от холода.

- Ты, что смотришь? – настороженно спросил княжич.

- Я же, считай, мать тебе. Что и посмотреть не могу? – бесстыдно улыбнулась мачеха. – И чего я там не видела?

- Я отцу про тебя расскажу, – бросило угрозу юное творенье.

- Ага, расскажи, как перед его женой гольшом стоял, – ответила угрозой на угрозу пани.

Пасынок потупил взгляд. Впервые ничего не смог ответить мачехе. Собрал мокрую одежду. Сначала хотел возле факела повесить и подсушить. Но, материал впитал в себя кровь из реки. Пани стирать не будет. Старая нянька тоже. Пришлось выбросить в воду. Надувшись, как сыч, сын князя сел в противоположном углу от жены своего отца. На бесстыжую дочь кастеляна Туровца, юноша старался не смотреть. А она, напротив, поняв, чем теперь можно шантажировать почти сыночка, глаз с него не сводила.

Янина посматривала на юного княжича, а сама вспоминала любимого. Ведь, именно в этих подземельях тогда они были не старше Ярослава. Как же любили они друг друга. Весь мир принадлежал только им в этих сырых мрачных подземельях. Богдан воспитанник двоюродного деда завладел сердцем панночки раз и навсегда. Если бы не амбиции кастеляна Туровца быть им мужем и женой.

Тот злополучный день пани Янина помнила хорошо. Отец, редко навещавший единственную дочь, вдруг приехал посреди года. Довольно сообщил, что жениха нашёл богатого и знатного. Магнат Жолевский ждёт не дожждётся свою юную невесту в Кракове. Вещи принялись грузить сразу. Отец не хотел упустить такого зятя. Дочери не дал опомниться, как карета готова была. Дорога скатертью ложилась на их пути. Без задержек добрались до замка Жолевского под столицей Короны. Весь свадебный день проплакала Янина. Любимого Богдана уже не надеялась, увидеть в своей жизни. Но, судьбы свои планы. Не прошло года после свадьбы, а к молодожёнам приехал дядя отца и с воспитанником. И жизнь снова заиграла красками. Обводить вокруг пальца старого супруга и венценосного любовника им легко удавалось. Несколько лет Янина и Богдан жили надеждой обвенчаться. И когда их счастье вот-вот должно было сбыться, всё рухнуло в одночасье. Один час уничтожил года ожидания. Янина молодая вдова. Король начал охладевать к любовнице, заметив другую юную особу. Дедушка отписывает Богдану земли. Ну, не сказка, ли? Жаль, что сказкам нет места в реальном мире. Проклятый москвит спасает короля! Короля спасает, а Янину губит.

Утирая выступившие слёзы, дочь кастеляна поднялась. Витая в прошлом она не заметила, как факел почти потух. Стоны всё ещё летали в подземельях, но не так уже слышны. Нянька Ижбета спала, обняв Машу. Пасынок тоже уснул сидя в углу. Одной пани не спалось. Просунув руку в пустоту их детского тайника, она достала колечки. Развязав узелок, опять

прослезилась. Надо же десять лет прошло. А ощущение, словно, вчера в руках держала. Потемнело немного серебро. Янина потерла об рукав платья колечко. Оно опять засеяло в потухающих лучах факела. И впору до сих пор. Теперь уже слезы реками потекли по щёкам.

«Где же, ты? В каких землях, любимый мой?», - думала пани Янина.

ГЛАВА 8

Царёво войско на славу погуляло в Полоцке.

Московский царь обещал всем, кто сдастся на его милость свободу и не разграбление имущества. Полочане поверили и сдались на милость. Но, помиловал царь только рыцарей Короны из польской шляхты. Им даровал шубы соболиные и отправил к Жигимунту Августу. А вот, литвинам пришлось сполна узнать, как милостив царь Московии. Всех евреев по его приказу согнали на лёд Двины и утопили. Топили не жалея ни малого ни старого. Полочан грабили, жгли, насильовали. Тысячи жителей Полоцкой земли по морозу погнали в Москву. Кого ждали темницы, а кого участь холопов бояр.

Когда натешилось войско, за казнь принялся сам царь. Не присягнувших ему, карали по-зверски. Особенно, досталось последним защитникам Полоцкой твердыни. Несколько рыцарей Короны и литовская шляхта не захотела сдаваться в руки кровожадного царя. Закрывшись в маленькой крепости, они отбивались ещё несколько дней. Силы в этом последней бою были не равны. Израненных и измождённых героев захватили царёвы воины. Среди этих пленных был и кастелян Туровца. Раненый Гарислав Давыдыч ждал своей очереди на плаху. Опёршись о плечо Андреса Гессе, спокойно взирал на работающего палача.

- Вот и Семеон Альгердыч богу душу отдал, – сказал, перекрестившись, шляхтич.

- Добрый был человек, – согласился Андрес. – Устал палач. Рубит слабо.

- Да, – тяжело вздохнул кастелян. – Пока до нас дойдёт совсем ослабнет. Того гляди голову не сразу сшибёт.

- Как не устать, когда с рассвета машет. Вон, смотри, – указал наёмник на мощёные камни под плахой. – Кровь уже рекою льётся. Так и море кровавое на месте Полоцка будет.

- А ты на море бывал? – спросил Гарислав Давыдыч просто так.

- Бывал. Красиво море. Бескрайнее ... – тоскливо сказал Андрес.

Кастелян Туровца тоже видел море. Несколько лет назад ездил с посольством в Рим. Дочь с ним просилась. Не взял, а теперь вот жалеет. Жалеет ещё и что отцом был плохим. Всё замуж и замуж по расчёту выдавал, а надо было по любви. Может, и внуки уже были. Хоть умирать не страшно было бы. Всё-таки кого-то после себя оставил. А теперь вот иди,

голову сложи под топором палача. В этой голове мыслей тысяча. Все, как дочка до лагеря Радзивилла доберётся. Одна с детьми и старой бабкой. На земле Литвы не спокойно. Московиты без опаски по его родине гуляют, да непотребства чинят. Того гляди дочь на таких удальцов без Бога в голове нарвётся. Пока кастелян в плену был, чего только не насмотрелся. Тоже мне православные! Храмы и церкви пожгли. Ничего святого.

- Ты почему на службу к царю не перешёл? – вдруг спросил кастелян.

Много наёмников присягнуло победителю. Им – то всё равно, кто золотом платить будет. Наёмник и есть наёмник. Свой клинок подороже продал и живи дальше. Да, и литовские шляхтичи на колени попадали перед чужим царём. Жить захотелось. Таких гордых, как Гарислав тоже немало. Но, наёмник один.

- Для меня честь дороже золота, – выпятив грудь, признался капитан наёмников.

Честь? Усмехнулся кастелян. Прижинулся чужеземец на Полочине. Жена красавица литвинка и детишки. Об их судьбе Андрес ничего не знал. Не успел, как кастелян спрятать понадёжнее родных. Вот и быстрее хочет душу богу отдать, чтоб там с ними встретиться. Надежда, что семья Гессе спаслась в разгуле царёва войска мизерная.

- Здрав будь, Гарислав Давыдыч!

Кастелян Туровца вздрогнул от неожиданности. Вот кого-кого, а этого человека он вообще не ожидал увидеть в последние минуты жизни. Жив щенок безродный. Хотя, что с таким проходимцем станется. Везде прибьется и жить будет.

- Да и ты, как я погляжу, не хвораешь, – процедил сквозь зубы Гарислав Давыдыч. – А вот, мне уже и не поздоровится.

Возмужал Богдан. Усики отрастил, чуб выбрил. Ну, как настоящий казак с Украины. А глаза недобро смотрят на кастеляна. Помнит шельмец, как убегал от пуль с мушкета пана Азинского.

- Так вижу, что не за благословением в церкви стоишь, – подходя ближе, сказал Богдан.

- Что же, ты, с врагом пришёл мстить за доброту? – зло посмотрел на предателя пан Азинский. – Тебя, щенка неблагодарного, мой дядька, как сына растил. Полоцк тебе городом родным был. Эх, ты!

Пристыдить за предательство хотел Гасислав Давыдыч не состоявшегося зятя. Только молодой казак стоял ухмыляясь. Кому-кому, а старому кастеляну нечего учить благородству. Сам не без греха.

- Я с атаманом своим пришёл, а он с царём. И не тебе меня ругать, – оправдался казак.

- Ну, так я и поверил. Пришёл мстить мне зато, что дядьке глаза на правду открыл. Ты же позором нас Азинских покрыл! Дочь мою совратил и обманом жениться на ней хотел. Змею мой дядька на груди пригрел. Царство ему небесное, – и перекрестился Гарислав Давыдыч.

- Так помер воспитатель мой? – погрустнев, спросил Богдан.

Первым делом, когда войско в город ворвалось, молодой казак бросился к дому старого пана Азинского. Надеялся, спасти от своих же товарищей жизнь опекуна. Но, дом был пуст. Тогда Богдан принялся искать пана среди убитых и пленных. Икал несколько дней и нашёл пана Азинского, но другого. Того, которого видеть никогда не желал. Да, и спрашивать с него за обиду уже и не хотелось. Вдоволь кровушки насмотрелся Богдан. И к тому же, Гарислав Давыдыч отец Янины. Не будь его, не было бы и такой красавицы, пленившей навсегда сердце казака.

- Помер. Схоронили ещё за месяц до войны, – со вздохом сказал кастелян. – Радуйся. Нет больше твоих врагов. И меня сейчас казнят. Смотреть – то будешь?

Богдан поднял глаза на кастеляна Туровца. На что смотреть, как старому человеку голову отрубят. Нет. Не будет. Насмотрелся уже. Жалко стало отца любимой. Раненый. Чуть стоит, а держится как? Гордо! И страха в нём нет перед участью своей незавидной. Трусов в роду панов Азинских никогда не было. Хитрецов, лжецов, коварных этих хоть отбавляй. А трусов нет.

- Что мне радоваться, Гарислав Давыдыч? Смерти тебе я не желал. Даже если бы в бою встретились, моя рука саблю на тебя не подняла, – признался Богдан.

- А что, так? Воин и врагов не бьёшь? Я бы не жалел тебя, – сказал племянник Франциска Семеоныча.

- Право твоё, пан, было бы. Убивать меня или миловать в бою. А я отца Янины убить не смог бы и на казнь смотреть не буду, – опустил голову казак.

- А что так? – не унимался недоверчивый пан.

- Люблю я твою дочь ,и любить буду, – не поднимая глаз, признался Богдан.

Стоящего впереди пана Льва Хрестеня потянул на плаху стрелец. Скоро и за Гариславам Давыдычем придёт слуга царёв. Времени мало. Ох, как мало осталось пожить на этом свете. Дурное дело не хитрое. Раз и головы нет. Быстро.

Пан Азинский посмотрел на поникшего Богдана. Может, сам господь его сюда привёл, чтобы Янину спасти. Самой дочке с пасынками до лагеря

Радзивилла нелегко будет добраться. Провожатый нужен. А чем влюблённый Богдан не провожатый. Проведет и защитит кровиночку его. Доченьку Янину. Помирать под топором палача спокойней будет отцу.

- А Янину увидеть хочешь? – спросил пан.

Казак поднял голову. Глаза загорелись. Грудь задышала тяжело. Не уж-то, Гарислав Давыдыч издевается над ним. Как не хочет? Хочет. Ещё как хочется увидеть любимую Яниночку. Свет его очей.

- Хочу! – твёрдо сказал Богдан.

- Так здесь она, – огорошил его пан.

Радость на лице сменилась мгновенно негодованием. Сума что ли сошёл старый пан. Дочку в такое не спокойное время, считай, на границу приволок. Чем думал Гарислав Давыдыч?!

- Ты - старый пень! Ты хоть знаешь, что здесь с паненками делали? – чуть не заорал на пана Богдан.

Тот выпрямился. Прижимая руку с тряпкой к боку, закрыл рану сильнее. По лицу пробежал отголосок боли. Но, из уст пана не вырвался ни один стон. Только прищутив хитро глаза, отец Янины прошептал:

- Знаю, что с девками творят служивые. Сам не раз города брал. Я Богдан не дурак. Дочку спрятал, – и усмехнулся. – Так спрятал. Никто не найдёт, а ты отыщешь.

- Где она? – уже повелев, спросил казак.

Но, тут руки стрельца потянулись к Гариславы Давыдычу. Схватив пана, стрелец пихнул его вперёд. Богдан встал между стрельцом и отцом любимой. Стрелец зло скривился. Наставил на мятежного казака пицаль. Мол, отойди, а то убью. Богдан даже и не думал отступить. Если его своеволие заметят другие стрельцы, стоять ему на коленях вместе с паном перед палачом.

- Дай нам попрощаться, будь христианином, – попросил пан. – Потом я сам на плаху взойду. Тянуть меня не надо.

- Быстрее только, – опустив пицаль, сказал стрелец.

А чтоб место не пустовало, потащил Андреса Гессе. Наёмник бросил пану:

- До встречи в аду, Гарислав Давыдыч! – и сам пошёл к палачу.

- Сейчас встретимся, Андрес! – отозвался пан Азинский.

Богдан и кастелян Туровца проводили взглядом наёмника ступенек. Смотреть дальше не стали.

- Где Янина? – повторил свой вопрос нетерпеливый влюблённый.

- Там, где вы впервые слюбились, – ответил пан.

В подземелье... Да, молодец кастелян. Так хорошо дочь спрятал.

Никто не найдёт среди лабиринтов под Полоцком. Не зная извилистых туннелей подземелья, можно заблудиться. Навсегда остаться во мраке сырых каменных галерей. В последний раз Богдан там был десять лет назад. Вместе с Яниной прятались от вездесущего взора Ижбеты. Столько времени прошло, а дорогу до их тайного места он мог закрытыми глазами найти.

- Ну, пошли, – сказал подходящий к ним стрелец.

Пан Азинский глубоко вдохнул и посмотрел ещё раз на Богдана. Может, и не прав он был. Не щенок алчный воспитанник дядьки. Любит дочь кастеляна. По глазам видно, что любит. Вон, как загорелись чёрные глаза казака.

- Дочку сохрани мою. Не сохранишь, с того света прокляну! – прошептал Богдану пан Азинский.

И когда на плаху всходил гордый кастелян Туровца, крикнул вдогонку Богдану:

- Прокляну, слышишь! Прокляну!

Больше казак ничего не слышал. Только глухой стук топора о колоду. Так закончил свою жизнь хитрый, но гордый кастелян Туровца. Не только хорошими делами прославился, но и самыми мерзкими тоже.

ГЛАВА 9

Никогда так счастье не переполняло Богдана. Его любимая здесь в Полоцке. Совсем рядом была всё это время. Если бы знать об этом раньше, то уже скакали они в свободную Сечь. Нет больше ни строго отца. Муж её далеко. Королю не нужна. Кто станет на пути их счастья? Никто. Больше Богдан никому и ничему не позволит разлучить их.

Окрылённый надеждой на скорую встречу, молодой казак вскочил на коня. Вскочил, а рвануться вперёд не успел. Дорогу преградил Остап.

Ухватив под уздцы, остановил уже рвущегося коня.

- Я его повсюду ищу, а он собрался за город, – сказал друг.

- Чего тебе, Остап? – вырывая уздцы, спросил казак.

Остап осмотрелся вокруг и поманил пальцем. Мол, нагнись ниже, узнаешь.

Любимчик атамана наклонился.

- Тут не довольны казачки, – прошептал Остап. – Царёво войско недавно по Дону гуляло. Нас казнило, что хана крымского на место поставили. Теперь братьев по вере здесь казнят. Не нравится это многим.

- И что? – спросил, недоумевая Богдан.

Про это он давно знает. Сам Ермак вчера ушёл и казачков своих забрал. Границы открыты. Защищать казацкие степи от хана и османов некому. Все здесь в крови купаются. Надоело. Не для этого сюда шли. Шли панов припугнуть. Припугнули, а простых людишек кромсать не славою себя покрывать. Своеволие атаману Ермаку царь припомнит. И не только ему. Всех милостями осыплет Иван Васильевич.

- Как что? – удивился Остап. – Наш атаман тоже подумывает за Ермаком податься. Говорят, он Сибирские земли пойдёт завоевывать. А пока на Дон порядок наводить.

- Так меня чего искал? Новость рассказать. Я её знаю, – гарцевал на Грязи молодой казак потихоньку вперёд.

- Тебя Буйносов искал. Нужен ты ему.

- Как вернусь, так сразу к нему! – пришпорив коня, крикнул Богдан.

Жеребец встал на дыбы и рванулся к городским воротам. Какие атаманские дела, когда его Янина совсем рядом.

- А куда ты? – крикнул вдогонку Остап.

Молодой казак вместо ответа, махнул нагайкой. Её свист в воздухе стал лучшим ответом. Некогда разговаривать Богдану. Спешит очень.

Вход в подземелье воспитанник старого пана Азинского сразу нашёл. Привязал коня у самой реки в овраге, чтоб в глаза не бросался почём зря. Сошёл к подмерзшей речке. Её вода подмывала выложенные камнем берега, прежде чем влиться в буйные воды Двины. Скажи Богдан своему атаману о тайном входе в Полоцк, то и осады бы не было. Захватили город за одну ночь. Хорошо, что не сказал. Тогда бы и Янину живой увидеть не было надежды. Согнувшись пополам, Богдан просунулся в узкий проход. Раньше хоть железные решётки были. От любопытных глаз сточный туннель прятался зимою в овраге и метровыми сугробами. Весною половодьем, доходившим до самых стен города. Летом буйной растительностью. Кустов в овраге на берегу, что в шляхетском фольварке.

Темнота. Кромешная темнота в туннели. Ничего не рассмотришь, как не пытайся. Чиркнув огнивом, Богдан подпалил заранее приготовленный факел. Знал, что понадобится. Тьма отступила, и казак пошёл навстречу своей любимой.

ГЛАВА 10

Уже несколько дней они сидели в подземелье. Факел догорел до головешки. Свечи, запасённые отцом, тоже подходили к концу, как, впрочем, и еда. Воды пока хватит дней этак пять-шесть. А потом придётся покидать своё безопасное место. Отца Янина дожидаться не будет. Он опытный и, не смотря на возраст, сильный воин. Доберётся сам до Радзивилла. Вот им придётся поспешить. Охотился в зимнем лесу, Янина не умеет. Княжич тоже. К тому же, лесные тропы не безопасные. Особенно зимой, можно нарваться на кого угодно. От разбойника до волка. Разбойник, конечно, хуже. Зверь огня боится, а человека огненной палкой не напугаешь. Жаль, лошадей нет. Без них дорога до спасительного лагеря рыцарей Короны вдвое длиннее покажется. Сугробы огромные. Пешими, попробуй, перейди. Опять же Машу придётся нести по очереди. Девочка слишком маленькая идти самостоятельно зимой.

Расхаживая взад и вперёд по галереи, думала Янина. Уходить надо и быстро из Полоцка. Ночью. Желательно в безлунную ночь, чтоб не видно было. Она не сразу заметила отблеск на стенах от приближающегося факела. Незванный гость шёл со стороны городской стены. Неужели, нашли вход в подземелье враги?

Янина тихонько подошла к своим.

- В нишу, живо! – скомандовала княгиня и прижала палец к губам. – И молчать.

Пасынок вытащил саблю. Подчинятся мачехе и не думал. Янина бросилась к нему. Схватила за рукоять.

- Отдай мне и к Ижбете иди, – вырывая с рук мальчишки саблю, сказала Янина.

- Я один из мужчин остался и это мой долг защищать вас, – гордо заявил Ярослав.

Только дочь кастеляна с эти утверждением категорично была не согласна. Времени оставалось очень мало. Сейчас гость завернёт к ним по коридору и тогда шансов на спасение совсем не будет. Вжавшись в нишу и потушив свечу, они могут остаться незамеченными. Их скроет мрак и тени от факела чужака. Он пройдёт мимо. К тому же, неизвестно, сколько их там. Один мальчишка против того же одного стрельца не воин.

- Я сказала, саблю дай! - шепотом крикнула Янина и рванула рукоять на себя.

Не ожидавший от женщины такой прыти, княжич разжал руку. Мачеха затолкала его в нишу к няньке с сестрой. Затушила свечу и встала стеною между ними и непрошеным гостем. Она держала саблю наготове. Обращаться с холодным оружием, как и с мушкетом, Янину научил Богдан. А его Франциск Семеоныч. Двоюродный дед в своё время был лучшим из лучших витязей Великого Княжества Литовского.

Свет приближался. Медленно полз по каменным стенам коридора. Чем ближе свет, тем сильнее колотилось сердце в груди дочери кастеляна. Она уже слышала крадущиеся шаги. И тяжёлое дыхание чужака. Резко ударивший свет в лицо, ослепил княгиню. Сощурившись, она бросилась на невидимого врага. Мгновение и сабля грохочущим эхом отлетела в стену. А сильная рука прижала к широкой груди.

- Вот так ты, друзей встречаешь, Янина? – до боли знакомый голос, заставил сердце замереть.

Оно уже не колотилось, как безумное, от страха. Её сердце замерло, не веря ушам и глазам. Богдан. Бог услышал её молитвы. Всевышней вернул Янине любимого. Прижавшись уже сама к нему, чужая жена заплакала.

- Я ждала тебя. Я молилась каждую ночь, чтобы господь тебя хранил. Любимый мой, – шептала пани.

- Он и хранил меня для тебя, любимая, – прошептал Богдан.

Факел упал на камни коридора, когда его руки обняли дочку кастеляна. Губы сами потянулись друг к другу. Целуясь, они не заметили, как сын князя поднял саблю. Подойдя к любовникам, наставил на них наточенную сталь.

- Отойди от княгини, казак! – приказал княжич.

Богдан посмотрел на мальчишку. Прижав сильнее к себе его мачеху, усмехнулся. Такой малой, а злости, сколько в глазах. Добрый воин выйдет, если по глупости голову под саблю не подставит. Что сейчас и делает.

- А то что? – спросил Богдан, задирая княжича.

- А то, убью! – прорычал пасынок возлюбленной, не сводя глаз с наглого казака. – Она жена моего отца. Княгиня Боголюбова. Ты и смотреть на неё права не имеешь, не то, что обнимать.

Казака эти слова только раззадоривали. Какой-то мальчишка с саблей на его бывалого воина кидается. Смешно, да и всё тут. Княжич против Богдана и минуты не выстоит. Мальчишка! Храбрости много, а ума нет.

- Она была моей до отца твоего. Моею и останется. А ты, саблю опусти и попусту не маши ей. Порежешься ещё! – всё тем же задиристым тоном говорил Богдан.

- Сказал, отойди от мачехи, – не унимался княжич.

Давнему другу Янины ничего не стоило выбить из рук мальчишки саблю. Только Богдан не захотел проучить храбреца-наглеца. И лишний шум не нужен.

- Саблю опусти. В последний раз говорю. Больше повторять не буду, – пригрозил казак и уже сам наставил на княжича оружие.

На княжича угрозы не подействовали. Стоял на своём и не отступал. Не отступал, пока из тьмы не вышла Ижбета с Машей.

- Тебе, что не ясно сказано? Ну-ка саблю в ножны, мальчишка! – приказала нянька.

Старуха умела убеждать одним своим взглядом. Строгая, когда не слушаются её. Княжич саблю убрал и скрестил руки на груди. Недовольная гримаса придала лицу Ярослава женские черты. Его надутые губы и поднятый вверх нос, вызвали усмешку у няньки. В мужчину поиграть не дали.

- Здравствуй, Богдан! – сказала Ижбета, подходя ближе.

- И ты, здравствуй! – ответил казак, не разжимая объятий.

Янина стояла, уткнувшись в широкую грудь любимого. Всё ещё не веря, что он реальность. Так часто дочери кастеляна снились сны их встречи. В них она так же ощущала его прикосновения, слышала дыхание и биение сердца, но стоило открыть глаза и всё. Сон растворялся в ярком свете утреннего солнца. Вот и стояла пани, зажмурив глаза, боясь потерять своё счастье.

- Возмужал, так и не признаешь сразу, – любовалась Богданом нянька. – По взгляду только узнаешь. Такой же дерзкий.

- Так и ты старая не изменилась. Такая же ворчливая.

- Как нашёл нас? – спросила Ижбета.

В отличие от своей бывшей воспитанницы, она не прибывала в эйфории от встречи с Богданом. Дался он ей, когда мальчишкой был. Всё норовил с Яниной сбежать подальше от присмотра Ижбеты. Девочка её рядом с Богданом голову теряла. На край света убежала бы, только позови он Янину. Вот и сейчас зачем вернулся. Не во благо эта встреча. И не случайная.

- Пан Азинский подсказал, – сказал Богдан.

- Отец? Он жив! – оторвавшись от любимого, обрадовалась дочка Кастеляна.

- Был жив, – опустив голову, сказал казак.

- Что значит, был жив? – уже отошла от него Янина.

- Казнили его сегодня. Я перед самой казнью его увидел, – словно повинился Богдан.

Янина прижала ладони к лицу и заплакала. Так потерять отца она не хотела. Дочка верила, что они встретятся в лагере Радзивилла. Не мог кастелян Туровца последний свой вздох сделать на плахе. В бою, но не под топором палача.

Богдан обнял любимую. Только в этот раз, прижимая к себе, пытался успокоить.

- Он сам сделал это выбор. Гарислав Давыдыч мог присягнуть царю и живой остался бы. Не присягнул, – глядя по русым волосам любимой, шептал он.

- Пан Азинский человеком чести был. Два раза присягать не по нему, – сказала Ижбета.

С глаз старой няньки не упала не одна слеза. Страшная новость опечалила её, но слёзы давно высохли. За такую длинную жизнь Ижбета схоронила многих близких ей людей. По пану она поплачет, но потом.

- А что же, не на плахе? С ними пришёл, – взяв на руки Машу, сказала нянька.

- Не с ними, с атаманом своим, – оправдался во второй раз за день Богдан.

- Убивать людей, которые тебя своим считали? - Не унималась Ижбета.

Уже и Янина отстранилась от Богдана. С упрёком посмотрела на него.

- Ты предал и меня, – не опуская своих серых глаз, прошептала пани.

Её предать? Никогда! Богдан жизнь свою готов за неё отдать. Только бы она жила. Предать самого любимого человека на земле он неспособен. Кого угодно да! Но, не её. Упав пред дочерью кастеляна на колени, Богдан бросил под её ноги саблю.

- Я никогда не предаю тебя. Весь мир утопить готов в крови за тебя одну. Я голову сложу, только бы ты счастлива была. Я тебе присягал. Вот здесь, на этом самом месте. Помнишь? Я люблю, и буду любить тебя, Янина. Если не веришь мне, то моей же саблей и убей, – и склонил свою голову Богдан.

Конечно, она помнила тот день. Как забыть, когда клялись друг другу в любви. Десять лет прошло, а он ни разу не предал её. Янина не поверила бы никому другому. Годы при королевском дворе научили не доверять, так детским клятвам. Но, любимому она верит. Пани опустилась рядом с ним на колени. Обняла буйну голову казака.

- Я верю тебе, любимый мой, – целуя его, сказала Янина.

Богдан одним рывком поднялся с каменного пола и подхватил на руки свою пани. Слишком долго они были в разлуке, чтобы ссориться. Для них

не имеет значения кто – кому служит. Самое главное они снова вместе. Они знают друг друга. Их любовь вот, что главное.

ГЛАВА 11

Богдану не хотелось покидать свою возлюбленную. Несколько часов в подземелье пролетело незаметно. Если бы необходимость в лошадях и одеждах для побега, то он бы никуда не ушёл. Провёл целую ночь в каменных галереях под Полоцком. Им двоим выпал всего час наедине. И времени они зря не теряли. Уединившись в одном из коридоров, любили друг друга. Годы, проведённые вдаль, не повлияли на их чувства. Казалось, что любовь стала ещё крепче. Страсть безумней.

Целуя свою Янину, казак шептал:

- Нас не разлучат больше. Ты уедешь со мною в Сечь. Я не отдам тебя, любимая.

Она отвечала, прижимаясь к нему ближе:

- Уеду, но сначала надо вернуть детей князю. А потом я твоя навсегда. Я пойду за тобою, милый мой.

Они были счастливы в своём темном сыром мирке. Только в подземельях между ними не стояли происхождение и родовитость. Именно здесь богатство не имело значение. Они были равны и так счастливы. Но всё хорошее, как и плохое уходит со временем. Это неуклонно движущееся время не ждёт опоздавших. Не спокойно в Полоцке. Царь и его войска разгулялись на славу. Никого не щадят. Уже и своих казнить начали. Уходить надо быстрее.

Они ещё долго стояли, обнявшись в темноте. Янина никак не хотела отпускать любимого, боялась потерять его вновь. Только отпустить пришлось.

- Я скоро приду, будьте готовы, – пообещал Богдан, скрываясь во мраке.

Дочь кастеляна всматривалась в чёрную мглу подземелья, провожая любимого. Она не видела его, только слышала удаляющиеся шаги. Янина осталась стоять неподвижно, даже когда шаги и вовсе перестали быть слышны. В подземелье вновь воцарилась гробовая тишина. Такая тишина способна напугать любого, но не пани Янину. Будучи ещё маленькой девочкой, она искала в этих подземельях родного города покой от суеты и всегда его находила. Сегодня, правда, на её сердце было неспокойно. Оно колотилось и замирало одновременно. Чужая жена боялась за любимого мужчину. Пережить новую разлуку с ним гордая пани не сможет.

Кутаясь в оббитую лисьим мехом накидку, Янина не заметила, как

подошёл пасынок. Он словно подкрался к мачехе, погрузившийся в свои страхи.

- Он мне не нравится, – сказал княжич.

Его голос эхом пролетел по коридорам.

Янина вздрогнула от неожиданности.

- Пту на тебя! – плюнула на пасынка Янина. – Богдан, не девица, чтоб тебе травится.

- Я не об этом, – обиделся мальчишка.

Мачеха строго посмотрела, сузив глаза.

- Главное, что бы мне нравился, ясно! – твёрдо сказала Янина.

- Ты - жена моего отца, а с чужим мужиком любишься. Ты позоришь нас! – учить принялся недоросль.

Такое поучение взбесило своенравную пани. Вставив руки в бока, она посыпала на него тираду скопившейся злости.

- Да, что ты знаешь о позоре, мальчишка? Не тебе меня судить! Я им одним, сколько себя помню, жила и живу. Если бы не твой отец, я замуж за него вышла. Я счастлива с ним была бы!

- Так говорят непотребные бабы! – воскликнул княжич.

- А баб непотребных много знаешь? – спросила Янина.

Княжич потупил взгляд. Жена князя Боголюбова с трудом сдержала себя, чтобы не ударить наглого пасынка по лицу. Учить её вздумал! Мальчишка! Да, что он знает о жизни?

- Вот как полюбишь, так и поймёшь меня. Поймёшь, как жить без любви, – прошептала Янина Гориславовна, обходя пасынка.

Полумрак в нише скрыл её от глаз княжича. Сегодня ей вдвойне не хотелось ругаться и выяснять отношения с сыном мужа. Она потеряла отца и обрела любимого. Более необычного дня в её жизни не было. Даже не знаешь, как реагировать на утрату и встречу. Плакать или радоваться? Счастье не полное и горе не беспросветное.

Янина села в углу ниши. К ней приползла Маша, выбравшись из объятий храпевшей няньки. Маленькими пухленькими ручонками падчерица, принялась гладить Янину.

- Мамочка, ты не уйдёшь от меня? – её тоненький голосок, заставил мачеху пустить слезу.

Янина обняла девочку, прижав к себе.

- Нет, – прошептала на маленькое ушко пани, - тебя, моя доченька, не брошу.

А сама подумала. Сможет ли она забрать чужую дочь собою? И куда? В Сечь? Расстаться с Машей будут тяжело. Да, и не сможет уже. Слишком

сильно прикипело её сердце к маленькой девочке. Богдана отпустить, тоже нет сил. Гордая пани стояла на распутье. По какой дороге ей идти? По той, что ведёт к любви? Или той, что ведёт по законам человеческим? Сердце или долг? Что ей выбрать? Теперь этот сложный выбор лежал на совести пани Янины. Отца больше нет, и никто не вразумит её. Не остановит. Выбирать неверной жене не хотелось. Не сегодня. Не сейчас. Она оставила всё как есть. Оставила на потом это сложное решение в своей жизни.

Прижимая Машеньку, Янина уснула. Впервые за долгие годы ей снился не Богдан, а отец. Родитель строго смотрел на непокорную и своенравную дочку. Кастелян Туровца, словно, ожидал от неё этого решения именно сейчас, а не потом. Потом будет слишком поздно.

ГЛАВА 12

Богдан не дошёл до выхода из подземелья. Свет от чьего-то факела рассеял тьму в длинном узком коридоре. Казак спрятался за углом. Достав нож, принялся поджидать незваного гостя. То, что это один человек, он не сомневался. Не слышно голосов и топота от ног.

Чужак только завернул, как Богдан набросился на него. Приставил нож к горлу. Незнакомец от неожиданности разжал пальцы, факел упал на мощёный пол подземелья. Чуть приглушённый свет всё же смог осветить чужака. Богдан сразу узнал своего друга, не видя лица. Только у Остапа шапка ярко-красного цвета и густо обшита дорогими соболями. Трофей с недавнего грабежа купцов на Дону.

Хоть друга и признал, но убрать нож не спешил. Богдан ещё сильнее вжал острое лезвие в кожу.

- Что же ты следишь за мною, друг мой? – прошептал на ухо ему Богдан.

Остап поднял кверху руки, показывая, что безоружен.

- Я думал, ты бросил меня и за казачками Ермака подался, – он осторожно сглотнул слюну, всё-таки нож у самого горла. – Я следом за тобою, а ты сюда заглянул.

- И что? – спросил не всё не верящий другу Богдан.

Его рука прижала лезвие сильнее. Да так, что Остапу и дышать тяжело стало. Зажгло болью на коже. Для Богдана безопасность любимой была на первом месте. Молодой казак никому не верил. Он достаточно видел несправедливости и предательства на своём ещё коротком веку, чтобы знать цену слепой веры. Сегодня друг, а завтра недруг. Вот, правда жестокой жизни.

- Да погодь, Богдан, – чувствуя, что рука друга не дрогнет если что. – Мы на крови братались, помнишь? Что же ты брата названного убьёшь?

- Убью, если надо будет, – решительно заявил Богдан.

- Я за тобою в пекло пойду. Ты мне, как брат родной, – говорил, задыхаясь, Остап. – Тайна твоя – моя тайна.

- Кто тебе сказал, что я таю что-то? – занервничал Богдан.

- Так ясно же! – попытался усмехнуться названный брат. – Коня спрятал у реки. Сам полез в подземелье. Да и когда город осаждали, ты про этот тайный ход никому не сказал. Утаил от атамана и меня. Значит, причина была. Мы с тобою огонь и воду прошли, а ты до сих пор не

доверяешь мне. Я для тебя, что на блюде. Всё о себе рассказал. А ты только ночью болтаешь. Обрывки невнятные. Имя одно бабское шепчешь. Зовёшь её всё: «Янина. Янина». Хотел бы я тебя предать, давно бы предал.

Обидно стало Остапу. Он друга несколько раз от смерти в бою спасал. Спину прикрывал, и доверия не заслужил. Клятвы на крови для верующего донского казака не пустой звук. За брата он готов и на плаху пойти. Это же брат. Пусть не родной, но самый близкий.

Богдан убрал нож с горла друга. Тот сразу прижал ладонь к шеи. Вроде не порезал. А казалось, что вот-вот железо врежется под кожу. Или врезалось уже. Так горело под лезвием остро наточенного ножа.

- А что часто говорю по ночам? – спросил Богдан, убирая нож в сапог.

- Как к Полоцку пришли, так каждую ночь бабу эту зовёшь. Кто она? – любопытствовал Остап.

Для друга Богдан был загадкой. Многие красивые девки сума по нему сходили в Сечи. Не только дочери атаманов и казаков, но и жёны готовы были к такому видному мужику уйти. Богдан гулял с красавицами, а жениться не обещал. В набегам басурманок в наложницы, как все казаки не брал. Потешится и товарищам отдаст. А тут, оказывается, у Богдана хозяйка сердца есть. Некая Янина.

- Дочь шляхтича, к которому у меня должок был. Здесь она в подземелье, – ответил казак.

Друг улыбнулся и похлопал Богдана по плечу.

- Нашёл Янину свою. Ай, да молодец! Теперь в охапку и в Сечь! – хвалил и советовал товарищ.

- Не всеет так просто, Остап. Она замужем за царёвым изменником – князем Боголюбовым. Царь его род весь казнил. Этот только бежал. И куда? К врагам. В Корону с Литвой. Да и дети князя с ней, и нянька ещё. В Сечь такой толпой через разъезды не проскочишь. Один я не сдюжу против десятка. Коней ещё надо. Одежду. Зима на дворе, – говорил Богдан.

- Эх, ты! А я зачем? – поднимая факел, спросил Остап.

- Остап, если поймают - казнят, как предателей. Подумай, – предостерёг товарищ.

Товарищ только широко улыбнулся. Да так, что свет отблёскивал от белоснежных зубов казака. Для Богдана ничего не жалко. Жизни тоже.

- Если уходить, то сегодня. Небо уже затянуло. Луны не будет.

Осветив коридор, Остап толкнул вперёд поникшего друга. Нет ничего невозможного. Где не пройдёт один, двоим раз плюнуть.

- Да и домой я захотел, – расправив плечи, признался Остап.

- А нам не в Сечь. В лагерь гетмана Радзивилла заглянуть придётся, –

наметил следующую остановку Богдан.

- К гетману, так к гетману! – поддержал верный друг.

Друзья вышли из подземелья. Ночь, и вправду, была тёмная. Очертания луны не пробивались сквозь плотные серые тучи. В такую ночь только и бежать, куда глаза глядят. Дороги то не видно.

Вскочив на своих коней, казаки поспешили в Полоцк. Времени в обрез. С рассветом их побег не останется не замеченным. После ухода Ермака за казаками стали особо приглядывать.

ГЛАВА 13

В Полоцке друзья быстро нашли лошадей. После битвы их много было. У каждого вояки минимум по два. Купили лучших коней за золотые побрякушки. Зная Янину, Богдан выбрал ей строптивую, как и сама, лошадку. Няньке потише норовом кобылу. Пасынку любимой коня покупал Остап. Малого не знал ещё, но был уверен, что княжичу надо быстрый жеребец. Остап протестовал. Мал ещё да глуп. Не справится с таким конём. Друг настоял на своём. Зачем юнца на клячу садить. Пусть учится. Остап и то меньше был, когда в первый поход пошёл. А этого переростка, что жалеть. Упадёт пару раз и научится в седле хорошо держаться. Доводы друга всё-таки убедили Богдана. Да и не он такого дорого коня покупает. Это для любимой ему ничего не жалко. А чужой сын не его забота.

С одеждой тоже проблем не было. Нашли. Богдан на глаз подобрал нужный размер. Его любимая, была хрупкая девушка. В казацких кафтанах вполне за мальчишку сойдёт.

Провиант собрали наспех. Времени оставалось мало. И не спокойно было в городе. Слух прошёл, что Петра Буйносова и ещё нескольких атаманов схватили. Скорее, всего, и не отпустят. Казнят, как заговорщиков. Будто атаманы мыслили уйти на Дон. Присягу нарушили. Без разрешения царя никому нельзя покидать земель Литвы. Война. Только с кем воюют? Никого не осталось на землях Полоцка. Всё пожгли и разграбили. Нет больше врагов. Одна выжженная земля кругом.

Остап с Богданом решили бежать через малые ворота. На главных воротах города нынче стрельцы стоят. Никого по ночам не пропускают. Исключение служивые люди с грамотой самим Шуйским выданной. Да народу у главных ворот и ночью много, не пробиться. Малые ворота в самый раз будут. Там вроде казачков ещё не сменили на стрельцов. Свои пропустят. Но какое было разочарование, когда у ворот друзей остановили не казаки.

Четверо стрельцов грелись у костра, охраняя покой завоёванного города. Увидев, явно, куда-то наострившихся казаков, насторожились. Двое достали сабли, а другие двое подняли пищали.

- А где, Михей с казачками? – не растерявшись, спросил Остап.

Один из стрельцов, выйдя вперёд, сказал:

- Так схватили его. Завтра казнят.

- За что? – насупив брови, спросил Богдан.

Михея он знал давно. Хороший и смелый казак. В бою лучший из лучших. Как такого можно казнить?

- Бежать хотел. Сегодня его и других казаков в заговоре уличили. Всех похватали, – сжимая саблю, говорил стрелец. – А вы часам не удрать хотите?

Вот зараза! Всё против них. Как некстати стрельцы на воротах. Похоже, пойдя Богдан сегодня не к Янине, а к Буйносову, сидел бы в темнице.

Остап и Богдан переглянулись. Их двое. Этих четверо. Говорливый стрелец стал неудачно для себя. Считай под самую саблю Остапа. Другой, что постарше с бородою, считай сразу ляжет. Богдан конём сшибёт и саблей пройдёт. Ну, а этих с саблями и так уберут. Главное, быстро и неожиданно для стрельцов сделать. И не упустить никого. Друзья друг друга поняли. Богдан незаметно для стрельцов чуть кивнул Остапу. Мол, давай ты начинай, а я подхвачу.

Остап слез с коня, чтоб стрельцы чуть расслабились. Повернулся к ним спиной.

- Да не бежим мы, – поправляя поводья, отвлекал внимание казак. – Наши в разъезд поехали, а мы с девками засиделись.

- Атаман, как заприметил нас, так чуть нагайкой по спине не погулял. Наши - то давно уехали, а мы всё с бабами сидим, – присоединился Богдан, подъезжая потихоньку к стрельцу.

- А что к главным воротам не поехали? – задал вопрос, недоверчивый стрелец с бородой.

- Так мы здесь недалече были. Вот сюда и свернули, – всё ещё не оборачиваясь к стрельцам, сказал Остап.

Рукою, уже держа рукоять сабли, друг Богдана ждал, когда сам стрелец подойдёт ближе. Стрелец опустил пищаль, но к казаку не спешил подойти.

- А три лошади вам зачем? – Вдруг спросил бородатый.

Вот подозрительный. Остап чуть не выругался. До стрельца рукой подать. Раз и нету его. Если сейчас к лошадям пойдёт, то может и не получится сразу убить. Метнув на Богдана решительный взгляд, казак резко повернулся и полоснул по стрельцу. Тот осел на мощёную дорогу. Богдан в доли секунды сбил другого стрельца и уже сцепился в поединке с третьим. Ловко убив лежащего под копытами Грязи, раненого. Остап не отставал от друга. Четвёртый стрелец был не так отважен. Отбив пару нападков казака, бросил саблю и запросил о пощаде. Остап не пощадил. Свидетели им не нужны. Вытирая о красный кафтан кровь с сабли, Остап сказал другу:

- Долго ты его.

Тот, оттаскивая труп стрельца с дороги, ответил:

- Да, мой покрепче твоего был, и саблю не кидал.

- Ага! Оправдался! – усмехнулся Остап. – Ладно, поехали. Светает скоро, а нам надо не меньше сорок вёрст от города отъехать.

Убрав тела с дороги, чтоб в глаза не бросались, они выехали за ворота.

ГЛАВА 14

- Мне больше нравится тебя раздевать, чем одевать, – признался Богдан, целуя плечи любимой.

Почти весь маскарад на ней. Осталось только рубаху и шубу надеть, но Богдан никак не давал. В свете тусклой свечи любовался Яниной. Их уже и Остап звал. Все готовы, а этим двоим никак друг другом не надышаться. Так и уехать не успеют до зари.

- Хватит, любимый. Угомонись, – прошептала пани.

- Не могу, – целуя уже шею, чужой жены сказал казак.

- Не время, – она отстранилась от него и накинула рубаху. – Как отъедем подальше, я твоя.

- Ты и так моя, – не унимался Богдан, прижимая к себе любимую.

За несколько дней в подземелье падчерица, уже перестала бояться темноты. Девочка довольно хорошо ориентировалась в лабиринтах под городом. Сама Янина от нечего делать, гуляла с Машей по галереям. Поэтому увидев падчерицу, подходящую к ним, она не удивилась. Быстро принялась заправлять рубаху.

- Мама, ты скоро? – спросила девочка.

- Да, милая. Я иду, – ответила мачеха, ускользя из рук любимого.

Богдан это не понравилось. Поправив распахнутый полушубок и шаровары, он задал давно интересующий его вопрос.

- Она точно не твоя дочь от князя?

Девочка на свои годы не тянула. Была меньше ростом и на старшего брата не похожа. Богдан рассмотрел схожие черты с Яниной. Светло-русая и глаза вроде голубые или серые. В темноте никак не разглядеть.

Янину этот вопрос разозлил. Ему-то что, чья она дочь? Надевая полушубок, княгиня Боголюбова с укоризной в глазах посмотрела на Богдана.

- А будь она моей и князя, что разлюбил бы меня?

В голосе дочки пана Азинского слышался вызов. Уловив это Богдан, поспешил загладить вину.

- Нет, что ты. Я тебя и с чужими детьми любить буду.

- А мои дети были бы тебе чужими? – схитрила пани, прицепившись к словам Богдана.

Казак не знал, что ответить. Он любил Янину. Безумно любил, но смог ли так же полюбить чужих ему детей. Они бы были напоминанием, что его

любимая пани принадлежала другому. Посмотрев на маленькую девочку, всё ещё стоявшую рядом с ними, Богдан задумался. А она и не внушает ему неприязни. Милая. Наверное, ему надо больше времени принять чужого ребёнка. Но, это своей любимой он не сказал. Знал о вздорном и вспыльчивом характере дочери кастеляна. Что не так, то сразу в стойку. Нос кверху и потом в ногах валяйся, просто так не простит. Душу помотает в теле, а потом снизойдёт до прощения.

- Всё твоё – моё, Янина, – твёрдо заявил он.

А чтобы больше не задавала ненужных вопросов, Богдан подхватил на руки Машу.

- Идём. Нас ждут, – сказал, унося ребёнка.

Янина последовала за ним, ничего не сказав. Её глаза светились от счастья. Может, не придётся принимать решения. Она заберёт собою дочь князя, уезжая в Сечь. Они будут счастливы там втроём. Богдан сможет полюбить чужую дочку, как свою. Янина же смогла и он сможет.

Девочка прижалась к другу мачехи. Рядом с таким защитником ей было не страшно. Раньше она так же себя чувствовала, залезая на колени к бабушке Гариславу. Только бабушки ушёл. Нянька Ижбета сказала, что больше не вернётся. Отца Маша почти не помнит. Он редко приезжает к ним. И на руки не берёт. Предпочитая возиться с Ярославом. Обнимая ручками чужого дядю, Маша поцеловала его в щёку.

- Ты хороший, – сказала девочка.

Он улыбнулся падчерице Янины, и тут же заметил, как любимая засеяла от радости. Даже полумрак подземелья рассеялся в её свете. Пани взяла под руку Богдана. Положила ему на плечо голову.

- Я мечтала об этом счастье, – прошептала Янина.

- Об этом? – пробежав вокруг глазами, переспросил Богдан. – О подземелье, что ли?

- Нет. Ты не понял, – как и в детстве, она ущипнула его за бок. – О семье.

Казак обнял свободной рукой свою пани. Он тоже об этом мечтал. Жаль, что мечты не сбываются. А если сбываются, то не так как хотелось.

Они вышли из подземелья самыми последними. Все ждали их, уже сидя на лошадях. Старая нянька, никогда не ездившая верхом, вцепилась в поводья. Сутулившись, прижалась к самому крупу кобылы. Дорога для неё будет самым сложным испытанием в жизни. Ну, нет кареты нянюшка!

Пасынок, держался крепко. Остап ему ещё советы раздавал, как лучше с лошадью совладать. Похоже, между ними завязались не плохие отношения, не смотря на заносчивый характер княжича.

Посадив на коня Янину, Богдан передал ей падчерицу. Девочка была в восторге от лошади. А ещё, что она будет ехать так близко с мамой. С нянькой княгиня девочку точно не посадит. Та сама еле сидит. Ещё не удержит ребёнка.

Они отъехали от стен Полоцка за пару часов до рассвета. Задержались. До леса добраться не успеют. Остаётся молиться, что на пути им не встретятся вчерашние союзники. В окрестностях города, как стаи голодных волков, разъезжали царёвы служивые люди. Попадись им, не пощадят никого.

ГЛАВА 15

Дорога была не самой лучшей. Богдан решил объехать главные пути. На них напороться на бывших друзей, как пить дать, можно. Хоть там снег утрамбован сотнями лошадиных копыт. Лошадям не пришлось бы увязать в глубокие снежные сугробы. Опять же и быстрее бы добрались до гетмана, но риск велик. Двое десятерым не соперники. Малого княжича Богдан за воина не считал. Хотя в возрасте Ярослава уже сам хорошо умел саблей махать. Даже пару раз у своего воспитателя оружие выбивал из рук. Но, это Богдан! Не изнеженный княжич. Янина могла за себя постоять. Силы всё равно не равны. Женщина против мужчины долго не устоит, а против двух и подавно. Поэтому беглецам с Полоцка пришлось ехать, таясь, и объезжать дороги.

Ближе к рассвету начался мокрый снег. Ветер усилился. Лошадей галопом не пустишь, как ночью. И так устали бедные. Несколько часов скакали.

Остап догнал скачущего впереди друга.

- Надо бы передохнуть, а то коней загоним! – прокричал, пряча лицо от холодного порывистого ветра.

- До леса доберёмся, там и передохнём! А тут, как на ладони! – ответил ему Богдан.

- Хорошо! – согласился казак.

Лес хоть и виднелся за горизонтом. Только, как далеко до него. При таких условиях час, а то и два, скакать. Остап пришпорил коня, пытаясь вырваться вперёд. Его Ветер не особо ускорился. Грязь не перегнать. Сильный конь.

Янина кутала падчерицу в лисью накидку и прижимала к себе. Лисий мех весь промок от снега. Княгиня уже стала бояться, чтобы девочка не замёрзла и не заболела ненароком. В пути самое страшное для ребёнка, это заболеть. Горячей воды нет, как и тёплой постели. Они уже несколько часов скачут. Пора бы и сделать привал. Ноги и спина от напряжения болеть стали. Одно место, так вообще замлело. Но дочь кастеляна не жаловалась. Её мысли были заняты ребёнком.

Ахала и охала в их маленьком походе нянька. Подпрыгивая на лошади, Ижбета ныла.

- Я стара для таких путешествий. Мы уже вечность едем. Никак не приедем! О, горе мне, старой!

Да, нянюшка доведёт кого угодно. Пани старалась не обращать внимания на свою бывшую воспитательницу. Всё-таки старость. А вот, Ярослав не сдержался.

- Да, угомонись, ты! – прикрикнул он на няньку сестры.

- Ах, негодник! На меня голос повышать удумал! Я тебе покажу! – взорвалась уже не нытьём, негодованием старуха.

- Покажешь! Как же! Ты не догонишь меня! – огрызнулся княжич и пришпорил коня.

Прав был шельмец. В их отряде нянька плелась самая последняя. Куда уж ей догонять молодых и сильных. Ей хотя бы по дороге к гетману богу душу не отдать. Тяжёлый этот путь для Ижбеты.

Когда беглецы добрались до леса, мокрый снег и вовсе стал дождём. Все промокли до нитки. Надо было поискать подходящее место для привала. Такое, чтоб от ветра и дождя укрыло. Среди высоких деревьев и оврагов они всё же смогли отыскать небольшую пещеру. Несколько огромных валунов лежащих друг на друге, образовывали углубление. Там могло бы поместиться три человека. Как раз для женщин. Ну, а они разведут костёр под каменным навесом. И всем будет тепло. Отогреются после дороги.

Прежде, чем позволить Янине с девочкой и нянькой войти в пещеру, Богдан сам осмотрел её. Вдруг берлога медведя. А что подходящая. На их счастье пещера пустовала. И там было сухо.

- Богдан, нам можно уже спешиться? - спросила Янина.

- Да! – выходя из пещеры, ответил он. – Сейчас разведём огонь. Там будет светло и тепло. Одежду подсушим.

Богдан подошёл к Янине. Взял падчерицу на руки. Помогать спешиться любимой ненужно. Пани даст фору любому казаку. От женщин она выгодно отличалась не только красивыми формами и прекрасным лицом, но и свободолобивыми замашками. Её с детских лет интересовали мужские игрушки и увлечения. Лошади, охота, оружие. Всё это вызывало у мужчин осуждение, а вот Богдана восхищало. Он сам фехтовал с ней. Тайком от старого пана Азинского, учил его внучатую племянницу его же науки. Узнай воспитатель об этом, убил бы. Только Янине их уроки пошли на пользу. За неё не страшно. Не будет пицать, как другие панночки, забившись в угол. Она даст отпор.

Богдан посмотрел на уходящую любимую.

- Может, вспомним, как саблями махали? Заодно и согреемся, - сказал Богдан, идя за пани.

Она обернулась. Хитро улыбаясь, подмигнула Богдану.

- Может, – согласилась она. – Только костёр разведи. Маша замёрзла.

- Сейчас, – доставая огниво, ответил Богдан и крикнул Ярославу. – Эй, княжич, а ну сходи за хворостом для огня.

Сын князя Боголюбова, растерялся. В лесу одному ходить? Он никогда в лесу не был. А волки? А стрельцы и казаки? А разбойники? Как так. Озираясь по сторонам, искал поддержки. От Ижбеты, вряд ли. Она старая. Чуть ходит. Уставившись на друга любовника мачехи, хлопал длинными ресницами.

- Да, пойду я с тобой, – успокоил его, привязывавший коня Остап.

- Да, я не прошу, – задрал нос, в одночасье осмелевший Ярослав.

- Ага, как же, не просишь?! – засмеялся казак. – Пошли, а то замерзнем.

- Я сам, – запротестовал княжич.

- Пока ты сам, я околею, – похлопав по плечу мальчишку, Остап пошёл на поиски сухого хвороста.

Правда, после такого дождя это будут сложно. Ну, ничего, где наша не пропадала.

Княжич осунулся и побрёл за помощником.

ГЛАВА 16

- Ты, Богдана, давно знаешь? – спросил княжич, поднимая ветку.

Вот уже битый час они шатались по лесу, собирая подходящие веточки для костра. Если друг любовника мачехи бодренько передвигался по сугробам, то княжич уже подустал. И не княжеское это дело работать.

Остап, подкидывая охапку хвороста, пытался поудобней взяться. С таким трудом откопанные из-под снега сухие веточки, промокали под дождём. Лежа под толстым слоем льда и снега, вода до них не добралась. А теперь вот, вряд ли с первого раза загорятся.

Вопрос княжича Остап не расслышал из-за дождя и порывов ветра. Февраль, а такая не зимняя погода стоит.

- Что ты говорил? – спросил, оборачиваясь, казак.

- Богдана давно знаешь? – повторил свой вопрос княжич.

Дыша на окоченевшие от холода ладони, казак улыбнулся. Вот дался ему Богдан. Никак княжич ревнует мачеху свою. Всю дорогу с неё глаз не сводил. И на Богдана злобно посматривал, как только тот ближе к Янине подъезжал. Девка хороша! Красива. У друга да мальчика губа не дура такую любить. И Остап бы полюбил, если бы не Оксана. Невеста его, что ждёт в Сечи возвращения жениха.

- Достаточно знаю, чтобы его братом считать, – ответил Ярославу казак.

- Тебе он брат, а мне враг, – зло сказал княжич.

- Ишь, ты! Врага нашёл, – усмехнулся Остап. – Это что твою мачеху прилюдно целует, ты его во враги записал?

- Он не только целует её, – покраснел Ярослав, опуская глаза. – Они отца моего позорят и род наш. Янина отцу принадлежит, а не ему.

- Молодой да глупый, ты. В твоём возрасте это ещё можно. Глупить, – уже перевязывая хворост верёвкой, говорил Остап. – Может она и жена твоего отца, а ему не принадлежит.

- Это как не принадлежит?! – возмутился Ярослав, бросая охапку хвороста под ноги друга любовника мачехи.

- Мал ты ещё, а то бы знал, что баба принадлежит тому, кого любит. А любит Янина не твоего батьку.

- Они перед богом и людьми венчаны! Она отца моего! – завопил раздражённо княжич.

Остап спокойно довязал свой хворост и принялся вязать разбросанную

охапку Ярослава, пока тот возмущался. Много собрали. На ночь хватит. Бегать снова в лес не придётся. Пока дождь не прекратится ехать нет смысла. Опять промокнул в непогоду.

Малой всё возмущался и возмущался. Наконец Остапу надоели эти писклявые вопли мальчишки. Он выпрямился и сверху вниз посмотрел на княжича. Тот притих. Всё – таки такой богатырь стоит и смотрит недовольно.

- Ты в церковь с непокрытой головой ходишь? – спросил казак.

- Да, – быстро ответил Ярослав.

Глаза княжича сузились. Он никак не понимал, причём здесь церковь и измена Янины отцу.

- Это ты перед богом отвечаешь. А баба в церковь с покрытой головой заходит. Ей бог не указ. Ей вообще никто не указ. На то она и баба. Захочет сбежать – сбежит с Богданом. Ответит она только перед отцом твоим, если он их догонит. Только вот, что я скажу тебе, княжич. Богдана не догонишь. Он, как ветер в поле. Украдёт твою мачеху, и никто их не отыщет. Только поминай, как звали.

- Я найду! – выпрямившись, гордо заявил Ярослав.

Казак усмехнулся, довольно погладив свой заросший подбородок. Ой, дурень, малой! Куда ему с Богданом тягаться. И не для отца старается. Для себя. Но, Остап на него не разозлился. Что с него взять? Мальчишка ещё.

- Ага, найдёшь. Ты сначала дорогу до нашего привала найди. Вот тогда я поверю, что Богдана с Яниной отыщешь, – подтрунивал над княжичем Остап.

Сын князя Боголюбова принял эти слова, как вызов. Взвалив на спину свою вязанку хвороста, кинулся искать обратный путь. Побегал из стороны в сторону по лесу. Даже по следам на снегу не смог отыскать пещеру под валунами. Остап, посмеявшись над ним, подозвал и показал тропу, по которой они шли, собирая хворост.

Идя следом за казаком, Ярослав злился. Не на Богдана. Не на Янину. Не на Остапа. Он злился на себя. Отец с него пылинки сдувал. Говорил, что он последний в роду остался. У князя Боголюбова больше сыновей нет. Да, и будут ли, если Янина сбежит. Оберегал сына князь. Вот и вырос Ярослав не умеющим ничего, что в его возрасте любой мальчишка может. Хорошо хоть дед Гарислав с ним фехтованием занимался, да на коне научил ездить. Отец не знал, что сын несколько раз падал с коня. Бился крепко, но всё равно садился в седло. Жалко деда больше нет. Некому с Ярославом возиться и делам военным учить. А ведь столько Ярослав ещё не знает и не умеет. Хотя дед и не родной был, а любил его княжич сильно.

- Ну, что ты пригорюнил, Ярослав? – весело спросил Остап.

Грусть на лице отрока он сразу приметил. Да и примолк малой. Идёт и думает.

- Я с вами в Сечь поеду. Не хочу быть князем, – признался сын князя, шмыгая носом.

Совсем замёрз княжич. Остап вздохнул. Да, погода не самая лучшая для побега и войны. Хорошо хоть не весенняя распутица, а то по колёно грязи с конями плавали.

- Поедешь, а как же. Только у батьки дозволения спроси, – подкидывая на спину сползающую вязанку хвороста, сказал казак.

- Не указ он мне! Я большой уже! – обгоняя казака, сказал княжич.

- Ну да, большой! – усмехнулся опять Остап. – А в лесу не ориентируешься. Какой с тебя воин? Ни один атаман к себе не возьмёт.

- А ты научи, – попросил пасынок Янины. – Научи меня.

Остап остановился. Его глаза придирчиво рассматривали сына князя Боголюбова. Видно, мальцу батьки не хватает. Да и где его отец? Не с сыном, как положено. Княжич, то уже большой, чтоб с бабами и дедом ездить. Взрослеть пора ему. А что, хороший казак выйдет. В глаза дерзость и непокорность.

- Научу, – согласился Остап.

Радости княжича не было предела. Если бы не вязанки хвороста, расцеловал бы казака. На радостях так приударил, что Остап его не мог догнать по снегу на узкой лесной тропинке.

Будущий воспитатель шел, усмехаясь. Он ещё никого не учил. Своих детей у Остапа не было. Невеста молода, а вот ему уже двадцать семь. Почтенный возраст для казака. Единицы доживали до двадцати пяти в те беспокойные времена. Себя таким юным, как Ярослав он почти не помнил. Он родился уже с саблей и на коне, поэтому детства у казака из Сечи не было. Бесконечные набеги и сражения. То на них нападут. То они нападают. Вот и вся геройская жизнь. И малой туда же. Что в палатах не сидится. Да и Остапу не сиделось бы. Душа всегда на свободу рвётся, если долго на месте сидишь. Хочется саблю в руки взять, да на коня вскочить. По полю. Ветер в волосах. Стук копыт, как стук собственного сердца. Вот это жизнь. Это свобода.

Хочет Ярослав такой свободы? Если хочет, то никто и ничто его не удержит. А Остап научит.

ГЛАВА 17

Дождь прекратился ближе к вечеру. Богдан потянулся и посмотрел на Янину. Его любимая сидела напротив, обнимая падчерицу. Старая нянька всё ещё тряслась от холода, хотя ближе всех к костру. И молодой княжич дал ей свой полушубок. Сейчас Ярославу и так жарко. Он с Остапом разминался. Уговорил казака всё-таки дать ему пару уроков.

- Ты сабелькой не маши, как палкой, - учил Остап. – Держи крепче.

- Да, я не машу! – выкрикнул Ярослав, нападавая на казака.

Друг Богдана с лёгкостью отбивал нападки молодого княжича. Видно малой саблю не первый раз в руках держит, но опыта не хватает. Жалели его, пока учили. Не старый пан Азинский с ним занимался. Если бы воспитатель Богдана дал ему пару уроков, то пасынок Янины не шлепками плашмя сабли отделался. Дядька Гарислава каждую ошибку давал на шкуре почувствовать. Вот поэтому у Богдана шрамов, что рыбы в реке. Так и училось быстрее.

- Не забыл, Богдан, что хотел поразмяться со мною, – напомнила, хитро улыбаясь, Янина.

За годы их разлуки она иногда брала в руки оружие. Тайком от отца и мужа. Старый конюх плохой соперник, но всё же лучше, чем никто.

- А давай, – вскочил на ноги Богдан. – Только уговор. Проиграешь и ...

- Да! Я согласна, – не дослушав, согласилась дочь кастеляна. – Но, если проиграешь ты, то пощады от меня не жди.

По лицу Богдана расплзлась улыбка. Правда, больше похожая на ухмылку. Он никому не проигрывал в поединках. Янине тоже не собирался. Его желание должно исполниться. Не ночи он у неё попросит, а подтверждения, что уедет Янины с ним в Сечь. Что-то подсказывало казаку и в этот раз она не побежит с ним. Держит его любимую здесь пан Азинский. Хоть и нет прохвоста этого, но дочку всё равно не отдаёт Богдану.

- Расступись, – сказал Богдан, выходя на истоптанную снежную поляну, сцепившимся Остапу и мальчишке.

Друг слышал разговор Богдана и Янины.

- Что же ты, девке голову морочишь, - опуская саблю, сказал Остап. – Тебе равных в Сечи среди казаков нет, а ты с бабой решил потягаться.

- Ты её не знаешь, Остап. Пани Янина меня несколько раз побеждала, – скинув тулуп, Богдан усмехнулся. – Но это раньше было.

Глаза его прищурились в ожидании лёгкой победы. Рука сжала рукоять сабли.

- Ну, любовь моя, я жду.

Пани передала Машу няньке. Сама, как и любимый, сбросила полушубок и вышла в центр поляны.

Начала атаку Янина. Богдан отступал, но с лица его не сходила улыбка. Как и несколько лет назад его любимая использует те же приёмы. Отбивая саблю пани, Богдан улучил момент и шлёпнул её по заду.

- Медленно, Янина, – заметил Богдан.

Она отскочила от неожиданности. Не сильно ударил, но ощутимо.

- Я поддалась! – скривила гримасу недовольства пани.

И тут же увернулась от сабли Богдана. Потом ещё один раз. Она чуть успела присесть. Острое лезвие прошло очень близко от плеча Янины. Теперь наступал Богдан. Он не давал ей опомниться под его саблей. Рука пани устала обивать удары. Богдан уже победил. Он сильнее её. Всё – таки женщина не соперник мужчине. Она уступает во всём. Но, есть то, в чём мужчины не так искусней женщины. Это хитрость и ловкость. Янина стала подаваться Богдану. И когда он уже считал себя победителем, она быстро увернулась и приставила саблю любимому к горлу.

Богдан понял, что проиграл это сражение. Как всегда. Единственный человек способный его победить – это Янина. Наверное, потому что он не хочет убивать её. Не видит в ней врага. Он сражается с любимой и представляет бои на другом поле. Не среди грязного снега на саблях, а среди белых простыней без одежды. Вот в чём его просчёт. Его ошибка.

- Я победила – подходя ближе к нему, сказала Янина.

Она не убрала лезвие от его шеи. Приблизившись к Богдану, Янина, как и несколько лет назад, хитро улыбнулась.

- Я поддался! – соврал он.

Не успела опустить Янина саблю, как оказалась в объятьях Богдана. Он впился своими губами в её губы. Страстно целуя любимую, разжал ладонь с саблей, чтобы обнять покрепче тонкий стан. Она прижалась к нему, отвечая на страстный поцелуй. Им было всё рано, что она них смотрят. Пусть осуждает старая нянька. Падчерица с любопытством рассматривает. Смущённо отворачивается Остап. И пасынок, негодуя от злости, сверлит убийственным взглядом. Это всё мелочи. Главное они сейчас счастливы. А всего через несколько дней Янине придётся сделать самый сложный выбор в её жизни. Но, это будет через несколько дней. Не сегодня.

ГЛАВА 18

Молодого княжича съедала ревность. Раньше он на свою мачеху смотрел, как на жену отца. Только всё переменялось после подземелья. Несколько дней изменили его. И тот случай, когда в глазах княгини он разглядел желание, заставил Ярослава по-другому взглянуть на красавицу мачеху. Она старше своего пасынка всего на десять лет! Какая мелочь. Пани Янина сейчас в том возрасте, когда женщины ещё больше притягательней и желанней для мужчин. Княжич ещё не мужчина, но женщины у него были. Вернее девушка. Дочка трактирщика. По дороге в Полоцк они останавливались в трактире «Красный Кабан». Пока все спали княжич и Герда развлекались на сеновале. Дочка трактирщика сама его туда заманила. А Ярослав, как и все мальчишки его возраста, и не особо сопротивлялся. Всё-таки Герда красавица. На мачеху чем-то похожа, но всего на год старше княжича. Он на радостях обещал забрать её собою. Ну, не сразу. А через пару лет. Она посмеялась. Мол, все вы обещаете. Отправила его спать к деду.

Теперь деда нет. Отец далеко. Значит, он глава семьи. Он решает. Посмотрев ещё раз на целующихся, Ярослав сжал рукоять сабли. Позорить семью он не даст. Если этот Богдан, так легко девке проиграл, то княжичу и подавно. Сын князя Боголюбова рванулся вперёд. Да так, что шустрый Остап не успел остановить его.

- Может, со мною сразишься?! – походя, спросил Ярослав.

А глаза горят ненавистью у молодого княжича.

Богдан отстранился от любимой и посмотрел на задиристого мальчишку.

- А давай. Давно поучить тебя хотел. Слишком дерзкий, – поцеловал ещё раз Янину, да так, чтоб княжич ещё больше взбесился.

Тот и взбесился.

Янина, почуяв неладное, отошла от Богдана и направилась к пасынку.

- Не стоит, Ярослав. Утомонись, – подходя к мальчишке, говорила она. – Ты с Остапом только бился. Устал.

- Отойди, – только сказал он.

- Да, любимая, отойди. Нам давно поговорить по-мужски надо, – поддержал Ярослава казак.

Она обернулась.

Её Богдан уже вертел саблей, приготовившись к обороне. Он даст

парню показать себя, а потом поставит на место. Ну, без крови не обойдётся. А что делать, когда проучить мальчика надо. Дерзкий слишком.

- Не калечь его сильно, – попросила Янина, поняв, что этого поединка теперь не избежать.

Пани отошла в сторону.

- Не бойся, – успокоил, подходящий к ней Остап. – Малому это будет полезно. Жизнь почувствует и цену её. Нарывать попусту не будет. Да и без дела.

- Ох, – тяжело вздохнула дочь кастеляна. – Кабы так Отстапушка. Упёртый он. Да и Богдан такой же.

А поединок уже начался. Ярослав, хоть и мал, а первые минуты хорошо атаковал соперника. Вылеживаясь по полной. Ошибка. Своего учителя сегодня не слушал. Не маши. Сказано же было. Понимая это, Богдан не сильно обивался от нападок княжича. Больше уворачивался и отходил. Пусть помашет. Коль так хочется. Ярослав наивно думал, что сможет тягаться с казаком с Сечи. Это он Янине проиграл. На то причины были, а вот мальчишке Богдан никогда уступит. Любовник мачехи играл с Ярославом, как кот с мышонком. Даст почувствовать победу и тут же отбирает её. Потом опять отступит и сразу атакует. Да так атакует, что княжич дух еле переводит. Наконец надоело казаку нянчиться с пасынком любимой. Выбив саблю с рук мальчишки, возомнившего себя воином, Богдан приставил к щеке холодную сталь.

- Ну, что довольно с тебя, княжич? Или ещё хочешь? – в голосе его звучало превосходство.

Он действительно лучший воин. Глупо с ним было тягаться. Но малого стоит проучить. Чтобы помнил и знал своё место.

- Дай саблю поднять, и продолжим, – зло ответил Ярослав.

- Эх ты, глупец. Кто саблю в бою потерял, тому она уже не понадобится. На том свете войн нет, – Богдан резко провёл по щеке княжича острым лезвием. – Это чтобы науку мою не забыл.

Ярослав вздрогнул. Щека зажгла, как огнём. Приложив ладонь, он почувствовал, как через пальцы сочиться его кровь. Не больно, но унижительно.

Гордо вскинув подбородок, княжич процедил сквозь зубы:

- Не забуду.

Богдан вложил в ножны саблю и пошёл к своей любимой. Немного притихший Ярослав, проводил победителя глазами полными ненависти. Казак только шутливо подмигнул парню, проходя мимо. Не соперник Богдану сын князя. Куда этому щенку до матёрого волка. И Янина его. Была

его и будет его.

Дочка кастеляна недовольно смотрела на приближающегося Богдана. Сложив руки на груди, надула губы.

- Просила же не калечить мальчика, – обидчиво напомнила любимая.

- А я и не калечил, – стараясь обнять пани, сказал Богдан.

- А щека как же? Шрам останется! Что я его отцу скажу? – не унималась заботливая мачеха.

- Будет хвастаться перед девками, что в бою получил под Полоцком, – засмеялся казак. – И отца ты его не уведешь, Янина. Ты со мною в Сечь уезжаешь, – уже не смеясь, сказал Богдан.

Янине увернуться в этот раз не удалось. Сильные руки казака поймали её. Прижав к себе, Богдан прошептал:

- Если ты меня обманешь, Янина, я не знаю, что со мною будет, – он поцеловал её.

ГЛАВА 19

Ярослав не дал мачехе посмотреть рану на щеке. Ни какими уговорами. Отворачивался или отбегал от неё. Только Ижбете удалось. Старая нянька придиричиво повертела подбородок княжича и сказала: «До свадьбы заживёт. Царапина». Больше к Ярославу никто не приставал. Он, насупившись, сел у костра. Старался не бросать злые взгляды на победителя. Богдан же довольно улыбался, глядя на княжича. Мало того улыбался. Ещё и мачеху обнимал, целуя. А та и без стыда отвечала на похотливые порывы своего любовника. Вот приедут в лагерь Радзивилла, и если будет там отец, то Ярослав всё ему расскажет. А может и не расскажет. Сам не лучше. К жене отца те же чувства имеет. Злится на Богдана, что его Янина любит. На пасынка только раз так посмотрела и то от скуки. Хорошо хоть с ними Остап едет. Хоть есть с кем поговорить. Да и не такой он наглый, как его друг Богдан.

Ночь прошла без происшествий. Никто не тревожил сон беглецов. Ни москвиты, ни волки мимо не пробежали. А происшествия были и то только для княжича. Стыд потерявшая мачеха со своим любовником всю ночь у костра любились. Все спали. Почти все. Остап на страже стоял. Потом и Богдан под утро вылез из тёплых объятий пани, и она с ним подалась. Можно подумать, вдвоём им лучше будет рассмотреть приближающуюся опасность. Да они кроме друг друга никого не видят. Лучше бы Ярослав пошёл посторожить. Так нет. Малой ещё. Уснёшь. Не уснул! Мачеха и Богдан не давали глаз сомкнуть. Хоть и спиной к ним лежал, а всё слышал. В общем, утром княжич был сам не свой. И спать хотелось, и глаза не смыкались. А впереди длинная дорога.

Вскочив в седло, сын Боголюбова, пришпорил коня. Самым первым выехал на лесную дорогу. Остап за ним. Догнав на развилке, схватил за уздцы коня Ярослава.

- Не гони. На дороге могут быть чужие, – предостерёг его казак.
- Мне всё равно, – вырывая упряжь, сказал княжич.
- Молодой ты ещё. Глупый. Будет у тебя таких, как Янина, сотни, – успокаивал его Остап. – Помоложе да покрасивши.

Остап хорошо понимал Ярослава. Сам когда-то любил чужую жену.

- А она мне и не нужна!
- Ну, вот и славно, раз не нужна. Ты голову зря не теряй. Тебе ещё жить да жить, княжич.

Казак отпустил уздцы княжеского коня. Ярослав больше не рвался так вперёд. Дождавшись остальных, они тронулись дальше.

К полудню лесная дорога вывела их постоялому двору с трактиром. Когда ещё с паном Азинским они ехали в Полоцк, останавливались здесь. Княжич. Даже повеселел, узнав знакомые пейзажи вокруг. Значит, до Радзивилла осталось совсем немного. Дня два пути. Но, какое разочарование испытал Ярослав, почувствовав в воздухе запах гари. Вдалеке, за холмом, поднимались клубы чёрного дыма. Ветер донёс до беглецов приглушённые крики. На постоялом дворе кто-то резвился. Но, кто? Свои? Вряд ли. Московиты? Так далеко? Война. Чем чёрт не шутит. Разбойники или мародёры, скорее всего. С ними двое казаков быстро справятся. Обычно в разбойники подавался простой люд. Трусоватые. Только увидят, как кого-то из них сабелькой приложишь, сразу разбегались.

- Янина, подождите в лесу, пока мы посмотрим, что да как там, – сказал Богдан.

- Хорошо, милый. Только не лезьте на рожон попусту, – заворачивая обратно в лес, посоветовала пани.

Богдан с Остапом направили коней в сторону постоялого двора. Княжич тоже увязался с ними. Думал, никто не заметит. Но, дочка кастеляна глазастая. Оглядев, что пасынок не едет за ними в лес, обернулась. Ярослав уже на приличное расстояние отъехал. Ей захотелось окрикнуть его, но нянька остановила.

- Не надо, Янина. Кто знает, сколько здесь поблизости врагов крутится. Пусть едет. Вырос наш княжич.

- Вырос да не поумнел, – вздохнула мачеха.

Она за пасынка боялась. Всё-таки не чужая. Жена его отца. А если что с ним станется, как князю в глаза смотреть. Не уберегла наследника.

- А когда ему умнеть. Всё с бабами да няньками сидит в фольварке. Ничего с ним не будет. Остап не допустит. И твой Богдан смерти ему не желает. Соперника в мальчишке не видит, – Ижбета сильнее прижалась к крупу кобылы, когда та одной ногой чуть провалилась под снег. – Ой! – тихо вскрикнула нянька от испуга. – Когда уже это закончится. Мне бы на перинах лежать, а не конях скакать. Старая.

- Полно тебе, нянюшка, – вмешалась Маша, улыбаясь Ижбете. – Ты совсем не старая.

Нянька гордо выпрямилась в седле. А ведь и вправду, она ещё не старая. Больше суток верхом будь она глубокой старухой не проехала. Богу душу отдала бы после такой тряски и ночевок под открытым небом. Доберутся они до лагеря и это последняя её поездка. Больше Ижбета не

покинет Житницу.

ГЛАВА 20

По всей Литве горели деревни и города. Этот маленький постоянный двор по дороге в земли Короны ни единственный, что разграбили чужаки. Подъезжая к «Красному Кабану» друзья поняли – спасать некого. Все мертвы, а пятеро москвитов распихивали собранные трофеи по седельным сумкам. Чужаки громко смеялись. Один из них стирал кровь с сабли снегом.

- Девку можно было и не убивать, Понтелей, – крикнул ему москвит постарше.

- Сама напросилась. Орала, аж уши закладывало. Лежа бы смиренно и жива бы осталась, – уже вставляя в ножны саблю, сказал убийца.

Ярослав хорошо расслышал их разговор. Ветер дул в сторону притаившихся в густых зарослях казаков. Девку? На постоялом дворе была только одна девка. Дочка трактирщика. Неужели её убил этот москвит.

- Я убью его, – прошептал Ярослав.

Друзья обернулись.

- И ты сюда приехал? – спросил, вынимая саблю, Остап. – Убьёшь, только это уже не просто сабелькой помахать. Это кто кого княжич. Смотри, не оплошай.

- Ты меня держись, малой, – сказал Богдан.

Вот от кого, а от любовника Янины, Ярослав такого не ожидал. Его держись. Ха! Сам управится княжич. Науку ещё вчера усвоил.

- Далеко забрались стрельцы, – заметил Остап.

- Далеко забрались и тут же полягут. Ты, друг мой, вон тех двоих бери. Что у трактира стоят, – выбирал противников Богдан. – Я остальных троих.

- А я? – чуть не пища, спросил княжич.

- А ты, кто останется! – крикнул любовник мачехи и пришпорил коня.

Так никого не останется. Их только пятеро. Княжичу обидеться времени не хватило. Они уже атаковали. Пришлось выбирать самому свою первую жертву. Ярослав её уже наметил. Стрельца убившего дочку трактирщика.

Тройка выскочила с леса с саблями наголо. Это было совсем неожиданно для москвитов. Первым под острую сталь попал стоящий ближе всего тот, что был постарше. Замешкался, вытаскивая оружие, и Богдан убил его.

Внезапность сыграла на стороне друзей. Стрельцы никак не ожидали

нападения. Войска царя несколько недель гуляет по окрестностям Полоцка, и никто не давал им отпор. Разбегались и прятались, а тут на них нападают. И кто? Свои же казачки! Те, что с ними пришёл на земли Литвы, обернули против союзников сабли. Пока они сообразили, что к чему, двое лежали замертво.

Три на три. Вполне честно. Только вот один из нападавших зелёный мальчишка, а выбрал себе в противники опытного воина. Видя это, Остап старался побыстрее покончить со своим соперником и помочь Ярославу. Княжич отступал под натиском здоровенного мужика. Силы не равны. И Богдан не остался равнодушным, глядя краем глаза на отчаянные попытки пасынка любимой сразить стрельца. Пока ему удавалось только отбивать удары и не подставляться под острую сталь клинка.

Ярослав пожалел, что выбрал этого, если бы у него на то было время. Противник не давал продохнуть, обрушивая на юношу удар за ударом. Что отбивал или уходил от ударов. Вспомнив, как Янина победила Богдана, княжич решил измотать стрельца. Он больше и массивней, значит, долго не побегаёт за вёртким парнем. Так маша саблей, он точно совершит ошибку, и Ярослав её воспользуется.

Богдан разобрался первым со своим стрельцом, но на помощь к Ярославу не спешил. Он напал на противника Остапа, рассек тому спину. Стрелец вскрикнул и упал замертво. Теперь они оба стояли и наблюдали за княжичем.

- Не плох, – обтирая о камзол убитого стрельца саблю, сказал Богдан.
- Ну, да. Может, поможем ему. Выдохся малой, – Остап саблю, как друг, ещё не убрал.
- Сам справится.
- А если нет, – в голосе Остапа отчётливо слышалась тревога.
- Справится, – настоял на своём друг.

Княжич справился. Измотав соперника, он всё-таки улучил момент и полоснул саблей сначала по плечу, потом по левому боку. Стрелец осел на снег. Разжав пальцы, бросил свою саблю под ноги княжичу.

- Добей, – задыхаясь, попросил он.

Ярослав растерялся. Его о таком никогда не просили. Он, конечно, испытывал ненависть к убийце своей случайной любовнице, но убить так не мог.

- Яви милость к уже мертвецу, – сказал подходящий Богдан.
- Как? Он безоружен. Дед говорил, что безоружных убивать нельзя, – занервничал Ярослав.

Богдан громко засмеялся, услышав такую глупость. Пан Азинский

учил не убивать безоружных?! Смех, да и только. Гарислав Давыдыч в своё время, как капусту, шинковал людишек. Не смотрел кто с оружием, а кто и без. Всё-таки дядька пана Гарислава честнее был в науках.

Богдан подошёл к поверженному стрельцу. Тот, истекая кровью, стоял на коленях. В его глазах не было страха, а только ненависть. Умереть ему не страшно. Страшно долго в муках подышать. Понял, глядя на стрельца Богдан.

- Что же так далеко от Полоцка делаете? – спросил любовник Янины.

- Ездили поглядеть, как далеко от нас гетман, – признался стрелец.

- Ну и как далеко?

- День пути отсюда. Лагерем встал вчера. Дальше не двигается. Ждёт чего-то, – говорил, ничего не тая, смертник. - Ты добей меня, казачок. Только быстро. Отпустить вы меня не отпустите. Бросать, так не бросите. И в лагерь к гетману не потяните. Помру по дороге.

Богдан посмотрел на Ярослава. Тот стоял тяжело дыша.

- Ну, что до делай начатое, – сказал Богдан. – Он твой.

Ярослав забежал глазами по стрельцу. Куда-то бить и как? Его дед учил сражаться, а не убивать. Заметив растерянность княжича, Остап подошёл к нему.

- Ты по горлу полосни и всё, – наклонившись к уху мальчишки, шёпотом посоветовал казак.

Полосни и всё?! Эко просто! Сын князя никак не мог решиться на убийство.

- Да ты, как девка! Ни на что не решишься сам! – закричал на него Богдан, выходящий уже из себя медлительностью пасынка Янины.

Малой вздрогнул. Поднял саблю и быстро опустил её. Острая сталь легко прошла по коже стрельца. Кровь фонтаном брызнула на княжича. Тот отскочил, хлопая глазами. Его испуг длился недолго. Когда он понял, что совершил, комок тошноты подкатил к горлу. Отбегая от убитого им стрельца, Ярослава вырвало. И стыдно стало. Он в Сечь хотел поехать, а самому плохо становится при виде крови. А там кровь реками льётся круглый год. Ну, и прям, девка. Даже хуже. Янина и то из мушкета убила, да так не переживала.

Тяжёлая рука опустилась на плечо Ярослава.

- Ну, ничего. Так бывает, когда впервые жизнь чью-то забираешь, – поддержал его Остап. – Ты молодец! С таким сильным стрельцом справился. И не царапины.

Хвалил его друг Богдана.

Сам Богдан в это время расхаживал по постоялому двору. Новость от

стрельца не радовала. Всего день и лагерь гетмана. Янина говорит одно, а в глазах казак другое читает. Не решилась она ещё бежать с ним. Мечется. Князя пани не любит, но что тогда так держит её. Не уж-то опять придётся расстаться. Только эту разлуку Богдан пережить не сможет. Помрёт от тоски по любимой Яниночке.

ГЛАВА 21

На ночь в разграбленном постоялом дворе пани Янина напрочь отказывалась оставаться. Зачем делать привал, когда до гетмана рукой подать. И нет гарантий, что поблизости не рыщут другие отряды стрельцов. Нехотя и скрипя зубами, Богдан всё же уступил дочке кастеляна. Спорить с нею себе дороже. Обидится ещё своенравная пани.

Хоронить хозяев постоялого двора не стали. Времени не было и земля ещё промерзшая. Начни долбить её и всё весь день насмарку. Придётся остаться, а Янина не хочет. Пасынок её тоже упёрся. Как только увидел тело дочки хозяина. К гетману - так к гетману. Сели на коней и двинулись дальше.

На полпути они заметили вдалеке рыцарей Короны. Этих хвастунов трудно не заметить. До блеска начищенные доспехи светились на солнце, ярче белого снега. Те только рассмотрев непрощенных гостей, пустились наперерез, вытащив сабли. Казаки тоже подготовились к нерадушному приёму.

Боясь, что, не разобравшись, мужчины начнут выяснять отношения, меряясь силами, Янина вырвалась вперёд.

- Мы свои! – закричала дочка кастеляна на польском. – Свои!

Рыцари приостановили лошадей, но сабли не убрали. Окружили со всех сторон казаков. Главный отряда выехал вперёд.

- Свои? Откуда? – спросил, не веря на слово, командир.

- С Полоцка, – ответила Янина и сняла шапку.

Её длинные волосы рассыпались по плечам. Рыцари присвистнули в один голос, а Богдан злобно прищурился. Приревновал красавицу любовницу.

- Я жена князя Боголюбова, дочь кастеляна Туровца пана Гарислава Азинскага, – назвалась она.

Один из рыцарей подъехал ближе, пристально рассматривая красавицу в одежде казака.

- Янина? – не веря своим глазам, спросил он. - Ты ли это? Вот кого не надеялся увидеть здесь, так это тебя.

Голос ей был знаком. Только вспомнить никак не могла его хозяина пани.

- Это я, Кшистав племянник Жолевского, – освежил память забывчивой родственнице пан Вуйчик.

- Кшистав?! – радостно воскликнула Янина. – Как вырос! Не узнать!

Когда она последний раз видела его, то Кшиставу было лет пятнадцать. Такой же, как сейчас её пасынок. И вот вырос в красивого юношу. На старого её мужа немного походил. Голубые глаза и вьющиеся кудри.

- Как пан Азинский? – спросил Кшистав.

Отцу Янины он был благодарен. Хоть дядька и богат был, но семья его сестры жила всегда в нужде. Старый Жолевский не помогал. А вот пан Азинский пристроил Кшистова к гетману Радзивиллу и семье почившего зятя помогал.

- Нет больше, пана Азинскага. Казнили его в Полоцке, – вмешался в разговор родственничков ревнивый Богдан.

К пасынку он не ревновал, а к этому молодцу стоит. Уж больно хорош молодой пан. И на лошади перед Яниной так и гарцует. Глаз своих не сводит с чужой женщины.

- Жаль пана Гарислава, – опечалился пан Вуйчик.

- А это кто, пани Янина? – спросил уже командир отряда, указывая на сопровождающих.

- Это мой пасынок и казаки, что помогли нам выбраться из Полоцка. Богдан воспитанник моего деда и его друг Остап. А этот юноша, мой пасынок, – улыбнувшись, представила пани Ярослава. – Ижбета – нянька моей дочери Маши.

Командир рыцарей убрал саблю. Подчиненные последовали его примеру.

- Спешу вас обрадовать, пани Боголюбова, ваш муж в лагере, – сказал командир.

Обрадовал. Неверная жена сразу погрузилась, а её любовник сжал поводья с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Не поедет с ним Янина, украдёт. И муж не догонит. Из – под носа мужа увезёт свою любимую. Никто не остановит.

Отряд с гостями направился в сторону лагеря гетмана Радзивилла. Янина и Богдан не разговаривали, только обменивались взглядами. Всю дорогу пан Кшистав не давал и слова вставить. Видно, родственничек уж сильно обрадовался встрече с вдовой своего дядюшки.

Командир рыцарей Короны ехал бок обок с Богданом. Его придирачивые глаза сверлили, что резали саблей.

- Так тебя Богданом зовут? – наконец-то подал голос командир.

- Зовут. А тебя, пан, как кличут? - спросил казак.

- Пан Лешек Ковальский, – назвался лях. – Так ты, Богдан, за город

сражался, да жив остался. А пану Азинскому не удалось выжить.

Недоверчивый лях попался им.

- Сражался, Лешек. Так и ваших много живыми убежало, – специально Богдан обратился к нему по-простому и на трусость ляхов намекнул.

Пан Ковальский понял, куда клонит казак, но вида не подал. Всё-таки пока не в лагере и неизвестно, как князь Боголюбов к этому выскочке относится. Гетман Радзивилл князя ценит и люди его под защитой Короны. Вот поэтому командир рыцарей пропустил мимо ушей оскорбление.

ГЛАВА 22

В шатре гетмана было многолюдно. Уже несколько часов военные мужи решали, как лучше выступить на Полоцк. Гетман слушал всех внимательно и молчал. Князь Боголюбов больше всего радел за немедленное наступление. Ссылался, что войска Ивана Грозного расслабились. Пьют и гуляют, не ждут нападения. И сам царь в одних кровавых расправах погряз, дальше носа не видит. Самое время ударить по ним. Князя понять можно за торопливость. Его жена и дети в Полоцке. Скорее всего, мертвы или в темнице после надругательств томятся. Пан Вишневский, напротив, советовал подождать, пока царь восвояси не отправится. Большая часть армии с ним уйдёт. Вот тогда и надо наступать, а сейчас силы не равны. Три тысячи ничто в сравнении многотысячным войском московитов.

- Нам надо выступать! – не унимался князь. – Они не ждут этого.

- Куда выступать, Алексей Платоныч? Нас ждёт поражение! Нельзя спешить, – перекрикивал пан Вишневский, тыкая в карты на столе. – Вот, смотрите! Полоцкие земли кишат московитами. Наши отряды то и дело, каждый день встречаются то с казаками, то со стрельцами, то с татарами. Мы ещё не сражались, а уже больше сотни потеряли.

- Ничего не могу понять? – встал с места гетман, рассматривая карты. – Почему царь не идет дальше с таким войском? Засел в Полоцке и всё. Завоевать Корону ему сейчас просто. Нас мало и мы слабы.

- Он считает, что своё уже получил. Литва вотчина потомков Рюрика. Корона Ивану Васильевичу не нужна, – отходя от стола, сказал князь.

- Взял своё? Ну, уж нет! – стукнул по столу кулаком гетман. – Я поклялся, не будет мне покоя, пока не прогоню всех московитов с земли Литовской!

О, этой клятве Радзивилла все знали. Поклялся, а ничего не делает. Сидит в лагере и ждёт.

В шатёр вошёл пан Ковалевский. Только что из разъезда. По распоряжению гетмана, все должны сразу же докладывать ему после возвращения.

- Ну, чем порадуешь нас, пан Лешек? – спросил гетман.

- Отряды неприятеля были замечены очень близко от нашего лагеря. В дне пути отсюда разграблен постоянный двор «Красный Кабан». Все убиты. Лазутчики тоже.

- Вы их убили? – садясь обратно за стол, поинтересовался Радзивилл.

- Нет. Их убили бежавшие из Полоцка двое казаков, – пан Ковалевский перевёл взгляд с гетмана на князя. – Алексей Платоныч с казаками ваша жена и дети.

- Что?! – не веря своему счастью, переспросил князь.

- Пани Янина с пасынками в лагере. Жена князя требует встречи с вами гетма, – уже смотря на Радзивилла, говорил пан Ковалевский.

Князь на мгновение потерял дар речи. В голове всё закружилось. Жена и дети живы. Хвала богу! Спотыкаясь о ковры в шатре, Алексей Платоныч выбежал на улицу. У самого входа стояли казаки. Он не сразу узнал любимого наследника. Ярослав так возмужал за эти месяцы. Давно не виделись. Как же отец корил себя за то, что так редко приезжал в Житницу к сыну. Дочка стояла рядом с женою. Глаза жены встретились с его глазами. В них не было радость. Только грусть. Она не бросилась к нему в объятия, как подобает супруге после долгого расставания. Янина вообще никогда не подходила к нему ближе, чем на полметра. Но, сейчас могла бы, и пересмотреть своё отношение к князю. Всё-таки с такого ада живыми выбрались. В объятия Алексея Платоныча бросился только сын.

- Отец! – кричал он, подбегая к нему.

Князь обнял любимое чадо.

- Мальчик мой, как я счастлив, что ты жив, – сдерживая слёзы, шептал отец.

Янина не спеша подошла к супругу, ведя за собою дочь.

- Маша, иди ко мне! – протянул руку князь.

Девочка неохотно подошла. Отца она таким заботливым не знала. В последние дни Маша привязалась к Богдану. И он с ней был добор.

- Машенька! Радость моя! – подхватывая на руки дочку, сказал князь. – Не оставляю вас больше надолго, родные мои.

Князь прижал к себе детей и всё ждал, когда жена снизойдёт до него. Но, Янина не двигалась с места. Её, словно, верёвками связали по ногам. Она смотрела то на Богдана, то на Алексея. Пани хотелось сбежать от таких внезапных порывов нежности нелюбимого супруга. И не перед Богданом обниматься с князем.

- Здравствуй, князь, – сказала только дочь кастеляна.

Князь поцеловал дочку и опустил на землю. Сын сам отошел, поняв, что супругам следует поговорить.

- И ты, здравствуй княгиня! Что в стороне стоишь? Не рада видеть меня? – начал с вопросов Алексей.

- Рада видеть тебя, князь, – соврала жена.

- Так что же не обнимешь, – сделав пару шагов к ней, спросил муж.
Пани отошла назад, будто избегая его рук.

- Не время обниматься, Алексей Платоныч, – опустила она глаза. –
Моего отца казнили.

Это была единственная правда, которая способна остановить князя от желания прикоснуться к жене.

Князь замер на месте. Весть о смерти тестя стала неожиданностью. Пан Азинский был достойным человеком. Зять уважал Гарислава Давыдыча. Но, княгиня просчиталась. Нелюбимый муж все же подошёл, а она и не заметила, глядя на грязный снег. Его руки обнял её. Князь, пытаясь утешить, прижал сильнее к себе жену. Вместо слёз, княгиня упёрлась в грудь мужа ладонями и отстранилась.

- Пусти, – прошептала она.

Он развёл руки в стороны. Янины почувствовав свободу, попятилась назад.

- Даже горе не делает тебя ближе ко мне, – с грустью сказал князь, уступая дорогу жене.

В шатре гетмана её уже ждали. Пан Ковалевский приоткрыл вход для дочери пана Азинскага. Гордая и неприступная жена скрылась за плотным материалом походного шатра гетмана.

ГЛАВА 23

Богдан убил бы на месте этого Алексея Платоныча. Благо друг сдержал. Заметил, как у Богдана заиграли мышцы челюсти и побелели костяшки на сжатых кулаках.

- Не дури, Богдан. Он муж её, – вцепившись в руку друга, говорил Остап.

- Он обнимает её, – хрипел от злости любовник, наблюдая за нежностями князя.

- Имеет право.

Если бы Янина не ушла так скоро после встречи с мужем, то Богдан бы их встречу превратил в расставание навеки.

- Не губи себя и её, мальчик мой, – голос Ижбеты вырвал его из бури ревности.

Старая нянька подошла беззвучно к двум друзьям. Она хорошо знала воспитанника старого пана Азинского. Резкий мальчик был и остался. Знал бы князь Боголюб, как близко он был от смерти. Секунды и Богдана ничто и никто не остановил. Была бы Янина вновь вдовой. Вдовой ещё не так плохо, как свидетельницей казни любовника. Хоть Ижбете и не поддерживала эти постыдные отношения бывшей воспитанницы, но и не осуждала порывы её сердца. Богдан красавец. И князь тоже не уступает любовнику. Но, почему-то с самого дня их свадьбы супруги холодны друг другу. Вернувшийся возлюбленный вновь зажгёт в глазах её девочки жизнь. Янина счастлива и нянька рада за неё.

- Как сдержаться, когда он на пути нашего счастья? – спросил Богдан у Ижбеты.

- Не он, мальчик мой. На пути вашего счастья стоит долг. И только Янине решать с кем остаться. С тобой или с ним, – поцеловала по – матерински Богдана в щёку старая нянька.

Князь подходил к казакам, улыбаясь. Им двигало желание поблагодарить за спасение его семьи.

- Ижбета, я рад тебя видеть, – раскрывая руки, чтобы обнять старушку, сказал Алексей Платоныч.

- И я, князь, рада, – обнимая мужа своей воспитанницы, говорила нянька.

- Могу я узнать ваши имена мои друзья? – обращался к казакам счастливый муж Янины.

- Остап, – назвался казак с серьгой в ухе.

Второй не спешил познакомиться. Глядел на князя, как волк, исподлобья.

- А это Богдан. Воспитанник деда пани Янины, – вместо Богдана, его представила Ижбета.

- Спасибо вам, друзья мои. Что детей и жену вернули, – в словах князя была искренняя благодарность. – Просите, что хотите. Если в моих силах, я исполню ваше пожелание.

- Да мне ничего и не надо, – сказал Остап. – У меня всё есть, что казаку надо. Конь хороший, сабля острая да свобода. Так что князь оставь свою благодарность для Богдана.

Князь обнял Остапа.

- Ну, раз тебе ничего не надо, то хоть вечером зайди ко мне в шатёр. От вина и сытного ужина добрый казак не откажется.

- Зайду, князь, – согласился Остап.

Взгляд благодарного мужа Янины перешёл на Богдана.

- А тебе, что надобно друг мой?

Богдан выпрямился. Дерзкая усмешка похожая на волчий оскал украсила лицо казака.

- Что мне надо, я сам возьму, – гордо говорил спаситель семьи, - и тебя не спущу. И недруг я тебе, князь.

Богдан специально задел князя плечом, уходя. Обманутый муж не растерялся.

- Что это значит? – таким же вызывающим тоном бросил он, уходящему казаку.

Тот обернулся.

- А то и значит. За детей я твою благодарность принимаю, – и, подходя вплотную к сопернику, прошептал ему на ухо, так, чтобы никто не услышал, – а за жену не благодари, я её тебе не возвращаю.

Их глаза встретились. Сколько ненависти было во взгляде каждого. Одна женщина и два мужчины. Выбор только за ней. Или за ними? Два соперника схватились за сабли. Ещё мгновение и не избежать поединка. Остап схватил друга, оттаскивая от князя. А обманутого мужа останавливал вовремя подоспевший пан Кшистав.

Казака и князя развели по разным сторонам лагеря. Чтоб друг другу на глаза не попадались. Княжич пошёл за отцом. Ижбета, как нестранно, за Богданом. Маша шла с нею рядом.

- Зачем ты, на рожон лезешь, Богдан? – ругала его нянька. – Поубивали бы друг друга и что? Янине легче бы стало? Нет! Не горячись, Богданушка.

- Не могу, Ижбета! Не могу! Чует моё сердце, не поедет она со мною!

А князя успокаивал молодой пан Кшистав. Только в отличие от Богдана, Алексей Платоный был поспокойнее. Его задела не измена жены, а дерзость казака и то, как он похвастался. Рогатым князь ещё никогда не был. В Московии неверную жену муж вправе убить. Да и редкость это женские измены. Благоверные по домам сидят. Это в Короне и Литве женщины так непостоянны и свободны. И если честно, прибить за измену он Янину не хотел. Не любил. Чего от бывшей любовницы короля ожидать. Первому мужу изменяла, а он чем лучше. Ну, молод и что? Когда князь с женою был. После свадьбы ни разу. Всё ждал, думая привыкнет к нему. Свыкнется со своим теперешним положением. Он хорошо помнил, как Янина убивалась на свадьбе и потом плакала. А как быть с женщиной, которая тебя так до слёз не желает.

- Этот казак дерзкий, – говорил пан Кшистав. – Никто, а ведёт себя, как пан. Надо гетману сказать, что на вас напал. Пусть его повесят.

- Нет. Мы сами разберёмся, – отказался ябедничать Алексей Платоныч.

Да и что он гетману скажет. Жена с казаком загуляла. Повесьте этого прелюбодея. Нет уж. На поединке решат кто прав и какая кому благодарность. Только князь честь свою отстаивать будет. А вот казачок пусть за неверную чужую жену бьётся.

ГЛАВА 24

Уходя от гетмана, Янина была недовольна. Надежды на скорое освобождение Полоцка друг отца и родственник воеводы Давойны развеял. Николай Юрьевич не обладал нужной численностью войск, чтобы противостоять Московскому царю. Он выразил сожаление, что отец пани отдал богу душу на плахе, а не в бою, как положено такому воину. Заверил в своей помощи и поддержке и всё. Больше от великого гетмана дочери кастеляна ждать нечего.

Выйдя из шатра, Янина никого из своих не увидела. Словно они растворились среди воинов лагеря. Неужели не стали дождалась? И где теперь их искать? Отойдя на несколько шагов от шатра, она услышала своё имя. Её звал Кшистав.

- Янина!

- Где все? – оборачиваясь на зов, спросила она.

- Князь и казак чуть поединок не устроили под носом у гетмана. Мы их разняли, – поведал историю выяснения отношений её мужа и любовника родственник.

- И где они?

- Князь тебя зовёт. Поговорить хочет, а я ещё должен Ижбету с твоей падчерицей найти. Они с казаками в ту сторону ушли, – указывая в восточную часть лагеря, говорил пан Вуйчик. – Идём, я покажу тебе шатёр князя.

- Нет. Иди лучше найди Ижбету с Машей, – и, взяв под руку молодого пана, прошептала, – Богдану скажи, что приду сегодня. Ясно.

Пан Кшистав понял, о чём просит жена князя. Она и дядьке его неверна была. С королём любила. Но король – это король! А кто такой этот безродный казак? На кого князя меняет родственница, на пса безродного? Совсем сдурела пани. Честь семьи марает, кувыркаясь с казаком. Понятно теперь почему Алексей Платоныч так разозлился. Надо было их не разнимать. Пусть бы князь показал этому Богдану, что такое благородная сталь у горла.

- Не скажу, – запротестовал пан Вуйчик. - А ты, пани Янина, к мужу пошла.

- Не приказывай мне, Кшистав! Забыл, как я тебе помогала? Как мой отец за тебя хлопотал у гетмана? Это я его просила, – напомнила забывчивому родственнику Янина.

Пан Вуйчик опустил глаза. Быть в долгу у женщины стыдно, да ещё у такой бесчестной, как Янины.

- Помню. Скажу, но больше не проси меня о подобной низости. Я сводником не буду. Шатёр твоего мужа прямо. Красный с белыми полосами. Мимо не пройдёшь. Там и лошадь княжича Ярослава привязана.

Пан Кшистав ещё раз посмотрел на дочь кастеляна с нескрываемым осуждением в глазах. Янина наоборот гордо выпрямилась и пошла в сторону шатра князя. Ей стыдится нечего. Она любит и любима. Это им стоит глаза прятать. Лицемеры и лгуны. Они ради золота готовы на всё. Даже жениться и жить не любя. А пани так жить надоело. По любви и с любимым хочется.

Шатёр мужа она нашла быстро, но входить, сразу не стала. Сын и отец ругались, на чём свет стоит.

- Я с тобой в лагере останусь! – кричал княжич.

- Нет! Мал ещё! В Краков с мачехой и сестрой поедешь! И не перечь отцу! – орал на него князь.

- Я сражаться умею. Дед и Остап научили! Что мне, будущему князю с бабами дома сидеть! Знаешь, с каким стрельцом я бился? Он в два раза меня сильнее и выше, а я его победил! – крича, хвастался Ярослав.

- Это оттуда у тебя шрам на лице?! Им всё равно, погибнешь ты или нет! Ярослав, ты мой наследник. Ты продолжатель рода князей Боголюбых. Мачеха твоя мне вряд ли сыновей родит ещё. Не станет тебя и наш род исчезнет. Подумай сынок! – уже не кричал, а говорил князь.

- Я подумал и решил. Только тебе моё решение не понравится, отец. Я вырос уже. Не надо меня на цепи держать, – спокойней сказал княжич. – Я с тобою остаюсь. На Полоцк пойду, мстить за мать и дедов своих.

- А я говорю, не пойдёшь! – опять закричал князь. – Завтра же в Краков едешь. Мачеху с сестрой сопровождать и с ним останешься!

- А почему не в Житницу? Боишься, что сбежит Янина. Я должен тюремщиком её стать? – тон сына был издевательским. – Нет, отец, стереги свою жену сам! Я в Сечь тогда поеду с Остапом и Богданом!

- Что?! – взревел, как раненый медведь, князь. – С этими проходимцами в Сечь?! Да я убью тебя, если ослушаешься моего наказа! В Краков завтра же!

- Поздно, отец меня учить! Сам решу! – закричал Ярослав.

Выбегая из шатра, он чуть не сшиб свою мачеху. Она вплотную стояла к занавесям. Подслушивать и не надо было. Их ссору за три версты расслышали, не напрягая слух. Княжич буркнул быстрое: «извини». Скрылся среди таких шатров. Князь выбежал остановить непокорного

сына, а остановился сам. Перед ним его жена.

Янина важно зашла в шатёр. Князь следом. О чём говорить? Не знают друг друга они. Муж и жена, а чужие люди.

Князь сел за стол, приглашая жестом и Янину.

- Ты поговорить со мною хотел, Алексей Платоныч? – усаживаясь, спросила жена.

- Хотел! Не знаю с чего начать? – признался князь.

- А ты начни с самого главного, – посоветовала Янина.

Князь вздохнул. Только с сыном поругался. Дух ещё не перевёл и с женою ругать не хочется. А поговорить всё же придётся. Тема довольно щекотливая.

- Янина Гариславовна, уж не в Сечь ли ты собралась? – начал с самого главного муж.

Жена откинулась на кресле. В мужской одежде это было легко. Нет сжимающих корсетов и многочисленных юбок, что так сковывают движения. Князь отметил про себя, а жена у него красавица. Как раньше он этого не замечал. Не мудрено, что другой заметил и приголубил пани. Думая об этом ревность стала в нём вскипать. Только князю пришлось заставить эти чувства немного подождать. Пока нет нужды давать им волю. Он не слышал правды с уст Янины. И сын молчит насчёт мачехи с казаком. Может, ничего и не было. Мало что сказал казак. Жену не верну. Куда ты денешься? Она и не твоя. А вызвать наглеца на поединок придётся. Чтоб знал, что бывает за длинный язык и посягательство на чужую жену.

- Не решила ещё. Думаю, – спокойно призналась Янина.

- И сына ты моего надоумила в Сечь бежать? – уже вскипал рогатый муж.

- Алексей Платоныч, оглянись вокруг. Сын твой вырос, а ты и не заметил. Он сам решения принимает. Я ему вовсе не указ. Взрослый, – говорила Янина, не сводя глаз с князя. – Так и дочь вырастит, а ты и не заметишь. Я уйду. Ты и это не заметишь. Чужие мы. Так сейчас отпусти меня с миром, князь.

- Отпустить рад бы, не могу. Перед твоим отцом в долгу.

Князь старался казаться спокойным, но тяжёлое дыхание выдавало в нём негодование. Отпустить её? Никогда! Не опозорит она его и своё имя.

- Я знаю, не любишь ты меня. Не люби, но память отца пожалей. Сбежишь с казаком, весь род свой опозоришь. Ты последняя из древнего шляхетского рода Азинских. Подумай Янина, что люди скажут. Дочь кастеляна Туровца бросила семью и сбежала с нищим проходимцем. Не позорь отца и себя, – голос князя дрожал, когда он это говорил.

Янина не выдержала и вскочила со стула. Гневно сверля глазами мужа, закричала:

- Я всю свою жизнь жила, как хотел отец! Как требуют Долг и Честь! А что это такое? Зачем жить, лишая себя самого главного – Любви! Разве честь семьи стоит моих лишений? Честь, которую продали сначала старому магнату Жолевскому, потом королю. А когда надоела, подарили тебе, князь! Это моя честь? Это мой долг? Быть чьей-то собственностью? За меня всю жизнь решали, сейчас я хочу решить сама. Чтобы я не выбрала честь, долг, позор, любовь, но это будет мой выбор!

Понимая, что жену так не остановить от ошибочного решения, князь подошёл ближе. Он резко прижал её к себе и поцеловал. Жена сопротивлялась, но потом всё же сдалась.

- Я был плохим мужем, – признал Алексей Платоныч, когда оторвался от губ жены.

- Ты им вообще не был, – задыхаясь, сказала Янина.

Поступок мужа смутил дочь кастеляна. Она была уже готова уехать в Сечь с Богданом, но слова князя и поцелуй заставили задуматься. А и вправду, на что им жить. Богдан будет постоянно в разъездах и походах. Там нет покоя. Бесконечные набеги татар. Сопровождать любимого в походах она не сможет. Да и как? В повозке, как походные девки? Нет, она не девка, а пани. Дочь пана Азинского. Она привыкла к другой жизни. К жизни полной слуг. Пани не знала голода. Только последнее несколько недель познакомилась с участью бедных. Пришлось поголодать в дороге. Она уже мечтала, когда приедет в лагерь наесться досыта. А если родятся дети, что им она даст. Полуразвалившуюся хатку – мазанку и страх перед набегом крымчан.

- Я буду лучшим мужем, если ты дашь мне шанс, – сказал князь.

Она не заметила из-за раздумий, как Алексей Платоныч подошёл к выходу. Подняв полог шатра, он отставил Янину наедине саму с собой.

Недолго дочь кастеляна думала в полном одиночестве. И когда уже почти решилась на побег в шатёр вбежала Маша.

- Мама, я думала, что ты потерялась! – радостно кричала девочка, обнимая мачеху. – Ты нашлась! Папа сказал, где ты!

Янина обняла девочку. Слезы не то радости, не то разочарования полились с её глаз. Убежать не дают. Не сможет она теперь. Маша не отпустит. И собою взять падчерицу нельзя. Не место маленькой девочке в таком не постоянном крае.

- Я не буду тебя учить, милая моя. И отговаривать особо не буду, – сказала Ижбета, присаживаясь на кресло. Её старые ноги чуть держали

измождённое усталостью тело. – Богдан хороший, смелый, горячий. Любит тебя безумно. Жизнь готов за тебя отдать, девочка моя. Я знаю, что ты любишь его. Давно любишь, но жизни с ним у тебя не будет. Сложит голову где-нибудь в походе, и останешься ты одна. Такая любовь долго не живёт. Лучше о ней вспоминать и плакать по ночам, чем горевать от утраты и разочарования. Отпусти его, Янина. Отпусти. Пусть скачет на четыре стороны. Такой мужчина, каким стал наш Богдан, на месте одном сидеть не сможет. Затоскует по свободе.

Янина поцеловала падчерицу.

- Я сейчас приду, родная. Только с Богданом попрощаюсь, – сказала она девочке.

Она строго смотрела на свою бывшую подопечную. Не уж-то сбежит. Бросит всё и сбежит с казаком. Старой женщине не хотелось в это верить, но в серых глазах пани она видела решительность. Дочь пана Азинского давно всё решила и напутствия няньки ей не к чему были. Опустив полог шатра, Янина со всех ног бросилась к Богдану. На рассвете они собрались бежать. Так договорено было. Как только приедут в лагерь, на следующее утро уезжают.

ГЛАВА 25

Наверное, мир так устроен, когда ты очень сильно чего-то жаждешь, то обязательно не получишь. Кажется, вот-вот оно счастье, только дотянись и ухвати рукой. Ты тянешься и тянешься, но всё напрасно. Твоё счастье растворяется перед тобою, как мираж в пустыне. Янина была полна решимости сбежать в Сечь. И вот осталось несколько часов до рассвета, а пани стояла у палатки Богдана, боясь войти.

Боялась сказать ему: «Я не могу». Рано или поздно это надо было сделать. Набравшись смелости, чтобы увидеть в любимых глазах боль обиды, она вошла внутрь палатки.

Тусклая свеча горела в центре. Её свет играл с тенями на лицах знакомых пани людей. Богдан подскочил с места и бросился к долгожданной гостье. Его руки обняли хрупкое тело чужой жены.

Он зашептал:

- Я знал, что ты придёшь. Старая нянька была неправа. Ты уедешь со мною, Янина.

Вместо ответа пани, отстранилась от пышущей огнём груди Богдана. На улице мороз, а рядом с ним настоящий огонь. Грейся, как у костра. И сгореть от его жара можно. Так сильно он её любит.

- Оставьте нас, – попросила Янина, смотря в сторону пасынка и Остапа. – Нам надо поговорить.

Второй раз повторять не пришлось. Казак был из догадливых. Поднявшись на ноги, сказал:

- Ну, да. Вы поговорите, а мы постережём, чтоб не мешали.

Подхватив за шкуру, всё ещё сидящего мальчишку, поволок его к выходу. Тот не упирался, но возмутиться успел:

- Им надо поговорить, пусть и идут на мороз. Мы-то чего должны уходить?

Слова княжича остались без ответа. Янине и Богдану сейчас не до него. Стоя друг напротив друга, они не отводили глаз. И каждый читал в любимых глазах ответы на свои вопросы, которые вслух произнести не решались.

- Не оставляй меня, – словно молясь, сказал Богдан.

Он так долго жил мечтами о Янине, что теперь не мыслит своей жизни без неё. Что-то внутри его подсказывало – больше им не свидеться. Судьба свела их в последний раз. Если она сегодня не уедет с ним, то так и

останется мечтою. Мечтою, живущей во снах любящего её казака.

- Не оставляй.

Ещё раз взмолился он, опускаясь на колени перед пани. Его руки обняли ноги Янины. Уткнувшись лицом в казацкие шаровары на ней, Богдан сильнее прижал её к себе.

- Украду. Ей- богу, украду, если сама не поедешь, - от безысходности уже угрожал он.

- Я не могу, - опустившись на колени и, прикоснувшись ладонями к лицу Богдана, сказала пани.

- Можешь. Брось всё и бежим. Мы будем свободны, как и мечтали. Помнишь?

- Помню, любимый, но не могу. Я последняя из рода Азинских осталась. Если сбегу с тобою, что будет с памятью моего отца? – Она опустила глаза, смахнув одинокую слезу со щеки. – И я не могу бросить семью.

- Какую семью, Янина? – вскипал Богдан. – Ты моя! Не его! Ты всегда была моей. Нет у тебя мужа, кроме меня. Нет у тебя детей! Хочешь, забирай Машу, но сегодня ты уедешь со мною. Я больше не потеряю тебя. Решай! На коне или поперёк коня? Но только со мною!

Таким резким Янина его ещё не видела. Богдан никогда не кричал на неё. И глаза не резали злостью. Будь на его месте кто-нибудь другой, то пани так же закричала в ответ. Только сегодня их последняя ночь вместе. Так зачем тратить скоротечные минуты на ссоры. Силой любимый не сможет забрать её. Слишком любит, чтобы невольницей держать рядом собою.

- Кем я буду там? Смогу ли жить жизнью чужой мне? Я пани, Богдан. Ехать сзади за тобою в телеге, как походная девка, не по мне. Ждать и бояться, что ты не вернёшься с набега? Это для меня тоже не жизнь. А если татары нападут? В каком гареме мне от тоски погибать? Найдёшь ли ты меня там? Нет, - теперь слёзы катились одна за одной.

- Я буду с тобой. Я не оставлю тебя одну, - ладонью смахнул он её слёзы.

- Ты затоскуешь. А я слишком люблю тебя, чтобы держать.

- Так что же, расстаёмся, раз не можем быть вместе? – спрашивал он, а в глазах надежда, что передумает Янина.

- Не сегодня. Завтра, - её пальцы стали развязывать верёвочки на своей рубахе, - а сегодня я твоя. До самого рассвета только твоя, Богдан.

- Как жить мне без тебя? – целуя нежную шею, спрашивал он.

- Я всегда с тобою, любимый, - снимая рубаху, говорила она. – Жар

солнца – это моя любовь греет тебя, - шаровары сползли вниз, а его руки оставляли горячие следы на теле. – Дождь – это я так тоскую по тебе. Ветер в твоих волосах – это я ласкаю тебя. Зимняя стужа – это мне так холодно без тебя. Пенье птиц – это я пою тебе.

Дико. Жадно он стаскивал с себя и с неё одежду. На улице начинала свой танец февральская метель, а им сейчас было не до качающейся на ветру палатки. В рваные дыры материала влетали снежинки и тут же каплями дождя падали на разгорячённые тела любовников. Свеча дрожала на сквозняке, готовая вот-вот потухнуть. Но даже полный полумрак не смог остановить их. В эту ночь ничто не имело значение, кроме любви. Словно голодные волки, они не могли насытиться такой скудной добычей, как пара часов до рассвета. Первые лучи солнца навсегда разлучат два любящих сердца.

Остановившись на мгновение, Богдан замер, всматриваясь в глубину её серых глаз.

- Хочу запомнить тебя такой счастливой навсегда, - прошептал он, убирая мокрые пряди русых волос с лица любимой.

Его губы стали покрывать поцелуями лицо Янины. Она пробежала ладонями по спине Богдана, прижимаясь ближе к нему всем телом.

Как скоротечно время, когда на горизонте вместе с рассветом расправляет крылья разлука. Богдан и Янина лежали, прижавшись друг к другу. Так не хотелось разжимать объятия и отпускать любимого в неизвестность будущего. Им больше не суждено свидеться в этом мире. И каждый это понимал. В последний раз они отражаются в глазах друг друга. Как много хотелось сказать, и как мало времени. Из сотен слов на ум приходили только три:

- Я люблю тебя, - прошептали они в один голос.

И вновь молчание. Зачем слова, когда их сердца, стуча в один такт, всё сказали, а души услышали.

ГЛАВА 26

Янина провожала троих всадников, стоя за лагерем. Её глаза устремились вдаль, пока всадники совсем не превратились в точку и их не поглотил яркий свет встающего солнца. При Богдане она старалась не плакать. С трудом сдерживала слёзы, просившиеся наружу. В первую разлуку так больно не было. Наверно, от того что не успели попрощаться. Слишком быстро всё произошло. Правда, выкрикнутая ею в сердцах отцу. Гнев отца и побег Богдана. Теперь же у них была целая ночь. Целая ночь, как мало для влюблённых. Несколько дней вместе пролетели, быстрее, чем вся её жизнь без него. Пани не помнила ужаса пережитого от осады Полоцка. Страх в подземелье растворился, стоило только Богдану обнять её. И вот она снова одна. На алтарь семейной чести ей пришлось опять принести в жертву свою любовь. Стоит ли такая семья этой жертвы?

- Ты рад, отец? – утирая слёзы, спрашивала она тишину вокруг себя. – Я отпустила его, а кто отпустит меня? Кто даст мне так желанную мною свободу?

Её голос срывался в рыдание. Упав на навеванный ночную метелью белый снег, пани Янина дала волю своему горю. Она не любила, когда её жалели. Но сегодня пани была переполнена жалостью сама к себе. Так долго мечтать о свободе с любимым! И отпустить эту мечту. Мечту, которой она жила все годы без Богдана. Разве она не жалка, рыдая на белом снегу. Даже самый обездоленный нищий счастливее пани. У него хотя бы есть надежда на райскую жизнь после. У Янины нет счастья в этом мире, а в загробном мире по райским кущам ей не гулять. Слишком грешная пани, но за свои грехи она каяться не будет. Самые лучшие дни в её жизни – это те самые грехи.

- Мама!

Голос Маши за спиною, заставил успокоиться. Мачеха обернулась. Всего в нескольких шагах от неё, стояли Ижбета и падчерица. Янина раскрыла руки, и девочка бросилась в её объятия. Нянька последовала за подопечной.

- Ты передумала всё-таки, – подходя, улыбнулась старуха. Протянув руку, чтобы помочь подняться пани, похвалила, - Ты сделала правильный выбор, Янина. Отец бы тобою гордился.

- Я сделала этот выбор не из-за отца, - поднимаясь, сказала пани.

Прижав к себе ребёнка, жена князя Боголюбова, вернулась в лагерь.

Шатёр мужа она нашла быстро. Но, стоило им только войти, как за ними влетел сам князь. На его лице смешалось сразу и удивление, и радость, и негодование.

- Где мой сын? – сразу спросил он.

- Уехал с ними, - ставя на землю Машу, ответила Янина.

- Почему ты не остановила его? – задыхаясь, говорил князь.

Он искала Ярослава всё утро, бегая от шатра к шатру и по палаткам солдат. Сына нигде не было. Только пан Кшистав подсказал, что княжича с мачехой и казаками видели на окраине в западной части лагеря. Он думал - опоздал, когда никого не нашёл за лагерем. Хотел уже послать вдогонку за беглецами. И тут увидел Янину, входящую в его шатёр. Надежда затеплилась в отцовском сердце, что сын не бежал на Сечь.

- Если ты не смог его остановить, то, как мне это под силу? – спросила жена.

- Я прикажу вернуть его, - не унимался рассерженный отец.

- Он сам вернётся. Позволь Ярославу самому решать в своей жизни, - впервые заступилась за пасынка мачеха.

Князь опустил голову. Подойдя к столу, уселся на стул. Устал. Так много дней без сна провёл. Всё думал, как его семья в осаждённом городе. Живы ли? Все живы. Радуйся! Так нет радости. Сын предпочёл бежать с любовником жены и его другом в Сечь, а не остаться с отцом.

Князь Боголюблов устало посмотрел на неверную жену.

- А ты чего не бежала с ними? - в его глазах ещё горели искры злости, но голос уже был спокойным.

- Вопреки своему сердцу я послушала доводы разума.

ЭПИЛОГ

Шестнадцать лет спустя.

Лето выдалось знойным в этом году. Август не приносит ночную прохладу, а первые солнечные лучи пробивались сквозь римские шторы на окнах. Щурясь яркого света, Янина потянулась в кровати. Сегодня день будет самый насыщенный за несколько лет провинциальной жизни. Дочка выходит замуж. На свадьбу Маши съедутся все соседи. Пан Бельский уже приехать с сыном из Кракова. Предложение о руке и сердце молодой пан Марек сделал ещё два года назад. Янина и Алексей всё никак не могли отпустить дочь. Хотя породниться с таким древним и богатым родом мечтает каждый шляхтич. Так долго свадьбу никто бы не откладывал, чтобы не сбежал жених.

В мае юная панночка на королевском балу стала настоящей сенсацией. С Марией танцевал сам король – Стефан Баторий. Ни один пан не мог отвести глаз от красавицы дочери князя и княгини Боголюбовых. Если Янина Гариславовна радовалась такому успеху, то Алексей Платоныч загрустил. Отдавать дочку в руки алчного королевского двора он не хотел. Этот успех повлиял на дату свадьбы. Пусть лучше замуж идёт, чем при дворе распутничает.

Скинув простынь, Янина ещё раз потянулась в постели. Поспать бы ещё, но дела не ждут. После смерти Ижбеты весь дом на ней. Новую помощницу пани не решила нанять. Всё равно лучше Ижбеты никто не сможет вести такое огромное хозяйство, как Житница.

- Агнешка! – позвала служанку Янина.

- Да, пани!

Та появилась в дверях мгновенно. Держа в руках кувшин с водой и тазик, присела в реверансе.

- Такая рань! Если бы не день рождение дочери, спала бы ещё, - подходя к тазу с водой, сказала пани.

- Панночка Марыся уже проснулась. Ждёт подвенечное платье. Портному осталось пришить последнюю оборку, и оно готово. Молодой пан Гарислав на конюшни. Стреляет по мишеням с паном Вуйчиком. Ваш родственник подарил Гариславу Алексеичу новый мушкет.

- Когда Кшистав приехал? – вытирая лицо, задала вопрос пани.

- Перед самым рассветом, пани, - заправляя кровать, ответила Агнешка. – Я будить вас не стала. И пан Вуйчик не хотел вас тревожить.

- Хорошо. Помоги одеться, - приказала пани Янина.

После лагеря Радзивилла с паном Вуйчиком у Янины были натянутые отношения. Никак не мог простить ей Кшистав того напоминание, кому он обязан званием и службой. Пани это не особо трогало. Гордость его панскую задела, и что теперь дуться вечно будет? Дуется. Уже больше десяти лет, как встреч и разговоров избегает пан Вуйчик. С князем добрые друзья, а с его женой тихие недруги.

Затянув последнюю тесьму на платье, служанка отошла от пани Янины. Всплеснув руками, восхищённо воскликнула:

- Какая вы красавица, пани Янина! Не мудрено, что пан Алексей так любит вас.

- Любит. Теперь любит, Агнешка, - сказала Янина, любуясь своим отражением в зеркале. – Я сына ему родила, чего же не любить.

Их сыну Гариславу шестнадцать лет скоро исполниться. Растёт мальчик не по дням, а по часам. Черноволосый, черноглазый, смышленный и уже такой дерзкий. Весь в отца. На мгновение приуныла пани, вспомнив глаза любимого. Ну, что горевать? Когда у неё осталась частичка его.

- Идём, гости скоро начнут прибывать, а столы не накрыты, - сказала пани, завожённой её красотой служанке.

- Да, Янина Гариславовна, - ответила та, уже мельтеша за хозяйкой.

Стоило им только выйти в главный зал, как гул снующих повсюду слуг, завертел пани в водовороте предпраздничных дел. Отдавая распоряжения пани, ненароком бросила свой взгляд в распахнутое окно. Кто-то быстро приближался к воротам. Чем ближе был всадник, тем сильнее начинало колотиться её сердце. Одежда не панская и не гусарская. Казак! Чуть не вырвалось криком из неё. Пани побежала навстречу долгожданному гостю. Неужели Богдан приехал?!

Она выбежала на крыльцо и обомлела. Казак спешил. Отдавая поводья конюху, снял шапку. Широкая улыбка чуть подняла вверх шрам на щеке. Напоминание о первом уроке для княжича.

- Ну, здравствуй, Янина! – воскликнул он радостно.

- Здравствуй, Ярослав! – прижимая ладонь к сердцу, сказала мачеха.

- Годы над тобою не властны, - подходя ближе, говорил пасынок. – Так же красива, как и в то утро, когда прощались.

- И ты не очень-то изменился, Ярославушка. Возмужал, а таким же наглецом остался, - улыбнулась ему Янина.

Её пасынок изменился. Из долговязого мальчишки превратился в рослого и сильного мужчину. Повзрослеть повзрослел, а взгляд такой же. На свою мачеху смотрит вождедея. И глаз не отводит, как раньше краснея.

Во взгляде Ярослава теперь решительность и уверенность взрослого мужчины. На своего отца совсем непохож. Князь воспитан при доме, а княжич другую науку познавал с казаками в походах.

- Вижу, спросить хочешь про Богдана, - сказал он, расстегивая рубаху.

Янина отступила на пару шагов назад. Опустив глаза. Спросить о Богдане она, конечно, хотела, но зачем при белом свете раздеваться.

Сорвав с шеи верёвку с серебряным кольцом, Ярослав протянул мачехе.

- Женился? – первое, что пришло ей в голову, увидев кольцо в мозолистой ладони пасынка.

- Атаман Богдан перед смертью просил тебе передать, - уже опечалился Ярослав. – Последние годы мы с Сибирским ханством воевали. Прошлой осенью сразила нашего атамана татарская стрела. Всё тобою, Янина, бредил.

Она взяла кольцо. Годы разлуки, а сердце готово остановиться от горя. Говорят - годы лечат от всего. Врут. От настоящей любви лекарства нет. И годы её только усиливают. Пани сжала в кулаке серебряное колечко. Она старалась не расплакаться, но слёзы сами скатились на щёки. Ярослав обнял свою мачеху, пытаясь утешить.

Прижав к себе сильнее, прошептал:

- Я ненадолго. Послезавтра наш атаман с войсками Речи Посполитой выступает на Полоцк. Я несколько дней назад узнал, что сестра замуж выходит. Вот и приехал поздравить.

- Отец твой обрадуется. Вы столько лет не виделись, Ярослав.

- Не думаю, что обрадуется, - сказал казак. – Я больше не его видеть хотел, а тебя. Завтра с рассветом уезжаю.

Пани Янина опустила глаза. Не к месту чувства пасынка. Столько лет прошло, а всё забыть не может. Один раз на него бросила жаждущий взгляд. Неужели так глубоко в сердце ранили глаза мачехи в том подземелье.

- Не погостишь совсем? – отстраняясь, спросила Янина.

- Не могу.

- Князь, должен к полудню с Туровца приехать. Ты с отцом всё же поговори. Он скучал по тебе, Ярослав, - коснувшись щеки пасынка рукою, сказала пани. – Марыся в своих покоях. Иди, обрадуй сестру.

- А тебя я не порадовал своим приездом? – спросил, тяжело дыша, пасынок.

- Порадовал, - она грустно улыбнулась Ярославу, - что живым вернулся. Иди, мальчик мой.

Её рука соскользнула с небритой щеки Ярослава. Княжич провожал её удаляющийся стан взглядом. Не такую плохую весть ему хотелось привести мачехе. Он знал, как сильно Богдан и Янина любили друг друга. И никак не мог понять, почему она тогда не уехала с казаком в Сечь, как мечтала. За шестнадцать лет у него было много женщин, но не одну он так не желал, как свою мачеху. Будь он тогда на месте Богдана, просто увёз любимую силой. И сейчас бы увёз. Не поймут друзья. Украсть жену отца, когда вокруг столько юных красавиц вьются. И каких красавиц! Жаль его сердце бьётся ровно рядом с ними. Только с Яниной оно просыпается и рвётся наружу. Видно, ему придётся всю жизнь любить такую чужую, но такую родную ему женщину.

Сжимая в другой руке кольцо, Янина шла на звуки стрельбы. Её сын упражнялся в меткости с панов Вуйчиком. Не подходя ближе, чтобы они её не заметили, пани любовалась на расстоянии своим сыном. Как же он похож на Богдана. Всё от отца подобрал. И голос. И смех. И улыбку. И чёрный, как смоль волос. И дерзкие глаза. Гордость распирала материнское сердце. Если бы от любимого у неё не осталось ничего, то умерла бы от тоски пани. А так на этом свете держала её частичка любимого в ней. Наивысшее счастье. Настоящая любовь. Когда-нибудь она расскажет ему о настоящем отце. Расскажет, как свела их любовь, и разлучил долг.

КОНЕЦ.